

Эрик Фрэнк Рассел

Против странного устройства

1

Государственный научно-исследовательский центр, самое сердце научных усилий страны, находился в огромном грозном здании, огромном и грозном даже по стандартам двадцатого столетия. В сравнении с ним Форт Нокс и Алькатраз, Бастилия и Кремль были пограничными бревенчатыми фортами. Но все же и он был уязвим. Вражеские глаза усердно изучали то малое, что можно было увидеть. Вражеские умы старательно обдумывали то малое, что было известно о нем, и после такого изучения все место становилось менее безопасным, чем изъеденная молью палатка.

Внешняя стена возвышалась на сорок футов над землей, погружалась в землю на тридцать футов и была толщиной в восемь футов, она была сделана из гранитных блоков, покрытых гладким как шелк алюминиевым цементом. На глади стены не было даже выбоинки для того, чтобы за нее могла зацепиться нога паука. Под основание стены, на глубине тридцати шести футов, располагалась задублированная чувствительная микрофонная система, рассчитанная на пресечение попыток человеческих кротов проникнуть внутрь. Те, кто проектировал эту стены, были твердо уверены, что фанатики способны на все и что ни одна из принятых ими мер не является перестраховкой.

В огромной длине квадратной стены были всего две бреши: маленькая узкая дверь на лицевой стороне стены, служившая для входа и выхода персонала, и большие ворота с задней стороны стены, через которые грузовики привозили необходимые запасы и вывозили готовую продукцию и отходы. Обе бреши были защищены сорокатонными дверями из стали и массивные как двери морского дока. Эти двери действовали автоматически и не могли оставаться открытыми одновременно. Каждая дверь охранялась своим взводом охраны. Охрана состояла из здоровенных, грубых мужчин с суровыми лицами, те, кто имел с ними дело считали, что они выбраны для этой работы благодаря их подозрительному нраву и воинственной натуре.

Выход из этого места был более легок, чем вход. Выходящий обязательно снабженный пропуском на выход, единственно что терпел, эту задержку перед каждой дверью. Задержка эта происходит из-за того, что пока одна дверь не закроется, другая не закроется. Движение в обратном направлении, то есть внутрь, было просто безумием. Если служащий был хорошо известен охранникам, то его при входе ожидала только задержка на открытие дверей и довольно быстрые проверки пропуска, который периодически менялся. Это было обычной процедурой.

Но для незнакомца процедура проверки была серьезной, несмотря на то, какой бы важный пост он не занимал или какие бы авторитетные документы он не предъявлял. Ему приходилось выдержать долгое и доскональное собеседование с первой группой охранников. Если что-либо в его ответах не нравилось охранникам или они были просто не в том настроении, чтобы проверить, посетитель подвергался обыску, который включал в себя изучение даже естественных отверстий входящего. Любой найденный предмет, который охрана рассматривала как подозрительный, излишний, неразумный, необъяснимый или просто не относящийся к визиту, конфисковывался, не смотря на протесты, и возвращался владельцу только при выходе.

Но это был только первый этап. Второй эшелон охраны специализировался на том, чтобы обнаружить то, что не сумел обнаружить первый. Они не преуменьшали значения обыска произведенного первым эшелоном, но настаивали на втором, собственном обыске. Этот обыск мог включать в себя снятие зубопротезных мостов и изучение полости рта. Эта

тактика была введена после того, как были изобретены передающие телекамеры величиной в полсигареты.

Третий эшелон состоял из хронических скептиков. Эти охранники имели привычку задерживать любого незнакомца и проверять с первым и вторым эшелоном был ли ему задан тот или иной вопрос, и если был, то какой ответ был получен. Они также ставили под сомнение каждый ответ, бросая тем самым тень на добросовестность своих предыдущих коллег. Полный отчет о произведенных первых двух обысках поступал также сюда и любой промах в технике обыска здесь исправлялся. Даже если для этого приходилось этого человека снова раздеть. Охранники третьего эшелона имели в своем распоряжении, правда редко использовали, такие серьезные приборы как рентгеновские установки, детекторы лжи, ультразвуковые камеры, устройства для проверки отпечатков пальцев и так далее.

Огромная защитная стена, окружавшая центр, хранила все что находилось за ней. Отделы, цеха, лаборатории были строго отделены друг от друга стальными дверями и упрямыми охранниками, которые не допускали прохода из одной части центра в другую. Каждый такой отсек был обозначен своим цветом в который были выкрашены все стены и двери, чем выше в спектре располагался цвет, тем выше секретность данного подразделения, тем выше приоритет дан этому отделу.

Работники отсека с желтым цветом не могли пройти в отсек с голубым цветом. Работники голубого отсека могли пройти «полировать пол», как они называли это, в желтый отсек и другой, имеющий более низкий приоритет, но им было строжайше запрещено совать нос в красные двери.

Но даже охранники не могли пройти за черные двери без формального приглашения с той стороны. Только люди черного сектора, президент, да Сам Бог Всемогуший могли свободно ходить по все территории центра.

По все этому лабиринту была разбросана сеть проводов, спрятанная в стенах, дверях, а в некоторых местах и в потолках. Провода были соединены с тревожными огнями и сиренами, с устройствами блокировки дверей, с микрофонами и телекамерами. Всякое подглядывание и подслушивание велось специалистами черной секции. Вновь прибывшие люди долго привыкали к тому, что даже в туалете их постоянно видели и подслушивали, потому что где найти лучшее место, чем эта маленькая кабинка, чтобы скопировать, сфотографировать или запомнить секретные данные.

Все эти труды, изобретательность и расходы были бесполезны с точки зрения внешнего и враждебного взгляда. На самом деле все это было настоящим Сингапуром, открытым для атаки с невидимой и неожиданной стороны, если конечно, во всех этих тщательно продуманных предосторожностях не проглядели очевидного.

И не смотря на хитрости и предосторожности, очевидное было упущено. Люди, стоящие высоко на лестнице научного центра, были блестящими специалистами, но каждый в своей области и полными невеждами в других областях. Главный бактериолог мог часами рассказывать о новом вирусе и не мог ответить на такой вопрос, как сколько спутников имеет Сатурн. Главный баллистик мог нарисовать сложнейшую траекторию движения тела, но не мог сказать к какому классу относится опоссум, к лошадям, оленям или жирафам. Все предприятие было напичкано высококвалифицированными специалистами, там не было лишь одного, такого, который мог бы понять намеки, которые становились уже видны.

Например, никто не предавал значения тому факту, что если служащие смирились с постоянным подслушиванием, подсматриванием и периодическими обысками, большинство из них ненавидели эту систему цветов. Цвет стал символом престижа. Служащие желтого отдела рассматривали себя обделенными по сравнению со служащими голубого отдела, хотя и те и другие получали одинаковое жалование. Человек, работающий за красными дверями рассматривал себя на голову выше, чем человек, работающий за белыми. И так далее.

Женщины, которые всегда были наиболее чувствительными элементами общества в социологическом плане, раздули это еще сильнее. Женщины-служащие и жены работников в своих связях твердо придерживались цветового принципа. Жены работников черного отдела

считали себя выше остальных и гордились этим, а жены работников белого отдела считали себя самым дном и очень сердились на это. Сладкая улыбка, воркующий голос и в то же время по-кошачьи показанные когти были нормальной формой приветствия у них.

Такое положение дел было принято всеми и рассматривалось как заведенный порядок. Но это было далеко не просто такой порядок. Это было прямое доказательство, что на центре работают обычные люди, а не стальные роботы. Отсутствующий специалист – грамотный психолог – мог увидеть это с первого взгляда, даже если он и не мог отличить систему навигации ракеты от системы наведения той же ракеты.

Вот здесь то и лежала главная слабость. Не в бетоне, граните и стали, не в механизмах и электронных устройствах, не в порядке, а просто в плоти и крови.

Отставка Хаперни принесла больше раздражения, чем тревоги. Сорока двух лет, с темными волосами, склонный к полноте, он был специалистом по глубокому вакууму. Все, кто его знал, считали его умным, работающим и спокойным, как гипсовая статуя. Насколько было известно, его ничего не интересовало, кроме работы, ничего не беспокоило, кроме его работы. То что он был холостяк, рассматривалось, как доказательство, что его ничего не отвлекает от основной его работы.

Байтс, начальник отдела, и Лейдлер, начальник охраны, вызвали его для собеседования. Они сидели рядом за большим письменным столом, когда Хаперни, шаркая ногами, вошел в кабинет и мигая уставился на них сквозь толстые стекла очков. Байтс взял из стопки лист бумаги и положил его перед собой.

– Мистер Хаперни, я только что получил вот это. Ваше заявление об отставке. В чем дело?

– Я хочу уйти, – ответил Хаперни, потирая руки.

– Почему? Вы нашли себе лучшее место где-нибудь еще? Мы должны знать это.

Хаперни начал шаркать ногами. Вид у него был довольно несчастный.

– Нет, я не нашел еще другой работы. Да и не искал. Пока что. Может быть потом.

– Тогда почему вы решили уйти? – спросил Байтс.

– С меня довольно, – сказал Хаперни смущенно и взволнованно.

– Довольно? – скептически переспросил Байтс. – Довольно чего?

– Работать здесь.

– Давайте говорить прямо, – настаивал Байтс. – Мы вас ценим. Вы работаете здесь уже четырнадцать лет. До сих пор вы, казалось, были довольны. Ваша работа считалась первоклассной и никто никогда не критиковал ее или вас. Если вы будите продолжать в том же духе вы обеспечите себя до конца своих дней. Вы действительно хотите отказаться от выгодной и интересной работы?

– Да, – подтвердил Хаперни.

– И ничего не имеете лучшего в перспективе?

– Именно так.

Откинувшись на спинку стула, Байтс уставился на него и задумался.

– Знаете что я подумал? Вам стоит показаться врачу.

– Я не хочу, – ответил Хаперни. – Более того, мне это не надо, и я не буду делать этого.

– Врач может просто определить, что вы страдаете от истощения нервной системы в результате того, что вы много и упорно работали. Он может быть просто порекомендует вам долгий и полный отдых, – настаивал Байтс. – Вы можете тогда взять продолжительный оплачиваемый отпуск. Поехать куда-нибудь в спокойное местечко, порыбачить и в положенное время вы вернетесь такой же блестящий, как новенький доллар.

– Я не интересуюсь рыбалкой.

– Какой же черт вас тогда интересует? Что вы собираетесь делать после того, как увидите отсюда?

– Поеду куда глаза глядят, попутешествую немного. Я хочу быть свободным и ехать куда захочу.

Нахмурившись, вступил Лейдлер.

– Вы хотите выехать из страны?

– Не сразу, – ответил Хаперни.

– Ваше персональное дело говорит, что вы еще ни разу не запрашивали заграничного паспорта, – продолжал Лейдлер. – Я должен вас предупредить, что вам придется ответить на много нескромных вопросов, если вдруг вы запросите паспорт на выезд. Вы были допущены к информации, которая может быть полезна врагу. Правительство не может игнорировать этот факт.

– Вы хотите сказать, что намериваюсь торговать этой информацией? – спросил Хаперни, слегка покраснев.

– Совсем нет. По крайней мере ни при этих обстоятельствах, – горячо заверил Лейдлер, – на данный момент ваша репутация безупречна. Никто не сомневается в вашей преданности. Но...

– Что но?

– Обстоятельства могут измениться. Парень, который просто ездит по стране без работы, без каких-либо источников доходов, в конце концов встает перед финансовой проблемой. И тогда он получит свой первый опыт в испытании бедностью, его идеи начнут меняться. Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Я найду работу, когда-нибудь, где-нибудь, когда я буду для этого готов и здоров.

– Ах так! – вмешался опять Байтс, ехидно подняв брови, – что вы думаете, скажет босс, к которому вы обратитесь с вопросом, не нужен ли ему специалист по глубокому вакууму?

– С моей квалификацией я могу и мыть посуду, – возразил Хаперни. – Если вы не возражаете, я бы хотел решать свои проблемы сам, на свой манер. Это ведь свободная страна, не так ли?

– Мы просто хотим получить ясность, – с угрозой сказал Лейдлер.

Байтс глубоко вздохнул и возразил: – Если парень настаивает на том, чтобы стать сумасшедшим, то мне его не остановить. Так что я принимаю его отставку и передаю его дело в штаб-квартиру. Если они решат, что вас надо пристрелить до рассвета, то это будет на их совести, – он махнул рукой. – Хорошо, идите, я все сделаю.

Когда Хаперни вышел, Лейдлер сказал: – Ты заметил его лицо, когда ты сказал, что его надо пристрелить до рассвета? Мне оно показалось чересчур напряженным. Может быть, он чего-то боится?

– Воображение, – возразил Байтс. – Я видел его в этот момент, он выглядел вполне нормально. Я думаю, что он просто поддался естественному зову природы.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Он просто задержался в сексуальном развитии, а сейчас созрел. Даже в сорок два не поздно заняться этим, чем занимаются в юности. Бьюсь об заклад, что он пустится отсюда во весь галоп, как разгоряченный бык. И так и будет скакать, пока не наткнется на подходящую самку. Тогда он ею воспользуется по прямому назначению, остынет и захочет обратно свою работу.

– Возможно ты и прав, – согласился Лейдлер, – но я бы на это свои деньги не ставил. Я нутром чувствую, что его что-то беспокоит. Хорошо было бы узнать, что этому причина.

– Не тот тип, чтобы волноваться, – заверил его Байтс, – никогда таким не был и никогда не будет. Все что он хочет, это поваляться с кем-нибудь на сене. А против этого нет закона, не так ли?

– Иногда я думаю, что такой закон не мешало бы создать, – загадочно возразил Лейдлер, – во всяком случае, когда высококвалифицированные специалисты вдруг впадают в лирику, я не могу рассматривать это просто как начало брачного сезона. Здесь могут быть более глубокие причины. Нам надо знать о них.

– И что?

– За ним надо вести наблюдение, до тех пор, пока мы не убедимся, что он не сделает никакого вреда и не намерен это сделать в будущем. Пара агентов контрразведки потаскается за ним это время. Правда, это стоит денег.

– Не из твоего же кармана, – заметил Байтс.

– Конечно нет.

– Так что волноваться?

Новость об отставке Хаперни растеклась по центру, но обсуждалась как бы между прочим. В столовой Ричард Брансом, металлург из зеленого отдела, помянул об этом своему сослуживцу Арнольду Бергу. В дальнейшем они будут участниками еще более таинственных событий, но тогда ни один из них об этом и не подозревал.

– Арни, ты слышал, что Хаперни собрался лиять?

– Да, он сам мне об этом сказал несколько минут назад.

– Хм. Неужели задержка результатов по его тематике так его разбила? Или, может, ему где-нибудь предложили большие деньги?

– Нет, – возразил Берг. – Он сказал, что устал от режима и хочет какое-то время пожить свободно. В нем просто проснулся цыган.

– Странно, – пробормотал Брансом. – Он никогда не казался мне непоседой. Всегда был таким неподвижным и прочным, как скала.

– Да, он никогда не производил впечатление бродяги, – согласился Берг, – но ты же знаешь, не даром говорят – чужая душа потемки.

– Может, ты и прав. Я иногда устаю от этих порядков. Но уж, конечно, не настолько, чтобы бросить хорошую работу.

– Тебе надо содержать жену и двух потомков, – возразил Берг, – у Хаперни никого, кроме его самого. Он может делать все, что захочет. Если он хочет поменять профессию научного работника на уборщика мусора, я могу пожелать ему только удачи на новом поприще. Кто-то должен для нас и помои убирать, а то мы все в них погрязем. Ты об этом думал?

– Мои мысли заняты более высокими делами, – уклончиво ответил Брансом.

– Твои мысли спустятся до низких вещей, если твой задний двор будет тонуть в помоях, – пообещал Берг.

Про игнорировав последнее замечание, Брансом сказал:

– Хаперни – зануда, но не дурак. У него тугодумная, но блестящая голова. Если уж он уходит, то это несомненно по стоящей причине, но он достаточно умен, чтобы не афишировать ее.

– Например, какую?

– Не знаю. Я могу только догадываться. Может, он нашел себе работу где-нибудь в другом государственном центре, но ему велели держать язык за зубами.

– Может быть. В этом нестабильном мире все может быть. В один прекрасный день я сам могу исчезнуть и сделать карьеру как стриптизный танцор.

– С таким-то пузом?

– Это может добавить интерес, – сказал Берг, с любовью похлопывая себя по животу.

– Ну пусть будет так, – Брансом помолчал, потом сказал. – Теперь когда я думаю, мне кажется, что это место становится все более и более гнилым.

– Все, что можно рассматривать как бремя от налогоплательщиков, должно получать время от времени толчок, – пояснил Берг. – Всегда есть кто-нибудь, кто врет о расходах.

– Я не имею в виду разговоры о новых урезаниях в бюджете. Я думаю о Хаперни.

– Его уход работы не остановит, – заверил его Берг. – Просто небольшие затруднения. Для того, чтобы найти специалиста надо приложить усилия и потратить время. Количество таких специалистов не безгранично.

– Точно. А мне кажется, что за последнее время такая трата сил и времени происходит все чаще и чаще.

– С чего ты взял? – спросил Берг.

– Я здесь уже восемь лет. За первые шесть наши потери были вполне разумными и их можно было предсказать. Мужики достигали шестидесяти пяти и уходили на пенсию. Другие продолжали работать и через какое-то время умирали или заболели. Несколько молодых

загнулось от естественных причин. И так далее. Как я уже сказал потери можно было предвидеть.

– Ну?

– А теперь посмотрим на последние два года. Кроме нормального числа ушедших в отставку, переведенных на другую работу, умерших, появились такие, которые исчезли по менее обычным причинам. Например, были Мак-Лайн и Симпсон. Поехали в отпуск на Амазонку и прямо как растворились, никаких следов от них не нашли до сих пор.

– Это было полтора года тому назад, – согласился Берг. – Бьюсь об заклад, что они давно мертвы. Могло произойти что угодно. Утонули, змеиный укус, лихорадка или просто их живьем съели пираньи.

– Потом был Хакобер. Женился на состоятельной даме, у которой был замок где-то в Аргентине. Поехал туда помочь по хозяйству. Но как очень способный химик, не мог тебе точно сказать из какого конца коровы раздается «му».

– Он мог это и знать. Он сделал это из-за любви и денег. Это стоит усилий. Дай мне шанс, я бы сумел.

– Хендерсон, – продолжал Степсон, не обращая внимание на замечание, – та же история, что и с Хаперни. Попросил отставку. Я слышал, что потом его видели где-то на западе, он там заимел промтоварный магазин.

– Я слышал, что как только его там обнаружили, он тут же исчез опять, – заметил Берг.

– Да, ты напомнил мне о слухах. Так вот, был еще один слух о Мюллере. Его нашли застреленным. Заключение было – смерть от несчастного случая. Слухи говорили, что это было самоубийство. Ведь у Мюллера не было каких бы то ни было причин лишать себя жизни, и он не был похож на типа, который будет небрежно обращаться с оружием.

– Ты хочешь сказать, что он был убит? – спросил Берг, подняв брови.

– Я хочу сказать, что его смерть была странной, мягко сказать. К этому прибавь случай с Арваньямом, который произошел пару месяцев назад. Свалил свою машину с набережной прямо в воду на глубину сорок футов. Сказали, что он был в обморочном состоянии. Ему тридцать два года, атлетического сложения и прекрасного здоровья. Теория с обмороком не кажется мне слишком убедительной.

– И какое у тебя медицинское звание?

– Никакого, – согласился Брансом.

– Ну, парень, который выдвинул теорию с обмороком был опытным доктором. Я думаю, он знал, что говорит.

– А я и не говорю, что он не думал, что говорит. Я только сказал, что он сделал подходящую догадку, а не поставил диагноз. И это не зависит от того, кто ее сделал.

– У тебя есть лучшие предположения?

– Да. Если бы Арваньян был любителем заложить за воротник. То – в этом случае, если предположить, что он вел машину в пьяном виде, то все сходится. Но насколько я знаю, он не был любителем выпить. Не был он и диабетиком, – Брансом сделал задумчивую паузу и продолжил. – Может, он заснул за рулем?

– Это возможно, – согласился Берг, – со мной самим такое произошло много лет назад. И это произошло не от усталости. Я заснул от долгой монотонной дороги, пустынной дороги в темноте, от шуршания шин, от пляски огней фар на шоссе. Я зевнул несколько раз, а потом – Бам! – очнулся на полу с портфелем на голове. Этот случай встряхнул меня на несколько недель, скажу тебе я.

– Арваньян не ехал долгой утомительной дорогой. Он проехал точно двадцать четыре мили.

– Ну и что? Он мог устать и задремать после рабочего дня. Может он до этого не выспался. Несколько испорченных ночей могут свалить человека. Он может в таком состоянии уснуть где угодно.

– Ты прав, Арни. Как отец двоих детей я знаю, что это такое. Недостаток сна может свалить человека. А это заметно по его работе, – Брансом постучал по столу, чтобы

подчеркнуть эти слова. – По работе Арваньяна этого не было заметно.

– Но...

– Более того, он по всем данным ехал домой. А набережная была в стороне от прямой дороги домой. Он делал крюк в три мили. Он что, сделал крюк, чтобы попасть туда? Почему?

– Понятия не имею.

– И я тоже. Это выглядит как самоубийство. Вполне возможно, что это и не было самоубийством. Никто не знает, что произошло. У меня такое чувство, что во всем этом есть что-то странное. Это все, что я знаю.

– Ты чересчур подозрителен, – заметил Берг. – Тебе бы надо стать частным детективом и открыть сыскное агентство.

– Это слишком беспокойно и никаких гарантий, – ответил Брансом.

Он взглянул на часы:

– Пора вкалывать, – вздохнул он.

Через два месяца Берг исчез. В течение десяти дней, предшествовавших его исчезновению, Берг был тихим, задумчивым и молчаливым. Брансом, который работал рядом с ним, первые дни относил это просто к плохому настроению. Но постепенно это все меньше и меньше напоминало плохое настроение и все больше походило на осторожное молчание. Брансом заинтересовался:

– Что-нибудь случилось?

– А?

– Я говорю, у тебя что-нибудь случилось? Ты ходишь нахохлившись, как наседка.

– Я этого не замечал, – возразил Берг.

– Ты должен был заметить это теперь, когда я сказал тебе это. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Со мной все в порядке, – возразил Берг, – не может же человек постоянно трепаться.

– Про тебя-то уж такого не скажешь.

– Ну вот и нормально. Я говорю, когда мне это хочется и молчу, когда хочу.

После этого молчание усилилось. В последний день от Берга слышали только слова, которые были необходимы по работе. На следующий день он не появился. В обед Брансом был вызван в кабинет Лейдлера. Тот приветствовал его нахмурившись и указал на стул.

– Садитесь. Вы работаете вместе с Бергом, не так ли?

– Да.

– Вы с ним в дружеских отношениях?

– В достаточно хороших, но я бы не назвал это дружбой.

– Что вы хотите этим сказать?

– Мы вполне сработались, – ответил Брансом. – Он понимает меня, а я его. Каждый из нас знает, что он полностью может положиться на другого. Вот и все.

– Чисто рабочие отношения?

– Да.

– А вне работы вы не общаетесь?

– Нет. Вне работы у нас нет ничего общего.

– Хм, – Лейдлер был разочарован. – Он сегодня не появился на работе. И никаких объяснений не оставил тоже. Вы не знаете, в чем тут дело?

– Нет. Вчера он ничего не говорил. Может, он болен?

– Нет, – возразил Лейдлер. – У нас нет медицинского сертификата.

– Прошло еще слишком мало времени. Если его послали только сегодня, то вы сможете получить его только завтра.

– Он мог бы позвонить, – настаивал Лейдлер. – Он знает как пользоваться телефоном. Он уже вполне взрослый для этого. И даже если он где-нибудь привязан к постели, он мог попросить кого-нибудь позвонить нам.

– Может, его привезли в больницу в таком состоянии, что он не мог говорить, –

предположил Брансом. – Такое иногда случается. Во всяком случае, телефон работает в оба конца. Если бы вы сами позвонили ему...

– Гениальная идея! Это делает вам честь, – огрызнулся Лейдлер раздраженно, – мы звонили ему два часа назад. Никто не подходит. Мы позвонили соседу. Сосед поднялся и несколько минут колотил в дверь. Никакого ответа. Сосед нашел хозяина и открыли дверь запасным ключом. Осмотрели дом. Никого. Квартира в обычном порядке и ничего необычного не заметили. Хозяин не знает, когда Берг вышел из дому и, кстати говоря, приезжал ли он вчера вечером домой он тоже не знает. – Лейдлер потер подбородок, немного подумал, потом продолжил, – Берг разведен. А вы не знаете, есть ли у него какая-нибудь знакомая?

Брансом задумался.

– Случайно он упоминал о девушке, с которой встречался и которая ему нравилась. Он упоминал о ней четыре или пять раз. Но мне кажется, это все было не настолько серьезно. Это было просто развлечение. В отношении к женщинам он напоминал замороженную рыбу и они чувствовали это, по крайней мере большинство из них, и платили ему тем же.

– В таком случае это не похоже на то, что он проспал в каком-нибудь любовном гнездышке, – заметил Лейдлер, потом добавил. – Если он не восстановил отношения со своей прежней женой.

– Сомневаюсь.

– Он упоминал о ней в последнее время?

– Нет. Я вообще думаю, что он не вспоминал о ней в последние годы. По его словам, они были совершенно несовместимыми, но выяснили это только после свадьбы. Ей нужна была страсть, а ему покой. Она называла его интеллектуальным мучением и выбросила его за борт. Через несколько лет она вышла замуж снова.

– В его личном деле сказано, что у него нет детей и что ближайшим родственником является его мать. Ей восемьдесят лет.

– Может быть с ней плохо и он помчался к ней? – предположил Брансом.

– Как мы уже говорили, у него был весь день, чтобы позвонить нам. А он не позвонил. Более того, с его матерью все в порядке. Мы проверили это совсем недавно.

– Тогда ничем не могу помочь.

– Нет, может, и можете, – возразил Лейдлер, – последний вопрос. Есть еще кто-нибудь в центре, кто мог бы хорошо быть информирован о личных делах Берга? Кто-нибудь, кто разделяет его вкусы и хобби? Кто-нибудь, кто может с ним проводить выходные дни?

– Никого из таких людей я не знаю. Берг не был замкнутым, но и общительным его тоже не назовешь. Было полное ощущение, что после работы он вполне удовлетворен своей собственной компанией. Я всегда смотрел на него, как на очень самодовольного индивида.

– Ну, если завтра он появится на работе с улыбкой во всю рожу, то ему понадобится ему все его самодовольство, так как он тут же попадет на ковер, за прогул без уважительной причины и не предупредив никого. Это против правил и это заслуживает наказания. Но и заставляет нас волноваться. Правила созданы не для того, чтобы нарушать их. А мы не любим волноваться, – закончил Лейдлер с искрами раздражения и власти в голосе. – Если он появится или вы услышите о нем что-нибудь из каких-либо источников, ваш долг немедленно сообщить нам.

– Я обязательно так и сделаю, – пообещал Брансом.

Покинув кабинет Лейдлера и отправившись в свой зеленый отдел, Брансом все время думал о происшедшем. Может быть, ему следовало рассказать Лейдлеру о недавнем разговоре с Бергом или о подозрениях последнего? Но что это даст? Он не может ничего объяснить. А может следовало рассказать о недавней грубости Берга? Но Берг не был похож на человека, который будет долго носить обиду в сердце. И еще меньше он похож на человека, который будет отсиживаться в укромном местечке, как обиженный ребенок.

Обдумывая и взвешивая все это, он вспомнил замечание Берга, несколько месяцев тому назад: "В один прекрасный день я сам, может быть исчезну и сделаю себе карьеру

«стриптизного танцора». Что это было, простая шутка или здесь был скрыт какой-то смысл? И если в этом был смысл, то что Берг подразумевал под «стриптизным танцором»? Все это были вопросы без ответов.

– Да, Бог с ним, – подумал про себя Брансом, – у меня довольно своих собственных проблем. Во всяком случае, он наверняка появится завтра с какой-нибудь уважительной причиной.

Но Берг не появился ни завтра, ни послезавтра. Он ушел навсегда.

2

В следующие три месяца еще три высоко квалифицированных специалиста при обстоятельствах, которые могли и должны были поднять тревогу, но не подняли, исчезли. Один, также как Берг просто пропал в неизвестном направлении, очевидно, следуя своей прихоти. Двое других исчезли, официально сославшись на мало убедительные обстоятельства, которые только усилили гнев Байтса и Лейдлера. Последний решил, что по этому поводу надо что-то делать. В свободной стране каждый может оставить работу и искать другую без того, чтобы его арестовали за недостаточную откровенность или заставили сделать операцию.

Потом пришла очередь Ричарда Брансома. Мир начал для него распадаться в пятницу, тринадцатого. До этого дня он жил в приятном удобном мире, не обращая внимания на некоторые недостатки этого мира. В нем были случайности, рутина, скука и соперничество, страх и тысяча и одна разные другие события, которые переживает каждый человек. Но жизнь надо прожить. Жизнь полна мелочей, которые мы принимаем как должное и почти не замечаем, пока они вдруг не исчезнут.

Каждое утро в восемь десять отходил поезд. Те же лица, на тех же сиденьях, тот же шелест разворачиваемых газет, тот же гул голосов при разговоре. Или вечерняя дорога домой вдоль обсаженной деревьями аллеи, где всегда можно встретить какого-нибудь соседа, чистящего газон на лужайке. Щенок, прыгающий вокруг тебя перед твоим крыльцом. Улыбающееся, раскрасневшееся от кухонной жары лицо Дороти, приглашающей в дом, когда двое детей виснут у тебя на руках и просят сделать что-то для них смешное и веселое.

Вот это и есть малюсенькие, но ценные крупинки, из которых и состоит обычный день. И вот разом они теряют свою реальность. Они расплываются и становятся размытыми, они маячат как нетвердые признаки, не решившие идти ли им дальше или остановиться. Они покинули его, оставив в ужасном умственном одиночестве. Он ринулся за ними с желанием догнать их, их, которых разжигали его шокированный мозг, догнал их, но они тут же исчезли снова.

Все началось с нескольких слов. Он возвращался домой в холодный вечер, который нес в себе явные намеки приближающейся зимы. Тонкие слои тумана плавали в приближающихся сумерках. Как всегда, он должен был пересестись с поезда на поезд и для этого ему надо было двадцать минут подождать на платформе. Следуя своей обычной привычке, он прошел в буфет, чтобы выпить за это время кофе. Он сел на стул за стойкой с правой стороны и сделал заказ, который он делал уже бесчисленное число раз.

– Черный кофе, пожалуйста.

Рядом с ним сидели два человека, крутили в руках чашечки с кофе и вели несвязную беседу.

Они выглядели как ночные шоферы-"дальнобойщики", собирающиеся вскоре приступить к своим обязанностям. Один из них говорил со странным непонятным акцентом, который Брансом не мог определить.

– Шансов пятьдесят на пятьдесят, – сказал тот, что говорил с акцентом, – даже если это было сделано вчера. Полиция никогда не раскрывает более половины убийств. Они сами в этом признаются.

– Не знаю, – возразил другой. – Цифры могут врать. На пример, сколько раз они

прихватывают кого-нибудь, кто совершил более одного преступления, к примеру, дюжину?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Смотри, давай будем рассуждать о вещах как они происходят на самом деле, а не как они должны быть. Никого не наказали за убийство, это будет начальный факт. Парня допустим, приговорили к смерти совсем за другие грехи. Но они знают, что он убийца, а доказать этого не могут. А они должны доказать, иначе им его не прихватить.

– Ну?

– Но он, возможно, замешан в нескольких других убийствах, о которых они не знают, или не могут их доказать. Все эти убийства остаются нераскрытыми. Но что толку, если они и сумеют их на него повесить? Никакого! Они не могут казнить его несколько раз. Когда заплатит за свое убийство, он заплатит за все сразу. Он заплатит за определенное преступление, которое они раскрыли, – говорящий задумчиво отхлебнул кофе, – этот факт никогда не опубликовывался и никогда о нем не скажут. Но если бы он был обнаружен, то мы бы увидели, что шанс для убийцы остаться безнаказанным – двадцать из ста.

– Пусть будет так, – согласился тот, что говорил с акцентом. – Но как они утверждают, это было совершено лет двадцать назад. Это дает преступнику кое-какую фору.

– А как ты оказался замешан в этом?

– Я же говорил тебе. Вода подымала это большое дерево. Оно очень низко склонилось над дорогой. Заставило меня даже пригнуть голову, когда я проезжал мимо. Через несколько минут я встретил патрульную полицейскую машину. Я остановил ее и предупредил их о том, что пятьдесят тонн готовы перекрыть дорогу. Они поехали туда посмотреть.

– А потом?

– Затем полицейский пришел в кантору и спросил меня. Он сказал, что дерево спилили и увезли. А вот под корнями нашли человеческие кости, принадлежащие женщине, убитой около двадцати лет назад. Что они ждут какого-то эксперта, который осмотрит эти кости, – говорящий отхлебнул кофе, посмотрел нахмурившись на стену и продолжил. – Он сказал, что у нее пробит череп. При этом он уставился на меня, как будто я и есть тот кадр, которого они ищут. Он спросил меня, сколько лет я езжу по этой дороге и не видел ли я там кого-нибудь или что-нибудь подозрительное.

– А ты ему ничего и не сказал, – усмехнулся второй.

– А я и не мог ему ничего сказать. Он записал мой адрес на случай, если я им еще понадоблюсь. Может быть, они теперь будут за мной следить, когда я буду проезжать через Бельстон. Это все, что получил за заботу об обществе.

Бельстон!

БЕЛЬСТОН!

Человек, слышавший все это и сидевший на другой стороне прилавка, уставился в свою чашечку кофе. Чашка опустилась вместе с рукой, как будто из руки внезапно утекла вся сила. БЕЛЬСТОН! Чашечка чуть не упала. Он не дал ей упасть, только собрав всю свою силу и поставил ее аккуратно на блюдечко, затем соскользнул со стула и медленно вышел. Шофера не заметили как он удалился. Он медленно шел, коленки дрожали, в спине пробегал холодок, голова кружилась.

Я РИЧАРД БРАНСОМ, ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ МЕТАЛЛУРГ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ. МНЕ ДОВЕРЯЕТ МОЕ НАЧАЛЬСТВО. УВАЖАЮТ ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ, МЕНЯ ЛЮБИТ МОЯ ЖЕНА, ДЕТИ И ДАЖЕ ЩЕНОК. ПРЕЖДЕ ЧЕМ МЕНЯ ПОСТАВИЛИ НА СЕКРЕТНУЮ РАБОТУ, МЕНЯ ПРОВЕРЯЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ СПЕЦИАЛЬНО ОБУЧАЛИСЬ ЭТОМУ. МОЕ ДЕЛО ЧИСТОЕ. МОЯ РЕПУТАЦИЯ БЕЗУПРЕЧНА. НА МНЕ НЕТ НИ ОДНОГО ПЯТНА!

НЕТ ПЯТНА?

БОЖЕ, ПОЧЕМУ МЕРТВЫЕ ВСТАЮТ ИЗ СВОИХ МОГИЛ И ВМЕШИВАЮТСЯ В ДЕЛА ДРУГИХ? ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ЛЕЖАТ В СВОИХ МОГИЛАХ И НЕ ДАЮТ ЖИВЫМ ЖИТЬ В МИРЕ И ПОКОЕ?

Он стоял и пустыми глазами смотрел на подходящий поезд, которого он до этого ждал,

и сейчас не осознавал его приближения. Ноги сами внесли его в вагон, в котором он обычно ездил. Он шел как слепой. Он непонимающе огляделся, сел на свое обычное место и все это как во сне, не понимая, что делает.

ПОЧЕМУ Я УБИЛ ЭЛАЙН?

Вагон был как всегда полон. Рядом с ним и вокруг него сидели все те же лица. Он приветствовал их при входе обычным кивком головы и они были готовы как всегда поболтать с ним о пустяках.

Человек, сидевший против него, Фамилоу, свернул свою вечернюю газету, пихнул ее в карман, откашлялся и сказал:

– Сегодня был прекрасный день, я думаю вы со мной согласитесь. За последнее время погода компенсирует нам... – он осекся и продолжил уже громче. – Вы плохо себя чувствуете, Брансом?

– Я? – Брансом вздрогнул. – Нет, все в порядке.

– Вы плохо выглядите, – сообщил Фамилоу. – Вы такой бледный, как будто вас побелили, – он наклонился в сторону и хихикнув, легонько толкнул локтем Коннели, человека, сидевшего рядом с ним. – Слышишь, что говорю? Брансом такой бледный, как будто его побелили.

– Да, выглядит он плоховато, – согласился Коннели, не собираясь восхищаться чужим остроумием. Он отодвинул в сторону свои колени. – Не стошните на мои колени.

– Все нормально. Со мной все в порядке, – слова прозвучали какими-то чужими.

ПОЧЕМУ Я УБИЛ ЭЛАЙН?

Фамилоу оставил эту тему и начал жаловаться на бога и на падение деловой активности.

Все это время он смотрел на Брансома своими бесцветными глазами слегка вытаращенными. Казалось, что он все время ожидает, что произойдет что-то неприятное. Коннели тоже ожидал чего-то, правда, не в таком явном виде. У них был вид людей, которые не по своей воле были вызваны оказать первую помощь человеку, катающемуся в припадке по полу.

Поезд продолжал гроыхать колесами по рельсам, разговор заглох и все трое сидели, чувствуя себя не в своей тарелке. Никто не пытался возобновить разговор. Наконец за окном показалась полоса огней, которая замедлилась и поезд остановился. В туманной темноте на платформе послышались голоса. Кто-то в голове поезда с грохотом вез сундук. Коннели и Фамилоу не отрывали выжидательного взгляда от Брансома, который, казалось, совершенно не замечал их внимания.

В конце концов Фамилоу наклонился и похлопал Брансома по колену.

– Если вы, конечно, не переехали, то это ваша станция.

– Да? – Брансом недоверчиво посмотрел на него.

Он поднял занавеску и уставился в окно.

– Действительно! – он схватил свой портфель и ринулся в проход. – Должно быть я просто задремал.

Когда он выходил из вагона, то услышал как Коннели сказал:

– Задремал с кошмарами, наверное.

Затем он оказался на платформе, наблюдая как отходит поезд. Яркие освещенные вагоны один за другим проезжали мимо него. Он мог видеть в окнах пассажиров, которые болтали между собой, читали газеты и покачивались в полудреме. Ни у кого не было настоящих причин для волнения. Их головы были заняты лишь вполне тривиальными мыслями. Что у них будет сегодня на обед? Чувствовали желание провести тихий спокойный вечер перед телевизором и задумывались, хочет ли Мабл тоже провести вечер дома, или куда-нибудь сходить? Они были ленивы и благодущны, каким был и он сам по дороге домой до сегодняшнего дня.

Но сейчас началась охота и дичью в ней был Брансом. Стоя один, если не считать этих проезжающих вагонов, он испытывал настоящий страх преследования. Это было не

какое-нибудь ощущение приключения, как можно было бы сказать. Это было разбивающее мысли психическое состояние, которое он никогда не испытывал. И в конце этого бега на длинную дистанцию стоял приз для победителя – электрический стул. Он мог представить со всей отчетливостью этот стул и это видение в нем вызывало головокружение.

Он не мог избежать этих мыслей и в то же время не мог ничего придумать. Выйдя со станции, пройдя по улице и завернув за угол, он продолжал идти совершенно не представляя себе, где он. Автопилот, который находился у него в голове, взял управление на себя и вел его домой по хорошо известному маршруту. Он видел ярко освещенные окна соседей. Раньше эти окна наводили на мысли о жизни, протекающей повсюду, теперь он смотрел на них как на просто огни, потому что мысли его были о смерти. Кости, которые могли и должны были перейти в другое столетие. Кости, которые должны были остаться под корнями до тех пор, пока не пройдет столько времени, что связать эти кости с настоящим будет невозможно. В этой цепи случайностей, казалось, есть какое-то дьявольское упрямство, которое хотело направить всю цепь случайностей в направлении определенного виновного. Из миллиона деревьев только одно, вполне определенное, должно было наклониться и начать охоту на человека.

На встречу ему попался молодой Джимми Лингстром, таща за веревку маленький грузовик ярко красного цвета.

– Здравствуйте, мистер Брансом, – крикнул он.

– Здравствуй, – механически ответил Брансом, забыв прибавить «Джимми», как делал всегда.

Он механически пошел дальше, как робот.

Пару месяцев назад он заполнял однообразные часы какого-то путешествия, чтением одного из сенсационных журнальчиков о преступлениях. Кто-то забыл этот журнальчик на сидении в поезде и Брансом подобрал его из любопытства и начал перелистывать. Одна из правдивых историй в этом журнале рассказывала, как собака во время прогулки выкопала кости руки с золотым кольцом. И отталкиваясь от этой маленькой детали шаг за шагом, адвокаты и детективы, разъезжали по всему свету и собирали и складывали кусочки джигсо в течение двух лет. И вдруг видна стала вся картина во всей своей неприглядности и человек пошел на электрический стул через четырнадцать лет после совершения преступления.

А теперь вот это. Где-то недалеко находится большая контора, в которой работают ученые ищетки, и они уже изучают жертву. Определяют примерную дату убийства, пол, вес, рост и множество других деталей, которые понятны только специалистам. Распутывание паутины лжи началось, а окончание этой процедуры зависит только от времени.

Его пульс участился от таких мыслей. Как настанет конец? Дома, на работе или может быть вот так сейчас, по дороге домой или на работу? Возможно, дома, и этого он боялся больше всего. В своем мозгу, возбужденным происходящим, он легко мог представить себе эту сцену. Дороти пойдет откроет дверь и впустит двух или больше суровых мужчин с грубыми лицами и будет стоять с широко раскрытыми глазами, пока один из них будет говорить.

– Ричард Брансом? Мы из полиции. У нас есть ордер на ваш арест и мы должны вас предупредить, что все, что вы сейчас скажете, может...

Визг Дороти. Дети плачут и пытаются выставить полицию за дверь. Щенок повизгивает от симпатии к нему и ищет укромное местечко. А полиция уведет его, они пойдут рядом с ним, с обеих сторон от него, чтобы он не убежал. Поведут его от Дороти, от детей, от щенка, от дома, от всего, что для него так дорого. И это навсегда, навсегда, навсегда.

Его прошиб холодный пот, несмотря на ветреный вечер, когда он обнаружил, что вот уже пятьдесят ярдов, как он пошел собственный дом. Развернувшись на одном каблуке, он вернулся, поднялся на крыльцо, и как пьяный начал беспорядочно шарить в карманах в поисках ключа.

Как только он вошел в дом, дети с визгом бросились к нему и начали на него прыгать. Каждый визг казался ему особенно пронзительным и ударял по нервам, такого он еще

никогда не испытывал. Щенок повизгивал и крутился у него под ногами, заставляя его постоянно спотыкаться. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не реагировать на визг и водворить на лицо фальшивую улыбку. Он погладил две растрепанные головки. Он погладил и похлопал по двум мягким щечкам, осторожно переступил через щенка и, сняв пальто, шляпу, повесил их на вешалку.

Дети сразу заметили, что что-то не в порядке. Они замолчали, отошли в сторону и мрачно наблюдали за ним, зная что у него какие-то неприятности. Он попытался развеселить их, но теперь ему это уже не удалось. В свою очередь, они не сделали ничего, что могло бы его успокоить. Даже сам их взгляд говорил как бы о том, что они знают, что на нем лежит какое-то проклятие.

Из кухни слышался голос Дороти:

– Это ты, дорогой? Ну как прошел день?

– Беспокойно, – признался он.

Он прошел на кухню, поцеловал ее и на какое-то время поддался слабости. Он обнял ее чуть-чуть слишком сильно и держал в руках чуть-чуть слишком долго, как будто хотел сказать, что никогда с ней не расстанется.

Она немного отодвинулась от него, внимательно посмотрела на него, и ее изогнутые брови нахмурились.

– Что-нибудь серьезное, Рич?

– Что серьезное?

– То, что у тебя в голове.

– Нет, меня ничего не тревожит, – соврал он, – просто пара сложностей, на работе. Со всеми этими проблемами сойдешь с ума, но за это мне и платят деньги.

– Ну, – сказала она с сомнением, – постарайся не поддаваться этому. Дом – это то место, куда люди уходят от всего этого.

– Знаю, – согласился он, – но от них не так просто избавиться. Может, некоторые и могут отбросить их сразу же после выхода из лаборатории, но у меня так не получается. Даже дома мне надо еще около получаса, чтобы избавиться от них окончательно.

– Но тебе за такую переработку не платят.

– Мне и так платят достаточно.

– Ты этого заслуживаешь, – сказала она определенно, – лучшие головы заслуживают лучшей платы.

Он похлопал ее по щеке.

– Они знают это, моя милая. Но на свете есть куда лучшие головы, чем моя.

– Ерунда, – ответила она, ставя под миксер миску. – У тебя просто появился комплекс неполноценности. Ты меня просто удивляешь.

– Нет, – возразил он, – хорошая голова достаточно хороша, чтобы увидеть еще более хорошую голову. В институте есть такие, которые достойны широкой известности, поверь мне. Умные люди, Дороти, очень умные. Хотел бы я быть таким же компетентным, как они.

– Ничего, если ты еще не такой, то скоро обязательно станешь, – заверила Дороти.

– Надеюсь.

Он задумался. «Будешь», сказала она. Будущее время. Это имело смысл еще вчера, но не сегодня. Его будущее было отобрано чужими руками, медленно, по кусочкам, частичка за частичкой. До того дня, скоро или рано...

– Ты какой-то вялый сегодня. Голоден?

– Не очень.

– Обед будет готов через несколько минут.

– Хорошо, дорогая. Я как раз за это время помоюсь.

По дороге в ванную он стянул с себя рубашку и начал мыться, как будто таким образом хотел смыть всю черноту у себя на голове. В его голове была паутина, каждый раз, как он наклонялся над раковиной, его слегка качало в сторону.

Поспешно вошла Дороти.

– Я забыла сказать тебе, там есть сухое и теплое полотенце... ой, Рич, ты где-то рассадил себе руку.

– Я знаю, – он взял из ее рук полотенце и начал промокать себе шею и груди, потом согнул руку, чтобы посмотреть на ссадину на локте. Локоть побаливал. – Упал на ступеньках в Бригагане сегодня утром. Рассадил локоть и ударился затылком.

Она ощупала его затылок, запустив свои тонкие пальцы ему в волосы.

– Да, там здоровая шишка.

– И не говори. Очень больно, когда до нее дотрагиваешься.

– Рич, ты так можешь сломать себе шею. Там очень крутые ступеньки. Как же это случилось?

– Сам не знаю, – он кончил вытираться и взял рубашку. – Я спускался по ним так же как и тысячу раз до этого. И вдруг нырнул прямо вниз. И не поскользнулся, и не запнулся. Не помню, чтобы плохо себя чувствовал, головокружение там или еще что. Просто взял и полетел прямо на землю. Навстречу поднимались два парня, они видели как я пошатнулся, кинулись ко мне и сумели подхватить меня. Я думаю, если бы не они, все было бы гораздо хуже.

– Ну, а потом?

– Я, видимо, вырубился на какое-то время, потому что, когда пришел в себя, я уже сидел на ступеньках, а один парень хлопал меня по щеке и спрашивал: – «С вами все в порядке, мистер?». Я с трудом поднялся на ноги, ноги у меня дрожали и пошел дальше. Надо сказать, я чувствовал себя очень глупо.

– Ты ходил к доктору?

– Нет. Не было каких-либо оснований. Пара синяков и все. Я не привык бегать к докторам, каждый раз как я ударюсь и поцарапаюсь.

Она озабоченно оглядела его.

– Но, Рич, если с тобой случился такой обморок, то значит с тобой что-то не все в порядке и...

– Со мной все в порядке. Я настолько здоров, что вполне могу упасть с Большого Каньона и потом запрыгнуть туда обратно. Не надо беспокоиться о какой-то ссадине и шишке. Дети, пока не повзрослеют, получают такое постоянно, – он взял воротничок и галстук и начал одевать их. – Я просто о чем-нибудь задумался и оступился, что-нибудь подобное. Это научит меня смотреть, куда я иду. Давай забудем об этом. Хорошо?

– И все равно, я... – ее голос вдруг затих, на лице появилось озадаченное выражение, – что-то горит, – вскрикнула она и бросилась на кухню.

Он внимательно осмотрел себя в зеркале, пока завязывал галстук. Вытянутое аскетическое лицо, тонкие губы, довольно темные глаза, темные волосы. Маленький белый шрам на левом виске. Хорошо выбрит, хорошо одет. Через сколько времени они составят описание его наружности? Как долго до того момента, когда какой-нибудь писака, без галстука, постоянно жуящий сигареты, напишет о нем статью с кричащим заголовком вроде: «Фантом-убийца из Куперкрик!»

То, что смотрело на него из зеркала, никак не походило на лицо убийцы. Но его вполне можно изменить, особенно на фотографии с глазами уставленными в камеру и с полицейским номером, висящим на шее. Каждый может выглядеть убийцей при таких обстоятельствах, особенно, когда глаза устали от яркого света и сам валяешься с ног от бессонной ночи, проведенной на допросе.

– Обед готов!

– Иду, – отозвался он.

Ему совершенно не хотелось есть, но надо было пройти через всю эту процедуру обеда. Тревога, звенящая у него в голове, отзывалась болью в животе. Но отказ от пищи мог вызвать еще больше нежелательных вопросов. Ему пришлось есть через силу.

Перед смертью не надышишься.

Смешно.

Когда человек видит свой конец, ему должно быть не до еды.

Он шел мимо охраны, как всегда в девять утра. Кивнул охранникам всех трех отрядов, переминаясь подождал у каждой двери. По инструкции охранники должны были бы спросить его пропуск и изучать его несколько минут, несмотря на то, что хорошо знают его. Но это правило перестало быть строгим после того, как Каин взорвался, когда его шурин спросил у него его пропуск в семнадцатый раз за день. Теперь охранники только кивали знакомым. И бросались на тщательную проверку только к незнакомым для них лицам.

В раздевалке он снял пальто и шляпу, и повесил их в металлический шкафчик, потом натянул на себя рабочий халат темно-зеленого цвета с металлической круглой бляхой на груди. Затем он прошел по нескольким коридорам, мимо еще нескольких охранников и прошел через темно-зеленые двери. Дольше он прошел через хорошо оборудованную лабораторию и, наконец, дошел до большого помещения в глубине. Помещение по своим размерам напоминало авиационный ангар. Каин и Потер были уже там, они водили карандашами по чертежу, разложенному на скамейке, обсуждая что-то в устройстве, стоящем в центре зала.

Блестящий металлический объект, стоящий в центре зала, напоминал нечто среднее между автомобильным двигателем и длинноствольной зениткой. Но его вид не мог никого обмануть. Любой грамотный специалист-баллистик после краткого изучения мог понять назначение этого устройства. Ряд маленьких ракет, стоящих у основания устройства, выдавал его предназначение с головой – снаряды без гильз.

Предметом обсуждения Каина и Портера была опытная модель автоматической зенитки, очень эффективной за счет использования в ней жидкой взрывчатки. Эту взрывчатку можно было быстро закачать в ракету, ее можно было пропускать через форсунку, а ракета была снабжена электрическим детонатором. По чертежам эта установка могла выпускать шестьсот ракет в минуту на высоту около семнадцати тысяч футов. Но вот на испытаниях это не подтвердилось, установка нагревалась и траектория запуска становилась нестабильной.

Теперь они искали новые способы, при помощи которых можно было бы обойти эту трудность. Идея была прекрасной, но на практике в устройстве не срабатывало огромное количество мелочей, больше чем блох у блохастой собаки. Если недели или месяцы проб и ошибок, споров и поисков приведут к решению этой проблемы, то страна получит устройство, способное разорвать небо пополам.

Сейчас они находились в такой стадии, когда, кусая ногти, мучительно думали над единственной проблемой, как снизить нагрев установки, не снижая при этом темпа стрельбы. Это было не так уж невозможно, как это может показаться с первого взгляда. При последнем решении они пришли к много ствольной установке, стреляющей сериями. Но для последних испытаний установка была еще не готова.

Каин прекратил ворчать на Портера и повернулся к Брансому.

– Ну, вот еще один непризнанный гений, – сказал он. – Да будет Вам известно, мы пришли к решению проблемы.

– И какое же это решение? – спросил Брансом.

– Или же направляющий, или же корпуса ракет надо делать из сплава, создающего минимальное трение, – улыбнулся Каин, – как специалисту в области сплавов тебе и карты в руки. Так что, давай, дерзай!

– Очень хорошо, сделаю, конечно, если смогу.

– Но нам надо будет обскакать Хиндельмана, – заметил Портер, – если они смогут стабилизировать полет этих штук тем путем, каким собираются, то нашу штуку можно будет просто выбросить, – он махнул рукой в сторону установки. – Ракеты будут управляемыми и тогда нам нужно будет создать простую стартовую установку и получится управляемая радаром база.

– Я не специалист во взрывчатых веществах, но не понимаю, чем этот способ лучше нашего, – заметил Каин. – Но и это надо попробовать, – он четыре раза обошел вокруг

установки. – Эта штука – жертва собственной эффективности. Нам надо найти способ какой-то, чтобы обрезать все пакости и в то же время не затронуть удовольствие. И чтобы мне в свое время не заняться литературой, тогда бы у меня была бы сейчас легкая жизнь.

– Установка должна быть много ствольной, – сказал Портер.

– Это значит признать поражение. А я не хочу признавать поражение, да и ты, я думаю, тоже. Нет, сдаваться нельзя. Я строил эту штуку. Это – моя жизнь. Это – моя любовь. И пусть идут к чертям все критики. – Он не заметил сочувствия в глазах Брансома. – Вот ты бы выбросил предмет своей любви только из-за того, что он приносит тебе много хлопот?

Когда он увидел, что Брансом при этих словах побледнел и, не отвечая отошел в сторону, помолчав несколько минут, спросил Портера удивленно: – Я что-нибудь не так сказал? Черт побери, я так и не понял, то ли он хочет выброситься в окно, то ли броситься на меня. Я никогда не видел его таким. Я что, что-нибудь не так сказал?

– Ты, наверное, наступил на его любимую мозоль.

– Какую мозоль? Я только сказал...

– Я слышал, что ты сказал. Я слышал тебя прекрасно. Очевидно, это для него что-то значит, что-то очень важное, что его очень трогает. Может, у него дома неприятности. Может, они поругались с женой и в запарке он пожелал ей смерти?

– Он никогда не сделает такого. Я его хорошо знаю. Он не такой, чтобы поддаваться эмоциям, даже дома.

– Может, его жена? Некоторые женщины могут впасть в истерику из-за любого пустяка. Может, жена довела его до того, что ему свет не мил?

– Я думаю, он в таких случаях просто умолкает и не будет подливать масла в огонь. В последний раз на курорте он просто собрал чемодан и уехал.

– Да, я тоже думаю так о нем, – согласился Портер. – Но мы можем и ошибаться. Никто не может сказать, что можно ожидать от человека в критической ситуации. Любая неожиданность может вызвать совершенно неожиданную ситуацию. Здоровенный мужчина начинает, как страус, зарывать свою голову в песок, в то время, как хилый мужичонка совершает героические подвиги...

– Да Бог с ним, – сказал нетерпеливо Каин, – пусть он сам решает свои собственные проблемы, а нам хоть бы на половину сократить свои собственные.

И вернувшись к чертежам на скамейке, они снова принялись обсуждать устройство.

3

Брансом ушел с работы в пять, попрощался кивками с охранниками и направился домой. День был очень неудачным, самым неудачным из тех, что он мог вспомнить. Все получалось не так, как хотелось. Казалось, что весь день он провел за тем, что оглядывался в страхе через плечо, отгоняя страх перед будущим и пытался сосредоточиться на работе.

Способность сосредотачиваться на своей работе – главная черта любого научного сотрудника. А как человек может решать научные задачи, если в его голове постоянно крутятся мысли об электрическом стуле? Теперь он страдал все двадцать четыре часа кряду от нервного напряжения только из-за того, что подслушал болтовню двух водителей грузовиков о каком-то старом преступлении, где-то в районе Бельстона. Дерево, о котором они говорили, не обязательно было ТЕМ деревом, а кости под тем деревом не обязательно были ТЕМИ костями. Вполне возможно, что на свет появился совсем не его старый грех, а чей-то еще, и сейчас полным ходом идет травля не его, а кого-то совсем другого.

Очень жаль, что у него не хватило находчивости вмешаться в разговор водителей и выпытать у них кое-какие детали, чтобы быть полностью уверенным. А может, это было наоборот очень мудрым решением? Да, наверное, если бы то, что они рассказывали, вызвало бы в нем ужас, нет, если бы это подтвердило его худшие предположения. Тогда, в последствии, он мог бы вызвать к себе этим подозрение. В таком случае, как у него, лучше сохранять максимальную скромность.

– А вам то что до всего этого, мистер?

Как тут ответишь на такой вопрос? Что тут можно сказать? Только что-нибудь глупое и неподходящее, и это тоже может вызвать еще большее подозрение?

«Да просто я раньше жил поблизости».

А теперь? Около Бельстона? Вы не помните как в этих местах пропала женщина? А может вы можете назвать нам кого-нибудь, кто такое событие помнит? А, может, вы сами знаете что-нибудь?

Если эти двое опять там в буфете, что сделать лучше: не обратить внимание или наоборот подсесть к ним и попробовать навести их на разговор об этом и выяснить подробности? Он не мог этого решить. Если бы он умел пить спиртное в больших дозах, то можно было бы подсесть к парням и навести их на разговор на эту тему за пивом, купить несколько бутылок и пить вместе с ними. Но он редко пил спиртное, да еще в таких количествах, и в таком обществе, и боялся, что у него не хватит способности сделать все это естественно, не возбуждая подозрений.

Все эти мысли вылетели из его головы, как только он повернул за угол и столкнулся лицом к лицу с полицейским. Его сердце так и подпрыгнуло. Он постарался пройти мимо с видом независимости и безразличия, он даже начал насвистывать песенку.

Полицейский следил за ним глазами, поблескивавшими под козырьком фуражки. Брансом старался идти как можно более независимо и спокойно, чувствовал или воображал, что чувствует как глаза полицейского сверлят его затылок. Брансом шел и думал, не привлекает ли он внимание тем, что переигрывает свое безразличие, как ребенок выдает свой поступок, делая слишком невинный вид.

Он шел вперед с нервами натянутыми как струна и прекрасно понимал, что раздайся сейчас за его спиной повелительный окрик: «Эй, ты!» и он бросится бежать. Тогда он побежит как сумасшедший по тротуару, через улицу, не обращая внимание на движение, потом побежит куда-нибудь в дальние аллеи, а за его спиной будут греметь чьи-то шаги и раздаваться крики. А он будет бежать, бежать, пока не упадет без сил. И тогда они его получат.

Но окрика, который заставил бы его бежать, не последовало. Дойдя до следующего угла, он не смог удержаться, чтобы не оглянуться назад. Полицейский стоял все на том же месте и все так же смотрел ему вслед. Оказавшись за углом, Брансом остановился, досчитал до десяти и после этого выглянул за угол. Полицейский стоял на том же месте, но теперь его внимание привлекло что-то на другой стороне улицы.

Он облегченно вздохнул от чувства миновавшей опасности, его прошиб пот и отправился дальше к станции. На станции он купил вечерние газеты, спешно просмотрел их, ища там новости, которые его так волновали, но ничего не нашел. Правда, это еще ничего не значило. Полиция может дать материалы в газеты только после того, как они арестуют его и не раньше. Обычно они не любят вовлекать в свои дела раньше времени, если конечно, имя преступника им уже известно и огласка в прессе им только поможет в охоте, тогда – другое дело.

Поезд вез его к станции пересадки. Выйдя из поезда, он направился прямо в буфет. Водителей там не было. Он даже не понял, что ему от этого почувствовалось, облегчение или расстройство. Единственным посетителем буфета был здоровенный мужчина с невыразительным лицом, который сидел на стуле у стойки и рассматривал со скуки свое отражение в зеркале, которое висело в углу буфета.

Брансом заказал черный кофе, сел за стойку и когда кофе подали и он начал его отхлебывать, его глаза встретились в зеркале с глазами посетителя. Ему показалось, что незнакомец не просто взглянул на него, а рассматривал его с подозрительным интересом. Брансом отвел глаза, подождал минуту, потом взглянул в зеркало снова. Детина все еще изучал свое отражение в зеркале и взгляд его был полон надменности как будто в его привычке было вот так уставиться на людей и этим открыто вызвать их на какие-то действия.

В буфет зашел железнодорожник, купил пару сэндвичей и, взяв их с собой, вышел.

Детина продолжал сидеть, вопросительно уставившись в зеркало. Брансом старался изо всех сил безразлично пить кофе и не смотреть в зеркало, но какая-то гипнотическая сила так и тянула его взгляд к зеркалу. И каждый раз его взгляд встречался с другим взглядом.

Мне надо избегать этого буфета, решил он. Слишком часто и слишком давно я захожу сюда. Надо постоянно менять привычки, иначе преследователи будут точно знать, где меня можно найти в любой момент. Все что им потребуется – это пройти по созданному мной же маршруту и взять меня в одном из его концов. Надо изменить привычки, и тогда преследователи не будут знать где меня искать.

«Они»; кто «Они»?

Служители закона всех рангов, конечно. И этот здоровенный детина, вполне возможно. Вполне возможно, что это переодетый полицейский, которому не хватает улик, чтобы арестовать его и он следит за ним в надежде, что он, Брансом, совершит какую-нибудь ошибку и выдаст себя с головой.

Ну нет, он сам себя выдавать не будет, по крайней мере, пока он в здравом разуме. Полиция нашла груды человеческих костей и пусть сама решает их загадку. Он им в этом не помощник. Свое дело пусть они делают сами, потому что жизнь прекрасна, даже если у тебя в голове сидит дьявол и грызет тебя. А смерть все равно полна ужаса.

Не допив кофе, он слез со стула и направился к выходу. Детина повернулся тоже встал со стула, все его внимание было устремлено на Брансома. Он как бы чуть-чуть ослабил веревочку, чтобы дать преследуемой жертве отбежать подальше, когда жертва просто отдастся ему в руки.

Если идея заключалась в том, что Брансом сейчас бросится бежать как заяц, то она не сработала. И хотя в деле уклонения от закона Брансом был новичок, он все же был не дурак. Он был человеком с высоким интеллектом и пытался действовать разумно в незнакомой ему обстановке, хотя любой уголовник знает наизусть, как действовать в таких случаях. Но у него было большое желание научиться этому и медленно он осваивал эти законы. Та встреча с полицейским на улице научила его не действовать слишком быстро и открыто. Поспешность – это поражение.

Правильность выбранной тактики, это действовать совершенно нормально и притворяться, что человек рядом с тобой всего лишь неотличимая частичка всего человечества: в то время как ты прекрасно знаешь, что эта частичка слишком отличается от других. Это тяжело, чертовски тяжело, особенно для человека, у которого нет актерской подготовки и у которого в мозгу звенит одна и та же мысль, как звонок тревожной сигнализации, но это надо сделать.

Таким образом при выходе он постарался на взгляд детины ответить таким же взглядом. Он вышел на станцию и сел в самый последний вагон. Это давало ему преимущество. Он мог наблюдать за всей платформой и видеть все, что происходит в то время как окружающий думают, что он читает газету.

Напряженно, через край газеты, он вглядывался в происходящее на перроне, он увидел, как детина из буфета прошел на перрон и сел в третий вагон, как раз в тот, где сейчас сидели Коннели и Фамилоу.

Почему детина сел в тот вагон? Было ли это просто совпадением, или же они уже знают его привычки? Очевидно, если это последнее, то детина должен будет что-то предпринять, когда обнаружит, что Брансома нет в вагоне. Но что он тогда сделает? Он наверняка попадет в затруднительное положение, когда обнаружит, что Брансома нет в вагоне и у него уже нет времени, чтобы обследовать поезд до отправления. Перед ним будет выбор или же остаться в поезде и осмотреть его во время пути или же остаться на станции и обыскать все вокруг там.

Поезд загудел, дернулся и стал набирать скорость, постукивая все быстрее и быстрее на стыках. Брансом не заметил, что детина вышел из поезда. Очевидно, он остался в нем. Если он остался и не выйдет на станции, где обычно выходит Брансом, то все в порядке. Все это просто докажет, что его перепуганный мозг куста боится.

Но если этот тип пойдет вдоль поезда, если попытается следить за Брансомом, если

сойдет на той же станции, что и Брансом...

Возможно, он именно сейчас сидит и пытается втянуть в разговор Коннели и Фамилоу, стараясь свести разговор на интересующую его тему и получить кусочки информации, которые не имеют огромного значения для говорящих, но имеют огромное значение для слушающего, и все это делается с привычной профессиональной сноровкой. Может быть, именно в этот момент детина узнает, что сегодня первый раз за многие месяцы Брансом отказался от своих обычных попутчиков, что вчера он вел себя очень странно, был чем-то озабочен или просто болен и так далее.

Это ставит перед преследуемым еще один выбор. Изменить ли свои обычные действия, когда они уже известны противнику или продолжить все это как ни в чем не бывало. Изменить привычки так резко – значит точно привлечь внимание. Вести себя как обычно – значит они будут знать, где тебя искать в любой момент, но прекрасно знают, что ты виновен, но не знают, где тебя искать, если ты изменишь привычки.

«Невиновен, да? А почему ты тогда бегал от нас и петлял, как заяц?»

Или же «Нам пришлось побегать за тобой! А от нас бегают только виновные. Как ты все это объяснишь?»

И с этого момента все и начинается.

«Почему ты убил Элайн?»

«Ну, давай рассказывай нам про Элайн... Элайн!»

Это ударило его, как кирпичом.

Элайн, а как дальше?

Поезд подъехал к его станции и остановился. Он автоматически вышел, не вполне соображая, что делает. Он был так занят попыткой вспомнить имя своей жертвы, что совсем забыл проследить за детинкой из буфета.

"Я должен точно знать имя женщины, которую убил. Я мог стать забывчивым, но не до такой же степени. Имя должно быть у меня где-то в памяти, просто я не могу его так срочно найти. Двадцать лет большой срок. Я знаю, я очень старался стереть этот эпизод из моей памяти, как дурной сон, я пытался убедить себя, что этого никогда не было, что все это я просто придумал. И все равно это очень странно, что я не могу вспомнить ее полного имени.

Элайн?..

Детина из буфета попал в его поле зрения, когда поезд дал гудок и тронулся с места.

Эта проблема сразу же вылетела из головы Брансома, он вышел со станции и направился по дороге к дому. У него похолодел затылок, когда он услышал спокойные уверенные шаги сзади себя, всего лишь в двадцати шагах позади.

Вопросы один за другим нанизывались на нитку. Он завернул за угол, шаги последовали за ним. Он пересек улицу, шаги за ним. Он вышел на свою улицу, человек следовал за ним.

Теперь перед ним стоял новый вопрос. Знает ли преследователь его адрес или же преследует его с целью выяснить это?

В первом случае Брансом может спокойно последовать домой. Во втором варианте пойти домой означало снабдить их информацией которую они хотят получить.

Наконец он пришел к решению, и твердо прошел мимо собственного дома, молясь в душе, чтобы дети не увидели его и не выбежали с криком на улицу вдогонку за ним, раскрывая незнакомцу то, что он старался скрыть. Ни на одно мгновение у него в голове не возник вопрос, почему его преследователь делает свою работу так небрежно. Если бы он догадался бы задуматься об этом, то сразу же понял бы, что цель всего этого заставить его паниковать и в панике выдать себя.

Ни одна знакомая фигура не попадалась на его пути и не поставила под угрозу его обходной маневр, пока он не заметил вдали фигуру молодого Джимми Лингстрема. Но он очень удачно избежал встречи, свернув на боковую улочку. Тяжелые шаги продолжали преследовать его.

На другом конце своей улицы он заметил полицейского, прислонившегося к столбу.

Вид человека заставил Брансома на мгновение засомневаться. Затем он понял, что это очень удачное решение в сложившейся ситуации.

Ускорив шаги, он подошел к полицейскому и сказал:

– Здоровенный детина преследует меня вот уже полчаса. Мне это не нравится. Я боюсь, что он хочет обокрасть меня.

– Что за парень? – спросил полицейский, уставившись вдоль улицы.

Брансом обернулся, парня нигде не было видно.

– Я слышал, как он повернул за мной еще у того угла.

Полицейский со свистом втянул воздух сквозь сжатые губы и сказал:

– Пойдемте туда, посмотрим.

Они вместе подошли к углу. Парня нигде не было видно.

– Вы уверены, что вам не показалось?

– Вполне, – ответил Брансом.

– Значит, он свернул в одну из боковых аллей или зашел в какой-нибудь дом.

– Возможно. Но я знаю почти все здесь в округе. Его я видел впервые.

– Это ничего не значит, – отрезал полицейский, – люди приезжают и уезжают. Если бы я дергался каждый раз как увижу новое лицо, я бы посидел десять лет назад, – он внимательно осмотрел Брансома. – У вас что, с собой большая сумма денег?

– Да, нет.

– Где вы живете?

– Вон там, – указал Брансом.

– Хорошо, мистер, идите домой и не думайте об этом. Я понаблюдаю за вами. И буду здесь еще какое-то время, так что успокойтесь.

– Спасибо, – ответил Брансом. – Извините, что побеспокоил.

Он направился к дому, стараясь сообразить, правильно ли поступить. Этот детина вполне может и сейчас наблюдать за ним, просто присутствие полицейского заставило его быть более осторожным. Конечно, этот преследователь мог быть и вполне невинным новоселом в этом районе. А если нет...

Быть в бегах, даже если это происходит только в голове, – все равно, что играть в шахматы на время со ставкой игры – твоя жизнь. Неправильный ход там и ошибка тут неизбежно приведут к поражению. Ему казалось невозможным, что преступники могут вести такую жизнь месяцами, даже годами, пока у них не наступит психологический срыв.

Впервые он начал задумываться, сколько он так протянет и к какому концу это может привести.

Дороти встретила его с видом заботливой жены.

– Рич, у тебя такое разгоряченное лицо. А сегодня на улице очень холодно.

Он поцеловал ее.

– Я очень спешил. Не знаю даже почему. Просто хотелось быстрее домой.

– Спешил? – она с удивлением нахмурилась и посмотрела на часы. – Но ты ведь минут на семь позже обычного. Что, опоздал на поезд?

Он постарался проглотить подтверждение, прежде чем оно сорвалось с его губ. Так просто сказать ложь и так же просто она будет открыта. Вопросы продолжали нанизываться. Теперь он должен был решать как себя вести с собственной женой. Даже в такой мелочи, как эта, он не мог врать и не хотел этого, по крайней мере, пока.

– Нет, дорогая, – ответил он, – я просто поболтал немного с полицейским.

– Но не это же заставило бежать тебя как сумасшедшего. Обед всегда может подождать несколько минут, ты же знаешь, – она положила свою изящную руку ему на щеку. – Рич, ты говоришь мне правду?

– Правду о чем?

– О себе.

– Ты правда задаешь такие вопросы? – поинтересовался он.

– Ты весь горишь, я тебе это уже сказала. И ты какой-то необычный. Я все время

чувствую это. Я прожила с тобой довольно долго, достаточно, чтобы видеть когда с тобой что-то не в порядке.

– Хватит придирается ко мне, – огрызнулся он, но тут же пожалел об этом и добавил. – Извини, дорогая. У меня сегодня был очень тяжелый день. Я сейчас умоюсь и несколько освежусь.

Он пошел в ванную, в голове его крутилась мысль, что все это с ним уже было. Нервное возвращение домой, раздражающие вопросы Дороти, огрызание с его стороны, бегство в ванную. Это не может продолжаться вечер за вечером, неделю за неделей, рассчитывая что впереди еще есть время. Теперь у него и на этот счет было сомнение.

Раздевшись по пояс, он осмотрел свой локоть. На нем был еще синяк и подсохшая царапина, но локоть больше не саднил. Шишка на голове тоже уменьшилась. В конце концов, это падение было не очень серьезным.

Скоро он присоединился к своей жене за обеденным столом. Они сидели за столом и ели в непривычной тишине. Даже щенок вел себя тихо. Над домом как будто нависла какая-то темная туча, которую все чувствовали, но никто не видел. Через некоторое время напряжение стало невыносимым. Они нарушали тишину короткими вопросами и такими же короткими ответами. Но разговор был вымученным и фальшивым и все понимали это.

В эту ночь, в кровати, Дороти не могла уgomониться около часа, она ворочалась с боку на бок и наконец прошептала:

– Рич, ты спишь?

– Нет, – ответил он, понимая, что не сможет провести ее, притворившись спящим.

– Может, тебе взять неделю отпуска?

– Мне еще далеко до отпуска.

– Разве ты не можешь попросить неделю авансом?

– Зачем?

– Тебе надо отдохнуть, это пойдет тебе на пользу.

– Слушай... – начал он, но тут же постарался скрыть раздражение – в голову ему пришла идея. – Я посмотрю, как буду чувствовать себя утром. А сейчас давай спать, ладно? Уже поздно.

Она дотронулась до него и нежно погладила.

За завтраком она вернулась к этой мысли.

– Возьми себе отпуск, – сказала Дороти. – Другие же делают это довольно часто, когда чувствуют себя хоть немного уставшими. Ты же не железный.

– Почему другим? Каким другим?

– Ты будешь ко всему спокойней относиться и не будешь таким загнанным и издерганным, – убеждала она. – Я знаю, что работа для тебя все, но здоровье прежде всего.

– Никто еще не умирал от работы.

– Тоже самое говорил Джеф Андерсен своей жене, помнишь?

Он кивнул и возразил:

– Джеффа разбил удар не обязательно от работы. У многих людей случаются удары.

– Возможно и так, – согласилась она, но добавила. – А может и нет.

– Посмотри на меня, – сказал Брансом раздраженно. – Ты уговариваешь меня не раздражаться, а сама занята с самого утра тем, что раздражаешь меня.

– Рич, но мы же женаты. Мы должны заботиться друг о друге. Если не мы, то кто же еще?

– Хорошо, – сказал он.

Он встал из-за стола, нашел свою шляпу и портфель.

Поцеловав ее на крыльце, он сказал:

– Я обдумаю это в поезде.

С этим он и уехал.

Все это еще продолжалось еще четыре дня. Отражал он любопытных и разговорчивых на работе и продолжительные споры с Дороти дома. В первый вечер верзила опять

преследовал его до дома. В остальные три дня он изменил маршрут и отвязался от непрошеного попутчика. Но так как каждый обходной маршрут был длиннее обычного, он приходил домой все позже и позже. А это опять означало объяснение с Дороти и все больше волнение с ее стороны. Он видел как ее беспокойство все растет и что она делает все, что в ее силах, чтобы скрыть это.

На работе было еще труднее. Не смотря на то, что он изо всех сил старался казаться вполне нормальным и обычным, люди, которые его хорошо знали, были удивлены резкой перемене в его поведении. Они с подозрением смотрели не него, когда он делал неожиданные промахи, когда он не сразу соображал, о чем идет речь. Многие начали обращаться с ним, как с больным человеком, или с человеком, который вот-вот заболеет.

Но четвертый день был самым худшим. Высокий человек с цепким взглядом в отделе появился и все время околачивался рядом недалеко от Брансома. Возросшая подозрительность Брансома подсказала ему, что этот человек собирается следить за ним, и вскоре он заметил, что этот человек делает это почти в открытую. Но так как никто не может попасть в институт без разрешения властей, это означало, что соглядатай имел на это разрешение.

Боже правый, но не могли же эти ищейки так быстро напасть на его след после двадцати долгих, долгих лет? Неужели они уже выяснили, что он и есть преступник и сейчас держат его под постоянным наблюдением, чтобы просто собрать достаточно улик для суда? Все это так застряло в голове Брансома, что он решил поднять вопрос в разговоре с Портером во время обеда.

– Что это за парень, который болтается и ничего не делает?

– Какой-то детектив, я думаю.

– Да? И что или кого он здесь изучает?

– А черт его знает, – ответил безразлично Портер. – Я как-то видел его раньше. Года полтора назад.

– Его не было у нас в отделе. Я никогда не видел его раньше.

– Он таскался по красной зоне, – объяснил Портер, – поэтому ты и не заметил его. Он появился вскоре после того, как пропал Хендерсон. Все думали, что он будет работать на месте Хендерсона, но оказались неправы. Он просто болтался вокруг ничего не говоря, нечего не делая, а потом убрался совсем. Может он просто следит, чтобы никто не валял дурака на работе. Может быть, там, в Вашингтоне, думают, что мы все тут превратимся в бездельников, если они не будут следить за нами время от времени.

– Какой-то детектив, – задумчиво повторил Брансом. – Болтается тут без дела, курит сигару за сигарой и ничего не говорит. Даже не задает вопросы.

– А тебе еще вопросы нужны?

– Нет.

– Тогда чего дергаешься?

– Просто, меня раздражает, что какой-то соглядатай дышит мне в спину.

– Меня это не трогает, – сказал Портер, – у меня совесть чиста.

Брансом уставился на Портера, сжав губы, на этом разговор и закончился.

Он знал, что еще один такой день и ему не выдержать. Замечание Портера засело у него в голове, острые глаза Рирдона преследовали его повсюду, домой ему надо было идти, избегая встречи с тем верзилой, а дома надо объясняться с Дороти. Отчаянное решение созрело у него в голове. Пришла пора взять отпуск.

Когда кончилась работа, он отправился прямо в отдел персонала, нашел там Макхена и сказал:

– Очень сожалею, что явился без предупреждения, но мне надо бы взять недельку отпуска без содержания, прямо с завтрашнего дня.

– А почему без содержания?

– Не хочется гулять потом неполный отпуск.

На лице Макхена появилось сочувствие:

– Неприятности дома? Дети болеют?

– Нет, там все в порядке, – он судорожно искал причину, казалось, что теперь он всю оставшуюся жизнь проведет за тем, что будет подыскивать подходящие причины и объяснения. – Просто неприятности у родственников. Я съезжу навестить их, улажу все дела и сразу же обратно.

– Это не предусмотрено порядком, – сказал Макхен, покусывая губы.

– Я знаю, но не стал бы просить, если бы не было необходимости.

– Конечно, конечно.

Он немного подумал, потом взял телефон, коротко переговорил с Каином. Потом сказал Брансому:

– Каин не возражает, значит Лейдлер тоже возражать не будет. В таком случае, со мной все в порядке. Значит, вы будете через неделю.

– Да.

– Хорошо. Я отмечу это в вашей карточке.

– Большое спасибо. Я очень вам благодарен.

Когда он выходил из отдела в дверях он столкнулся с Рирдоном. Боковым зрением, через окно, он увидел, что Рирдон беседует с Макхеном. По непонятным причинам, он прибавил шаг.

Случайный знакомый, которого он встретил по дороге, подвез его на машине почти до дома, это позволило ему не беспокоиться о верзиле и прибыть домой вовремя. Возможно, удача опять вернулась к нему, он сможет лучше обдумать все происходящее, если события не будут меняться в худшую сторону.

Семья с восторгом приняла новость об его кратковременном отдыхе. Это показало ему насколько все были удручены и обеспокоены его мрачным настроением. Дети шумели вокруг него, а щенок не только повизгивал, но даже намочил коврик. Дороти улыбнулась, потом взглянула на часы и кинулась на кухню.

– Я не надолго уеду, дорогая.

Она замерла, продолжая держать в руках сковородку.

– Ты хочешь сказать, что взял отпуск, как я тебе советовала?

– Совсем нет! Я бы не стал проводить отпуск один, без тебя и детей. Это совсем не отпуск. Но это еще лучше.

– Что же тогда?

– Я еду в командировку, всего на неделю. Это и будет переменой обстановки и небольшим отдыхом.

– Я рада, это как раз то, что тебе надо, – она поставила сковородку и накрыла ее крышкой. – Куда же они посылают тебя?

КУДА?

До этого момента он об этом и не думал, даже для того, чтобы иметь готовый ответ. Все, что ему хотелось, это побыстрее уехать из этого места, от этих соглядатаев, детективов, института, просто найти укромное место обдумать и прийти к какому-нибудь спасительному решению.

КУДА?

Она ждала ответа и уже начала чувствовать задержку.

– Бельстон, – ответил он в мрачном отчаянии.

Он не мог сказать, почему он назвал это местечко. Это имя, которое он ненавидел, вырвалось изо рта против его воли.

– Где это?

– Небольшое местечко на среднем Западе.

– А... Почему?

Он поспешно постарался предупредить следующие вопросы.

– Я буду там четыре дня. На самолете полечу, поеду поездом – буду качаться в кресле и любоваться пейзажем. В этом безделье я отдохну, – он выдавил из себя улыбку в полной

надежде, что она выглядит натурально. – Поездка, конечно, скучная, если едешь один, хорошо бы, конечно, вместе с тобой.

– Придумал – оставить детей предоставленными самим себе? Или хочешь сказать, что надо взять их на неделю из школы? Не будь глупцом! – Она снова погрузилась в работу на кухне, но ее настроение заметно улучшилось. – Это очень хорошо, что ты едешь, Рич. Хорошо питайся, хорошенько выспись и не о чем не думай. И тогда ты вернешься вполне отдохнувшим и посвежевшим.

– Слушаюсь, доктор, – сказал он, изображая послушание.

Но вернуться к чему? Он может вернуться только в опасную зону. Это, наверное, будет просто бесполезным делом, если он вернется и не сможет там остаться.

Таким образом ему надо за эту неделю найти место и способ, где он начнет новую, анонимную жизнь, где за ним не будут постоянно наблюдать зоркие глаза, где за каждым его шагом не будут звучать эти тяжелые шаги. Но все это не то, ему еще надо будет найти способ внезапно и без следов переселить Дороти и детей из одного дома в другой. А это означало, что ему придется рассказать Дороти очень многое и тогда появится проблема, как она воспримет это.

Но альтернативы не было. В противном случае придется покинуть семью и оставить ее на съедение детективам.

Нет, такого он не сделает, и хотя это очень рискованно связывать себя с семьей при таких обстоятельствах, он никогда не сделает этого, если его, конечно, не вынудят сделать это чрезвычайные обстоятельства.

Смертный приговор может быть таким обстоятельством.

4

Утром он выехал из дома на такси, взяв с собой всего лишь один чемодан, Дороти стояла на дороге, около их машины, и улыбалась ему на прощанье. Она была готова отвезти детей в школу. Дети прыгали на лужайке перед домом и махали ему на прощанье руками. Ему в голову пришла мысль, которая чуть было не повергла его в панику. Он подумал, что если его возьмут в ближайшие четыре дня, то это последний раз, когда он видит их веселыми. Повернувшись, он не отрывал от них взгляда, смотря на них через заднее стекло такси, пока машина не повернула за угол.

Такси остановилось у местного отделения банка и подождало, пока он возьмёт скромную сумму. Большая сумма могла бы быть для него удобнее, но сделала бы для Дороти тяжелую жизнь, если вдруг их воссоединение задержится. Он должен был пойти на компромисс между своими неотложными нуждами и нуждами Дороти в будущем. За время их совместной жизни у них накопилась солидная сумма.

Оттуда он поехал на станцию. Такси уехало, а он остался один на станции и стал с тревогой оглядываться, стараясь первым заметить знакомые лица. Но никто из знакомых на глаза ему не попадался и за это он был ужасно благодарен судьбе. Он приехал в город на час позже, чем обычно, и это спасло его от любопытства знакомых.

Поезд увез его от дома. Он добрался до города без каких-либо происшествий. Он затерялся в суеде миллионной толпы, как крупница песка в кузове самосвала. У него было только желание избавиться от всех своих неприятностей. У него в голове была смутная мысль, что его не так-то просто будет поймать, если он будет постоянно переезжать с места на место и делать это без определенной системы, без заранее продуманного плана.

Он бесцельно бродил по тротуарам, теряясь в толпе, несмотря на чемодан в руке, пока внезапно не обнаружил себя на главной станции. Тогда и только тогда он понял, что какая-то часть его мозга, работая независимо и ясно, привела его сюда, привела независимо от воли его, считая, что отсюда он должен начать свой новый маршрут. Ему даже показалось странным, что какой-то кусок его мозга еще может работать спокойно и без паники. Он и не подозревал тогда, так как у него никогда не было времени для самоизучения, что все

проблемы которые возникнут у человека, будоражат только верхнюю часть мозга, в то время как аналитический ум остается таким же аналитическим, как и во время спокойной работы.

Во всяком случае, он получал команды от инстинкта, или из глубины своего мозга, или все равно откуда. Он вошел на станцию, подошел к кассе и совиными глазами уставился на кассира, как будто ожидал, что тот сам сейчас же предложит ему маршрут. Ведь нельзя же спросить билет в какое-нибудь спокойное место в недостигаемости от закона. Надо самому назвать место назначения, любое, даже то, которое первым придет в голову. Он уже раскрыл рот, чтобы назвать место назначения, как сообразил, что именно это место называл Дороти, когда судорожно подыскивал ответ на ее вопрос, куда он едет.

Та часть мозга, которая продолжала работать ясно, остановила это слово на полпути к губам. Если они начнут искать тебя, говорила она, они быстро проследят твой путь до города и начнут спрашивать всех на автобусных и железнодорожных станциях, пока не нападут на след. Они будут говорить с этим кассиром, он все им скажет. И хотя мимо него и проходят сотни людей, он может иметь блестящую память и вспомнить тебя по самой мельчайшей детали, и тогда он расскажет все, что знает, а это может быть очень много. Не рискуй с ним. Не рискуй ни с кем. Те, кто сидит сейчас в тюрьме, это те, кто шел на необязательный риск.

Брансом купил билет в город, который находился на расстоянии трех четвертей пути от того места, куда он хотел попасть. Положив билет в карман, Брансом взял чемодан, повернулся и почти наткнулся на высокого человека, худого, с коротко подстриженными волосами и сверлящими глазами.

– А, мистер Брансом, – сказал Рирдон с деланным удивлением. – Отдыхаете?

– По официальному разрешению, – Ответил Брансом, собрав всю свою волю, чтобы взять себя в руки, потом добавил: – люди иногда имеют возможность отдохнуть.

– Конечно, конечно, – согласился Рирдон, уставившись на чемодан Брансома с таким видом, как будто он может видеть вещи насквозь. – Желаю приятного времяпровождения.

– Ради этого и еду, – ответил Брансом, в нем поднималась злоба. – А вы что здесь делаете?

– То же, что и вы, – улыбнулся Рирдон. – Уезжаю. Нам случайно не по пути?

– Не знаю, – отпарировал Брансом. – Я не знаю куда вы направляетесь.

– Ну какое имеет значение куда ехать, – ответит Рирдон, отказавшись обижаться на замечание Брансома, потом взглянул на вокзальные часы и бросился к кассе. – Мне надо спешить. Еще увидимся.

– Может быть, – согласился Брансом, не выражая восторга от этой идеи.

Он сел в поезд, успокоившись и не успокоившись от того, что отделался от Рирдона. Его мысли прыгали резвей, чем кошка на углях. Встретить этого парня здесь – это уже совсем не похоже на совпадение. Когда он проходил через барьер перрона, быстро и незаметно оглянулся. Рирдона в этот момент поблизости не было.

До отправления поезда оставалось десять минут и эти десять минут Брансом провел очень беспокойно, ожидая в любой момент появления нежелательного попутчика. Если Рирдон следит за ним, то у него есть соответствующий документ и ему не составит труда выяснить на станции, куда взял билет Брансом и взять себе билет на тот же поезд. А этого меньше всего хотелось Брансому, так как любопытное нахальное лицо напротив него и несколько часов беседы, в которой нельзя расслабиться и надо постоянно обдумывать свой ответ. Он с волнением всматривался в окно поезда, но не заметил никаких признаков того, что Рирдон сел на тот же поезд.

Прибыв на станцию назначения, Брансом бесцельно начал бродить по городу, постоянно следя за тем, что происходит у него за спиной, но никаких признаков какой-либо слежки он не обнаружил. Он перекусил в какой-то закусочной, совершенно не чувствуя вкуса пищи, поболтался еще по городу и вернулся обратно на станцию. Насколько он мог определить, никто за ним не шел и никто не околачивался у входа на станцию в ожидании его появления.

– Мне надо попасть в Бельстон, – объявил он в билетной кассе.

– С этим городом нет железнодорожного сообщения, – ответил кассир, – ближайшая станция Хенбери, всего в двадцати четырех милях от Бельстона. Оттуда вы можете добраться автобусом.

– Хорошо. Дайте мне билет до Хенбери, – согласился он. – Когда отходит ближайший поезд?

– Вам повезло. Поезд отходит через две минуты. Девятая платформа. Поторопитесь!

Схватив билет, Брансом галопом бросился на девятую платформу. Он заскочил в поезд и не успел еще занять место, как поезд тронулся. Это принесло ему громадное удовлетворение. Если его действительно преследовали и он этого не смог обнаружить, то такой поспешный отъезд, наверняка страхнул хвост.

На нем лежало проклятие из прошлого, которое делало его настоящее таким же мрачным. У него было постоянное чувство, от которого он никак не мог избавиться, что его преследуют, что его подозревают, что за ним наблюдают. Ему казалось, что его окружают всезнающие глаза, которые видят правду и осуждают его.

ПОЧЕМУ Я УБИЛ ЭЛАЙН?

Когда в голове мелькнул этот вопрос, он сразу почувствовал, как похолодело у него в животе. По каким-то непонятным причинам у него перед глазами встали картины прошлого и это теперь было более ясно, чем когда-либо, наверное это происходило потому, что его голова не была на данный момент занята близкой опасностью.

Теперь он смог вспомнить ее полное имя – Элайн Лафарк. Да, так ее и звали. Она как-то сама объяснила ему, что ее первое имя происходит от обычного Элин, а фамилия напоминает о французских предках. У нее была замечательная фигура и она всячески подчеркивала это, это пожалуй все, что можно было сказать о ней. О ней еще можно было сказать, что у нее были темные волосы, темные глаза и еще о ней можно было сказать, что она была расчетлива и совершенно бездушна. Старая ведьма в молодом обличье.

Она имела на него почти гипнотическое влияние тогда, когда ему не было еще и двадцати и он был в десять раз большим дураком, чем до и после того. Она объявила, что будет использовать свое влияние на него на все сто процентов, пока она будет набивать себе цену, а он не кончит колледж, ни найдет себе работу и ни начнет зарабатывать приличные деньги. А до этого времени ему отводилась роль горящего желанием любовника-раба, мечтающего когда-нибудь получить ее тело в награду за все. Время от времени она требовала подтверждения, и он покорно предоставлял их ей, желая и ненавидя ее одновременно.

И вот тогда, два десятка лет назад, он взорвался. Она вызвала его в Бельстон, просто на день, желая помахать перед ним наживкой, как перед рыбкой, но с условием, что наживка останется для него в недостижимости. Она хотела просто вытереть о него ноги и убедиться, что он еще принадлежит ей и душой и телом. Это-то и была ее ошибка, вызвать его тогда. Что-то в нем лопнуло, от сердца что-то оторвалось и его ненависть переступила границы критической массы. Он швырнул ее на землю, но его ярость была слишком большой, чтобы удовлетвориться этим. А потом он похоронил ее под тем деревом.

Он, должно быть, был тогда совсем сумасшедшим.

Детали всего этого выплыли в нем так живо, как будто это было вчера, А не двадцать лет назад. Он увидел ее бледное лицо, сведенное судорогой от яростного удара, ее измятые формы, неподвижно лежащие на земле, маленькую струйку крови, вытекающую из-под ее темных волос и подходящую по цвету к ее алым губам. Он до сих пор чувствовал ту ярость, которую вложил в удар. Он мог живо представить ту энергию, с которой он судорожно выскребал яму, в которой он хотел спрятать тело, в то же время постоянно наблюдая за пустынной дорогой, боясь появления неожиданного свидетеля. Он мог видеть себя, укладывающего последний кусок дерна и утаптывающего все это, чтобы скрыть следы своего преступления.

А потом последовал долгий период умственной тренировки, в которой он приучал свой

мозг забыть прошлое. Долгий период самодисциплины в конце которого он полностью убедил себя, что ничего этого не было, эта Элайн Лафарк никогда не существовала, а он за всю свою жизнь никогда не был в Бельстоне.

И на какое-то время он сумел изгнать ужасное воспоминание из головы, пока катились мимо города. Сегодня он мог представить свое преступление ясно и в оттенках, тогда как в предшествующие годы оно уже полностью потерялось в тумане. Даже для того, чтобы вспомнить полное имя Элайн, ему потребовалось какое-то время. Но как он ни старался, он никак не мог воспроизвести в своей памяти какие-нибудь виды Бельстона, он не был совершенно уверен, видит ли он виды Бельстона или какого-то другого местечка, в котором побывал когда-то. В прошлом он много ездил и видел много одноэтажных провинциальных городков, и в этом смысле ему трудно оделить их один от другого. И еще сейчас он не может понять, почему Элайн выбрала тогда именно Бельстон.

И ко всему прочему он не мог сейчас точно сказать, чем его так взяла Элайн. Очевидно, он должен был помнить это, потому что именно здесь и лежало начало его преступления. И все равно он этого не помнил. Даже если кто-то и рассматривал свое прошлое учитывая и желания и порывы юности, просто неудовольствия здесь мало, особенно для такого думающего типа, как Брансом. Но сколько помнил он свою юность, он не превзошел своих товарищей в юношеских безумиях, он никогда не был мартовским котом... Здесь должна быть какая-то необычная причина, заставившая его избавиться от Элайн. Где-то когда-то он сделал что-то такое, что могло полностью сломать его карьеру, если бы это всплыло бы на поверхность и, очевидно, Элайн знала об этом и этим держала его в руках.

Но он не мог найти в своей памяти и намек на это. Что бы это могло значить? Воровство? Вооруженное ограбление? Растрата или подлог? В этих мыслях он снова пошел свое детство и юность с пеленок до двадцати лет, но ничего, что могло бы отдать его во власть бесстыжей бабы, он вспомнить не мог. Насколько было можно доверять его памяти, кроме детских проступков, таких, как синяк под глазом у соседского ребенка или разбитое мячом окно, он вспомнить не мог. Ничего большего.

Он устало начал потирать лоб. Длительное нервное напряжение иногда играет отрадные шутки с памятью, он слышал об этом и от своих коллег. Иногда он со страхом начинал думать о том, что где-то внутри него есть участок, где прячется безумие. Наверное, тогда он был не совсем здоров. Как он думает теперь.

Когда он приехал в Хенбери, было уже темно. Он снял комнатку в небольшой гостинице, спал беспокойно, постоянно ворочаясь и вздрагивая, позавтракал с тяжелой головой и без аппетита. Первый автобус на Бельстон отходил в девять тридцать. Он поехал на этом автобусе, оставив свои чемоданы в гостинице.

Автобус привез его в Бельстон в десять пятьдесят. Он несколько раз прошелся по главной улице взад и вперед, но совершенно не мог вспомнить ее. Но это не очень удивило его. За двадцать лет внешность может меняться и у улиц, да и не то что может, так оно всегда и бывает. Иногда они становятся совсем неузнаваемыми, когда сносятся старые дома, а на их месте встают новые, совсем не похожие на старые, пустые места застраиваются, на месте старых помоек вырастают скверы. За двадцать лет хутор может вырасти в деревню, деревня в городок, городок в город.

На его взгляд Бельстон был теперь провинциальным городком с населением около четырех тысяч. Он оказался больше, чем он того ожидал. Он не мог сказать, почему он считал Бельстон таким маленьким в прошлом, просто, видимо, память о его первом визите в Бельстон лежала где-то в его подсознании.

Какое-то время он стоял на улице, не зная, что делать дальше. Он даже не мог понять, почему его внутренний страх привел его сюда, наверное, это просто он повиновался какому-то инстинкту без всякой логики и мысли. А может, это и было то пресловутое желание преступника вернуться на место преступления, хотя и не зная, где находится это место. К югу, к северу или как раз на том месте, где он сейчас стоит.

В его памяти стоял только вид пригородной дороги, такой же как и в сотне других

местечек. В своей памяти он отчетливо видел эту дорогу, прямое двухстороннее шоссе, хорошо асфальтированное, с молодыми деревцами по краям, посаженными с интервалами в пятьдесят футов. Вокруг были поля с зерновыми до колена. Одно дерево он помнил особенно хорошо, то, под которым он вырыл яму и спрятал жертву. Ее туфли никак не хотели прятаться в дыре, они скрылись только под последними кусками дерна и последними комьями земли.

Это было где-то в пригороде Бельстона, по крайней мере, должно было быть. В миле от города, пяти, десяти? Он не знал. И каком направлении? Этого он тоже не знал. На улице он не видел ничего мало-мальски знакомого, ничего, что могло бы подсказать ему ответ.

Ему надо было решить проблему наилучшим способом, так, чтобы ему не начали задавать любопытных вопросов. Он нанял такси и сказал шоферу, что он бизнесмен, который ищет место для небольшой фабрики в пригороде. Шофер, которого на много больше интересовал заработок, чем цель поездки, повез его по всем пригородным дорогам в радиусе десяти миль. Бесплезная трата времени. Ни одной из дорог он не мог узнать.

Когда они вернулись в место начала своего путешествия Брансом сказал шоферу:

– Мне советовали посмотреть место среди полей, вдоль двухсторонней дороги обсаженной по краям деревьями через равные интервалы. Где бы это могло быть?

– Не знаю. Мы проехали по всем дорогам, проходящим вблизи города. Больше других дорог нет. Я не знаю обсаженной деревьями дороги ближе, чем в десяти милях в другую сторону от Хенбери. Могу отвести вас туда, если хотите.

– Нет, спасибо, – поспешно ответил Брансом. – Мне определенно говорили про Бельстон.

– Тут что-то напутали, – предположил шофер. – Умные советчики всегда что-то путают.

С этим философским утверждением от и уехал.

Ну, возможно, что дорогу расширили и деревья спилили. А может, он протрясся в нескольких футах от этого места, но не узнал его? Нет, вряд ли. Шофер, который напугал его, говорил определенно о дереве, которое склонилось над дорогой и готово было упасть на нее. То дерево, по крайней мере, осталось. Отсюда вытекало, что и другие деревья должны были быть на месте, или же их убрали не так давно. Но во время своей поездки он нигде не видел следов только что спиленных деревьев.

Потом он еще несколько раз прошелся взад и вперед по главной улице, рассматривая магазины, кабачки, гостиницы, стараясь получить хоть какой-то намек для своей памяти, любое смутное воспоминание. Бесплезно. Все оставалось таким же незнакомым, как и любой другой незнакомый город. Если это действительно так, если он действительно никогда не был здесь, значит он не правильно помнит имя. Значит, это был не Бельстон. Это должно быть тогда какое-нибудь местечко с подобным названием, например, Больстаун или Бельсфорд или даже Бейкертаун.

– Это Бельстон, – настаивала память.

Странно!

Его память говорила одно, а глаза утверждали другое. Его память говорила:

– Сюда ты и приехал, чтобы убить Элайн.

А его глаза говорили:

– Этот город тебе так же знаком, как и Сингапур или Серингопотам.

Затем произошло еще хуже. Его сознание раздвоилось на две антагонистические части: одна говорила:

– Смотри – полиция, доказательства! Смотри, осторожнее!

Другая часть говорила:

– Да, черт с ней, с полицией. Ты должен доказать это хотя бы для себя. Вот в чем дело.

Шизофрения – вынес он сам для себя диагноз. Это объясняло все. Он живет и жил в двух различных местах. Тогда его правая рука не знает, что делает левая. Тогда Брансом – ученый не может отвечать за дела Брансома-убийцы.

Может, это и есть спасение? Они не казнят удостоверенных маньяков. Они просто направляют их в сумасшедшие дома.

Спасение?

Лучше смерть!

Полный мужчина в дверях магазинчика обратился к нему, когда он прошел мимо него в шестой или седьмой раз:

— Что-нибудь ищите, мистер?

На этот раз Брансом не колебался. С практикой приходит умение легко придумывать правдивые истории, а за последнее время у него большая практика. Он сразу же сообразил, что история должна сочетаться с той, что он рассказал шоферу такси. Люди в маленьких городках часто сплетничают между собой и несовпадение истории вызовет только лишнее подозрение.

— Я ищу место для маленькой фабрики за городом. Да не могу вот ничего найти. Видно, что-то напутали, когда рассказывали о Бельстоне.

— В Бельстоне? — переспросил толстячок и сощурился, изображая тем самым глубокую задумчивость.

— Нет. В пригороде.

— А что за место? Если вы мне опишете его, я думаю, что смогу помочь.

Брансом насколько мог описал местечко и добавил:

— Мне говорили, что одно из деревьев недавно подмыло, и оно упало на дорогу.

Это был рискованный кусок информации. Он с волнением ждал, ожидая, что вот его собеседник воскликнет: «А это там, где нашли скелет этой бедной девушки!» Но, к его удивлению, его собеседник оскалился и сказал:

— Такое могло быть только лет пятьдесят назад.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я здесь уже пятьдесят лет и за это время здесь нигде не могло быть потоков воды.

— Вы уверены в этом?

— Да уж куда быть уверенней!

— Может, это просто не тот Бельстон?

— Сомневаюсь, — возразил толстяк. — Я никогда не слышал о другом Бельстоне. По крайней мере, в этом полушарии.

Брансом пожал плечами, стараясь выглядеть равнодушным и безразличным.

— Ничего не остается, как вернуться и проверить все снова. Поездка оказалась пустой тратой времени и денег.

— Не повезло, — посочувствовал его собеседник. — А почему бы вам не попробовать обратиться к контору по недвижимому имуществу Кастера в Хенбери?

— А это идея! Спасибо!

Он вернулся на автобусную остановку в полной растерянности. В таком маленьком городишке как этот, такое событие, как убийство, пусть даже и очень давнее, должно вызвать массу разговоров. И уж шофер такси должен был бы об этом непременно заметить, когда они проезжали мимо. А толстяк услышав об упавшем дереве, должен был тут же выложить все детали этого события. А ни один из них об этом даже и не заикнулся.

И тут ему в голову пришла мысль, что местные газеты должны снабдить его нужной информацией и не привлечь к нему никакого внимания. Он готов был волосы рвать на себе от того, что вместо того, чтобы дрожать и пускаться в бега, ему с самого начала нужно было обратиться к газетам.

Заметки в местных газетах могли ничего не говорить о его приметах, особенно, если полиция только напала на его след. Но статья о происшедшем с возможными теориями и намеками о том, что делается по этому поводу должна была быть там непременно.

Он обратился к старику на соседней скамейке:

— Где здесь редакция местной газеты?

— У нас нет такого заведения. Мы пользуемся «Хенбери газет», она выходит по

пятницам.

Подождал автобус, он сел в него и устроился у окна. Через улицу, в дверях магазинчика, все еще стоял толстяк и со скучающим видом наблюдал за автобусом. Брансом вполне теперь был уверен, что если толстяка кто-нибудь спросит о нем, тот сможет дать точное описание и точное время приезда и отъезда. Он выглядел внимательным наблюдателем, который ничего не упустит, если его спросить о том, что он видел.

Господи, почему другие люди обладают такой хорошей памятью, в то время как его собственная память так подводит.

Если его преследователи докопаются до его поездки в Бельстон, это может быть серьезной уликой. Возможно, что он сделал серьезную ошибку, поехав сюда. Возможно, ему не следовало поступать так, давая волю подсознательным порывам. Когда начнутся допросы, это путешествие будет весить достаточно тяжело на чаше обвинения.

«Очень хорошо. Вы не виноваты. Допустим такой вариант. Допусти, что ВЫ никогда не знали Элайн Лафарк. Тогда почему вы пустились в бега? Почему вы покинули свой дом в таком паническом бегстве?»

«Я совсем не пускался в бега. Мне не от кого убегать. Я просто решил недельку отдохнуть от работы. Я просто устал и мне нужно было отдохнуть».

«Это вам сказал врач?»

«Нет, я не консультировался у моего врача по этому вопросу».

«А почему нет? Если вы настолько устали, то доктор выдал бы вам на этот счет документ и все было бы на много проще, не так ли?»

«Я не на столько устал. Я этого не утверждал. Не надо приписывать мне лишнее».

«Не надо нас учить. Просто давайте прямые ответы на прямые вопросы. Вам ведь нечего скрывать, не так ли?»

«Да».

«Вы сами себе поставили этот диагноз и сами себе прописали это лекарство?»

«Да, против этого нет закона».

«Мы хорошо знаем законы. А теперь ответьте на такой вопрос – вам не кажется странным, что вы решили отдохнуть как раз в тот момент, когда мы напали на ваш след? И почему вы не могли отдохнуть дома, вместе со своей женой и детьми?»

«Это никому бы не принесло пользы».

«Что вы хотите этим сказать?»

«Мое состояние беспокоило бы их и это в свою очередь беспокоило меня. Это магический круг и он только ухудшил бы положение. Чем хуже я чувствовал, тем сказывалась на мне их тревога. И я решил, что единственное правильное решение, это отдохнуть где-нибудь в мирном спокойном местечке».

«В таком месте, как Бельстон?»

«Раз я уезжал из дома, мне надо было куда-то ехать, не так ли? Я мог поехать куда угодно, совершенно произвольно».

«Вы сами сказали, что могли поехать куда угодно во всем большом мире. Но вы поехали в Бельстон. Как вы это можете объяснить?»

«Я никак не могу это объяснить».

Возможно, что в этот момент он начнет кричать и они обменяются многозначительными взглядами, давая друг другу понять, что тот, кто кричит, обычно находится в углу. Он прокричит свой ответ, желая подчеркнуть свою невиновность, а на самом деле только покажет им, что он находится на пределе и вот-вот сломается.

«Я не могу вам сказать, почему я поехал именно туда. Я был на грани нервного срыва и не мог логически рассуждать. Я поехал куда глаза глядят, считая, что эта поездка поможет мне. Это чистая случайность, то, что я поехал в Бельстон».

«Так и никак иначе?»

«Да».

«Вы совершенно случайно поехали именно туда?»

«Правильно».

«Вы вполне уверены в этом?»

«Да».

Дальше последует волчья улыбка.

«Когда вы уезжали из дома, вы сказали, что едете в Бельстон».

«Да?»

Поиски времени, отчаянное обдумывание ответа.

«Она так сказала».

«Она ошиблась».

«Ваши дети тоже слышали это».

Молчание.

«Все трое совершенно одинаково ошиблись?»

«Возможно, я это и говорил, но я не помню этого. Возможно, это название и сидело у меня в голове и я назвал его не думая».

«И, таким образом, Вы поехали в богом забытый уголок, а? Многие из ваших соседей и не подозревают о его существовании. А вот вы знали о нем. Вы только что сказали, что это название сидело у Вас в голове. И как же оно пришло к Вам в голову? Как вы узнали о его существовании?»

«Не знаю».

«Насколько мы знаем, вы там не родились. Вы там не женились. Ваша жена тоже не из этих мест. Таким образом, у вас с этим местом нет ничего общего. Так что же побудило вас поехать туда?»

«Я вам уже говорил, и несколько раз: я не знаю, почему я поехал туда».

«А почему вы решили наговорить кучу лжи об этой поездке?»

«Я ничего не говорил. Я сказал об этом только своей жене, вы сами только что сказали это».

«Не берите в голову, что мы говорили. Подумайте лучше о том, что вы сами говорили. Вы сказали Макхену, что у ваших родственников неприятности. А ваша жена об этом ничего не знает. Вы сказали жене, что едете по делам в Бельстон, а они начисто отрицают это. Высказали шоферу такси, владельцу магазина, что ищете место для фабрики, а на самом деле болтались, по вашим словам, без дела».

«Я не хотел, чтобы Макхен знал, что я устал».

«Почему?»

«Я не хотел, чтобы он подумал, что я выбился из ритма. Я не хотел показывать своей слабости».

«Ах так, но это не очень убедительно. Это вполне нормально, когда служащий признается, что он устал и ему нужен отдых и его ему предоставляют. Десять процентов персонала только в этом году пользовались этим. Почему вы считаете свой случай исключением?»

Молчание.

«А что вы можете сказать о той сказке, которую вы рассказали своей жене? Мужчины не врут привлекательным женщинам без основательных на то причин».

«Она и так уже была очень взволнована моим состоянием, я не хотел усиливать это волнение».

«Хорошо. Значит, вы поехали в Бельстон искать место для фабрики или по крайней мере сказали, что ищите. У нас есть два свидетеля на этот счет. Вы хотели завести собственное дело? И что же за производство вы хотели организовать? Почему вы выбрали Бельстон, где нет даже железнодорожной ветки?»

«Свидетели ошиблись».

«Оба сразу?»

«Да».

«Хм, они страдают галлюцинациями, также как ваша жена и дети? Странно, как это все

вас не понимают или понимают не правильно. А?»

Ответа нет.

«Медицинская экспертиза показала, что девушка была убита. Из всех, кого мы подозревали, вы единственный, у кого была такая возможность и, мы думаем, мотивы тоже. Преступление было совершено двадцать лет тому назад, за это время вы успели сделаться любящим отцом и мужем и благонадежным гражданином. Вы стали образцом в пригородном поселке».

Молчание.

«И вот еще одно совпадение. Вы устали от всего этого, как раз в то время, как выплыло наружу это убийство. Еще большее совпадение. Вы неожиданно взяли отпуск. И куда же вы поехали? В Бельстон!»

Молчание.

«Хватит валять дурака. Мы и так уже потеряли достаточно времени. Давайте посмотрим фактам в лицо. Новость заставила вас подпрыгнуть, так как у вас были для этого основательные причины. Вы решили проверить. Вы решили выяснить, напала ли полиция на чей-нибудь след, и если да, то на чей? В противном случае вам не спалось».

Молчание.

«Мистер Брансом, вы достаточно выдали себя, все это удовлетворит любого судью. Ваша единственная надежда – чистосердечное признание. По крайней мере, только это может спасти вашу шкуру».

Тишина, пристальный взгляд, потом небрежный взмах рукой.

«Уведите его. Пусть посидит и подумает, пока его адвокат не придет сюда».

Брансому не составило труда представить весь этот ужасный диалог, в котором ему была предназначена роль загнанной в угол крысы. Неужели это все так и будет, когда придет конец? Когда он подумал об этом, его пульс резко участился.

5

Это неприятное чувство прошло к тому времени, как он достиг Хенбери. Он сумел убедить себя в том, что праздное предчувствие и реальность – это совершенно разные вещи. Будущее скорее в руках Бога, чем в его собственном слишком активном воображении. Худшее может и никогда не случиться. А если и случиться, то он встретит его в свое время и не раньше.

Он нашел редакцию «Хенбери газет» в нескольких ярдах от своего отеля, вошел туда и спросил худого юношу с болезненным лицом, сидящего за прилавком:

– У вас есть старые номера газет?

– Смотря какие.

– Не очень старые, начиная с последнего.

– Сколько угодно. Сколько вам?

– Дайте мне пожалуйста, дюжину, – сказал Брансом, подумав.

– Вы хотите двенадцать копий последнего номера?

– Нет, я хочу двенадцать номеров начиная с последнего.

Парень подобрал номера, свернул их в сверток, перевязал веревкой и подал их Брансому. Брансом заплатил и вернулся к себе в номер. Он закрыл дверь, сел на стул у окна и начал изучать газеты, страницу за страницей, колонку за колонкой, не пропуская ничего.

Эти газеты перекрывали период в три месяца. Они сообщали о пожаре, о нескольких самоубийствах, о кражах, ограблениях, перестрелке где-то за городом. Но ничего экстраординарного не произошло в Бельстоне и его окрестностях.

Он объяснить это двояко. Шофер мог говорить о преступлении, которое было совершено где-нибудь в другом месте. Это родило в голове Брансома мысль, что может быть его собственный грех так и останется нераскрытым.

С другой стороны, история, которую рассказал шофер, могла быть и чистой правдой,

без всяких ошибок, но произошла она много раньше. С другой стороны, парень имел такой вид, будто он пережил это совсем недавно, несколько дней назад или по крайней мере, на прошлой неделе. Из рассказа шофера Брансом определенно понял, что все это рассказывается по живым следам.

У Брансома закружилась голова. До этого он считал, что у властей было еще слишком мало времени, чтобы выследить его, а если у них было более трех месяцев, то они могут висеть у него на пятках. Может быть, сейчас, в этот момент они уже стреляют вопросами в Дороти.

«Куда, говорите, он поехал? В Бельстон? А где это? Джо, попробуй связаться там с полицией. Скажи им, что его надо задержать. Если это не ложный след, они могут его тут же прихватить».

Он сидел в своем номере, борясь с сомнениями. С самого первого момента до этой поры он сразу же поддавался панике. Теперь он попытался бороться с этим. В его ушах гудели провода, по которым допрашивающие Дороти пытаются связаться с полицией в Бельстоне или Хенбери. День или два назад от такой мысли он бросился бы наутек без оглядки. Но не сейчас. Он просидит здесь до утра и попробует удачи.

Ему просто необходимо дождаться здесь утра, так как редакция «Хенбери газет» сейчас уже наверняка закрыта. Новых номеров газет он не сможет получить до завтрашнего утра. Та часть мозга, которая боролась с паникой, которая утверждала его трезво оценить ситуацию, настаивала на том, чтобы он не уезжал отсюда, пока не убедится, что его либо ищут, либо его преступление так и осталось похоронено навечно. Для этой цели можно и рискнуть.

Бросив газеты в урну, он потерял свой подбородок и решил, что ему стоит побриться перед обедом. Он открыл свой чемодан и уставился в него с подозрением, вещи были аккуратно уложены, ничего не пропало. С самого начала он был очень аккуратен в вопросах упаковки своих вещей и, подобно всем людям такого типа, мог с первого взгляда определить, если в его чемодан заглядывал посторонний. Вещи в чемодане лежали почти все, но не совсем так, как он их укладывал. Он был в полной уверенности, что кто-то опорожнил чемодан, а потом заново уложил его.

Он не был абсолютно уверен, но все равно, все это походило на то, что его чемодан быстро и грамотно обыскала. Что же они искали? При данных обстоятельствах можно было дать только один ответ: они искали доказательства. Вор не стал бы так тщательно снова паковать чемодан. Скорее всего он бы разбросал вещи по всему номеру, срывая свою злость на то, что в чемодане не было ничего ценного. Только при официальном обыске обыскивающий мог так стараться скрыть свое деяние.

Он проверил замки на предмет взламывания, но они работали легко и четко. А не ошибся ли он? Может, чемодан просто протрясло в дороге и вещи слегка сдвинулись? Или же полиция в Хенбери начала уже действовать?

Следующие несколько минут он посвятил тщательной проверке. Осматривал комнату, пытался найти окурки, небрежно сброшенный табачный пепел или что-нибудь еще в этом роде, что могло бы свидетельствовать о непрошенных гостях. Он ничего не нашел. Ни кровать, ни платяной шкаф не выдавали никаких признаков обыска, никаких доказательств не было, если не считать, что его запасной галстук был сложен слева направо, а не наоборот, а пачка воротничков лежала кончиками вперед, а не назад.

Затем он боком подошел к окну, и, скрываясь за занавеской долго наблюдал за улицей напротив отеля, пытаясь понять находится ли отель под наблюдением. Это тоже ни к чему не привело. Прохожих было много, но насколько он заметил, никто из них не прошел в течении этих двадцати минут мимо отеля дважды, никто даже не проявил к отелю повышенного внимания.

Конечно, тому, кто официально наблюдает за отелем, не обязательно шляться снаружи. Он вполне может находиться в своем отеле, сидеть в холле и с невинным видом изображать отдыхающего клерка. Единственными посетителями фойе были два престарелых джентльмена, которые что-то оживленно обсуждали. Ни один из них не походил на

полицейского, преследовавшего убийцу. За прилавком сидел дежурный. Это был очень тощий парень, который мог бы залезть в одну полицейскую штанину. Брансом подошел к нему.

– Меня никто не спрашивал, пока меня не было?

– Нет, мистер Брансом.

– А вы кому-нибудь показывали мою комнату?

– Насколько я знаю, нет.

– Хм...

– Что-нибудь не в порядке? – спросил клерк, уставившись на него.

– Ничего особенного. Просто у меня такое чувство, что кто-то побывал в моей комнате.

– Что-нибудь пропало? – спросил клерк, напрягаясь в предчувствии неприятностей.

– Нет, нет, ничего.

Клерк заметно расслабился.

– Может быть, уборщица.

– Возможно.

Брансом в растерянности опустил глаза. Перед его носом оказалась гостиничная книга, раскрытая на последней странице. Книга была развернута в сторону клерка, но Брансом мог вполне четко видеть последнюю запись. То, что надпись была для него вверх ногами, вызвало только небольшую задержку в прочтении. Он растерянно уставился в книгу, в то время как его глаза, тревожно сообщали мозгу о своей находке.

ДЖОЗЕФ РИРДОН, КОМНАТА 13.

– Спасибо, – поблагодарил он клерка.

Он быстро поднялся на верх, закрылся в номере и сел на кровать, судорожно сжимая и разжимая пальцы и пытаясь представить себе сколько в мире может быть Рирдонов. Может быть, шесть или семь тысяч, может быть даже десять или больше. Но он не знал этого и не мог знать даже приблизительно. К тому же этот долговязый шпик с острыми глазами из института не обязательно должен быть Джозефом. Он может быть Дадли или Мортимером, или еще как-нибудь, только не Джозефом. И все равно, это было неприятное совпадение. Равно как случайная встреча с ним на станции перед отъездом. Или узнать о том, что его чемодан обыскивали здесь, как только сюда прибыл Рирдон.

Какое-то время он думал оплатить счет и уехать не совсем из города, а переехать куда-нибудь в пригород и там провести ночь. Это, конечно, не просто. В Хенбери только два отеля, а ходить сейчас по улицам в поисках дома, где можно снять жилье, слишком поздно.

Была, конечно, альтернатива, с которой он поиграл как загнанная крыса с мыслью атаковать терьера. Может пойти в тринадцатую комнату, постучать и встретиться лицом к лицу с Рирдоном. Если парень окажется незнакомцем, то все нормально.

«Извините, я ошибся комнатой».

Но если это тот самый Рирдон, то у Брансома будет наготове несколько вопросов, как только он откроет дверь.

«Какого черта ты здесь делаешь? С чего это ты преследуешь меня?»

Да, это может сработать. Рирдон не сумеет обвинить его в чем-либо, не имея доказательств. А если бы такие доказательства существовали, то он, Брансом, был бы уже арестован. То, что еще никто не сумел найти достаточно доказательств, дает ему преимущество, хотя и временное.

Наполненный решимостью, он вышел в коридор и поспешил к двери с тринадцатым номером. Он решительно постучал в дверь. Он был в полной готовности закатить сцену, если в дверях покажется знакомое лицо. Он постучал еще раз, на этот раз более громко и с нетерпением. Ответа не было. Брансом приложил ухо к замочной скважине, за дверью не было слышно ни звука. Он постучал дальше и еще более громко. Тишина. Комната была пуста. Он попробовал открыть дверь – дверь была закрыта.

В конце коридора послышались шаги, Брансом метнулся к своей комнате, нырнул в нее, но оставил дверь слегка приоткрытой, а сам стал наблюдать за коридором через щелку.

Крупный, с большим животом мужчина прошел мимо комнаты тринадцать и проследовал к выходу. Брансом закрыл свою дверь, сел на кровать и стал задумчиво смотреть на кровать.

В конце концов, для большей безопасности он поставил под ручку двери стул, долго изучал свою улицу в окно, стараясь найти соглядатаев, и, не обнаружив ничего подозрительного, лег спать, но с тем же успехом он мог всю ночь прогулять по улице – результат был бы тот же самый. Он скучал по Дороти и детям, представляя их в мыслях, пытался догадаться, что они сейчас делают и отгадать когда он снова увидит их. Часами он лежал, находясь в каком-то состоянии, которое можно было определить как нечто среднее между бодрствованием и полубессознательным забытием. Иногда он погружался в царство каких-то кошмарных снов, из которых его выводил малейший посторонний звук. К рассвету он был совершенно разбитым, с опухшими глазами.

В восемь тридцать утра он был уже в редакции «Хенбери газет», едва он успела открыться. Возвратившись в отель, он принес огромную кипу газет, положил их себе в номер и спустился позавтракать. В столовой было около дюжины людей, которые ели и болтали. Но среди них не было никого, кого бы он мог опознать. Он только подумал, что всех их можно было бы назвать Рирдонами, и клерка, и крупного мужчину, и даже двух старых дев.

Покончив с завтраком, он поспешил к себе в номер, чтобы быстренько просмотреть все газеты. По газетам он вернулся на год назад. Нигде не упоминалось о его преступлении. Ни в одном номере ни слова. Может быть, полиция по известным только ей причинам задержала публикацию новости, но такое долгое молчание казалось тоже нереальным. А может, все это произошло еще раньше и упоминание есть в более старых газетах? Или все же шофера говорили о подобном, но другом преступлении.

Он все еще считал, что ему надо узнать все точно, но старался не испытывать судьбу методами, которого он будет этого добиваться. И все же он мог придумать, как узнать всю правду точно. И это будет очень опасный ход, он даже не знал, хватит ли у него смелости на это. Это будет все равно, что сунуть голову в пасть льву. Он должен пойти в полицию и спросить их об этом прямо и откровенно, вот так!

Но сможет ли он улизнуть от них, если появится там под чужим именем и придумает какую-нибудь правдоподобную историю? Ну, например, он может представиться писателем, который пишет запутанные детективные истории и просит у них помощи, он просит у них сведений о деле Элайн Лафарк. Афера! Это уж слишком! Он мог представить реакцию полиции на такой акт.

«Эй, а как вы узнали об этом? В газетах об этом ничего не упоминалась! А как вы узнали имя жертвы? Мы такого еще сами не знаем. Нам кажется, мистер, что вы знаете об этом слишком много, чтобы это хорошо сказалось на вашем здоровье. Только один человек может так много знать об этом деле, тот человек, который это сделал!»

Затем они задержат его, как главного подозреваемого, довольно скоро установят его настоящее имя и вот тогда у него под ногами загорится земля. Слишком рискованно и на столь же глупо. А что, если позвонить по телефону-автомату? Это идея. Они не могут схватить человека, который находится от них на расстоянии нескольких миль на другом конце медного провода, как бы они того не хотели. Ровно они не смогут проследить откуда он звонит, если он не будет затягивать разговор. Потихоньку он начал обучаться тем трюкам, которые используют беглецы. У него была чертовски трудная жизнь.

Телефонная будка возле автобусной остановки будет идеальным местом. Самая лучшая тактика – это узнать когда отходят автобусы и сделать звонок перед отправлением двух-трех автобусов в разные концы. Если полиция бросится в погоню за автобусами, в то время, как он спокойно пойдет в отель. Полиция догонит автобусы, но никого там задержать не сможет, так как у них не будет описания преступника.

Отлично, он попробует это и, может быть ему улыбнется удача и он узнает что-нибудь важное. Если, к примеру, он скажет дежурному, что знает кое-что о тех костях, которые нашли под деревом, и вот в ответ на это дежурный заинтересуется, начнет задавать вопросы, попросит подождать, пока он позовет детектива, то значит, все это мрачная реальность. Его

преступление обнаружено и власти работают над его раскрытием.

Обдумав свои действия до такой степени, он решил, что нет смысла оттягивать выполнение операции и отправился на станцию, предварительно убедившись, что дверь и чемодан надежно закрыты. Он быстро шагнул по коридору и когда поравнялся с комнатой N13, дверь ее открылась и на него уставился Рирдон.

Даже не изобразив удивления, он воскликнул:

– Вот неожиданная встреча...

Он не успел закончить, Брансом тут же заехал ему по зубам. Это был очень сильный удар, в который Брансом вложил всю свою силу, ярость и страх. Рирдон сразу же полетел обратно в комнату.

В отчаянной ярости Брансом бросился за ним, и нанес ему еще один удар в подбородок. Это был сильный, хорошо нацеленный удар, который мог бы свалить с ног человека намного здоровее и тяжелее Рирдона. Но не смотря на свою худобу, Рирдон оказался крепким малым. И хотя удары были совершенно неожиданными для него, Рирдон удержался на ногах. Он развернулся, взмахнул руками и попробовал сгруппироваться.

Брансом решил полностью использовать свое преимущество и не дать Рирдону никакой возможности сопротивляться. Ярость родила в нем такую силу, о существовании которой он не подозревал. Он отскочил в сторону и нанес Рирдону еще один сильный удар по горлу. Рирдон издал хриплый кашляющий звук и начал падать. Он поднял руку и всем своим видом показывал, что хочет закричать, но не может.

Брансом нанес еще три удара, прежде чем Рирдон упал, упал не резко, а тихо и спокойно, как лишенный человека костюм. Да, он был крепкий мужик и ему надо было получить много для такого результата. Брансом, тяжело дыша, склонился над ним. Бросив взгляд назад, он заметил, что дверь в номер широко раскрыта. Он подошел к двери и выглянул в коридор. Ни души. Никто не слышал шума короткой схватки, никто не поднял тревоги. Тщательно закрыв дверь, Брансом вернулся к своему противнику.

Стоя над Рирдоном и глядя на него, Брансом задумчиво потирал костяшки пальцев. Внутри у него все дрожало от возбуждения, а нервы натянуты как струны.

– Этот парень слишком умный и упорный, – подумал Брансом. – И будет полным безумием не воспользоваться нынешней ситуацией, не решив как быстро и надолго стряхнуть хвост.

Сейчас у него была отличная возможность избавиться от Рирдона навсегда. Человека можно казнить за убийство только один раз. Она не могут посадить его на электрический стул дважды. И в тоже время, он не мог серьезно подойти к идее убить Рирдона. Он не мог бы так хладнокровно убить кого-нибудь и за миллион долларов. Если бы было подходящее время для самоанализа, то можно было бы попробовать разбудить в себе убийцу и сделать из этого кое-какие выводы, но время было совершенно неподходящим.

Как ни как Брансом не мог убить Рирдона, даже для собственного спасения. Рирдон лежал на полу, его пиджак был расстегнут и под мышкой была видна кобура, из которой торчал пистолет. Брансом задумчиво посмотрел на него, но пистолет трогать не стал.

Он подошел к чемодану Рирдона и открыл его. Внутри он обнаружил полдюжины наручников, два галстука и прочие необходимые для путешествия вещи. При помощи наручников и галстука, Брансом связал руки и ноги Рирдона и галстуком привязал ему в рот кляп. К тому времени, когда он кончил это дело, Рирдон начал сопеть и потихоньку приходить в себя.

Брансом быстренько обыскал его, нашел бумажник и решил осмотреть его. Бумажные деньги, пара писем, не представляющих интереса, несколько расписок, сложенная страховка на машину. В другом отделении лежало несколько почтовых марок. В кармашке на другой стороне бумажника лежала запечатанная в целлофан продолговатая карточка и волосы у него на голове встали дыбом. На карточке был вытеснен орел, серийный номер и надпись

НОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
НЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Е ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ ИРДОН

Во имя всего святого, что может делать военная разведка с обычным убийством? Это поразило его. Единственное объяснение, которое он смог придумать было то, что разведка взяла его дело у полиции, когда узнала, что в нем замешан служащий чрезвычайно секретного учреждения. Но это тоже казалось маловероятным. Насколько он знал, полиция никогда не отдавала свои дела, кто бы ни был замешан в них.

Но, как ни говори, ищейка пока выведена из строя. Теперь все зависело насколько быстро Брансом сможет убраться из поля зрения этой ищейки. Положив бумажник на место, он затащил Рирдона под кровать, выглянул в коридор – никого не было. Он вышел из комнаты N13 и услышал как за ним щелкнул замок. После этого он заскочил в свою комнату, схватил чемодан, быстро оглядел номер и убедился, что ничего не оставил. Спустившись в фойе, он оплатил свой счет. Клерк был медлительный и томный, как будто хотел испытать терпение Брансома. Пока клерк возился с бумагами, Брансом оглядывал фойе на случай нет ли там еще какой-нибудь ищейки и со страхом ожидал, что вот-вот наверху начнется шум. Взяв счет, он выскочил на улицу и быстрым шагом направился к автобусной станции, но там оказалось, что в ближайшие пятьдесят минут не отходит ни один автобус. Тогда он отправился на вокзал. Но и там в ближайшие полтора часа не отходил ни один поезд.

Это означало нежелательную задержку. Инстинкт преследуемого подсказал ему, что ему не следует задерживаться в Хенбери ни на минуту дольше необходимого. На время он оставил идею позвонить в полицию! Можно будет позвонить откуда угодно! Даже из-за тысячи миль. Такой далекий звонок даже будет иметь свое очарование.

Главной задачей было выбраться из города до того, как Рирдон освободиться и власти закроют город. Он решил отправиться по пути автобуса, который должен был первым отойти от станции. Автобус подберет его в четырех или пяти милях от города и таким образом он избежит облавы, если в ближайшие пятьдесят минут Рирдон сумеет освободиться и поднять шум. Первое, что тогда сделают власти, это отправят патрули на автобусную станцию и железнодорожный вокзал, опросят шоферов такси и водителей грузовиков.

Итак, он быстрым деловым шагом отправился из города, думая только о том, что до конца дня ему надо будет позвонить Дороти и узнать, как дела у нее и у детей. А также он спросит ее, не интересовался ли кто-нибудь его местопребыванием. И опять сказалось отсутствие у него опыта преступника. Ему и в голову не пришло украсть машину и быстренько на ней удалиться из города, бросить машину в первом же большом городе и украсть другую. За свою жизнь он украл только раз в возрасте около шести лет, предметом кражи было большое яблоко.

С другой стороны, если дела обстояли так, как он предполагал, то отсутствие опыта давало ему преимущество. С точки зрения полиции все закоренелые преступники действуют очень похоже. На каждый шаг полиции они в ответ делают вполне определенные шаги. А вот новички непредсказуемы. Старый преступник был бы уже далеко на чужой машине, удаляясь все дальше и дальше. А вот новичок мог сотворить все, что угодно, даже попытаться остаться незамеченным, шагая на своих двоих. Вот Брансом и шагал.

В начале ему повезло. Через двадцать минут пути его обогнал помятый, изрядно фыркающий «Седан». Машина остановилась и шофер предложил ему подвезти. Брансом принял предложение, залез в машину и устроился рядом с краснолицым шофером. Брансом честно сказал шоферу, что просто идет по дороге, чтобы убить время и рассчитывает на автобус, когда тот его догонит.

– А куда направляешься-то? – спросил краснолицый.

– В любой большой город, – ответил Брансом и похлопал по своему чемодану, чтобы привлечь к нему внимание шофера. – Я хожу по домам.

– А что продаешь?

– Страховку.

Неужели это никогда не кончится? Вопросы и быстрое придумывание ответов на них.

– Грязное дело, – ответит краснолицый с полным отсутствия такта. – Мою жену почти уговорили купить такую штуку. Точно тебе говорю! Я ей, конечно, сказал:

– Только попробуй! Почему ты хочешь, чтобы я мертвый стоил больше, чем живой? Грязное дело, скажу я тебе. Заинтересовать бабу трупом! Нехорошее это дело! В этом мире и так достаточно неприятностей, чтобы предлагать кому-нибудь сорвать банк за то, что парень сыграл в ящик.

– Я продаю страховку против пожаров и ограблений, – попробовал успокоить его Брансом.

– Ну, это совсем другое дело, мистер. В этом есть смысл. Вот у моего дяди, из Декатора, сеновал полыхнул прямо как вулкан. Он вообще-то скряга, так столько потерял сразу. Я всегда говорил...

Шофер все продолжал болтать, пока «Седан» кряхтел, подпрыгивая на ухабах и оставляя за собой милю за милей. Шофер перечислил и описал в деталях все большие пожары в этом регионе за последние сорок лет и кончил тем, что страховка от пожаров – это настоящее дело, а вот страховка против ограбления – это гиблое дело, потому, что в этом районе очень мало проходимцев.

– Это ты лучше попробуй где-нибудь в другом месте, – посоветовал краснолицый.

– Должно быть, хорошо жить в таком уголке, – предположил Брансом. А как насчет убийств? Это бывает?

– Да, было несколько. Все из-за баб, или выпивки. Только одно никак не раскроют.

– Это какое же? – наострил уши Брансом, рассчитывая хоть теперь услышать что-нибудь стоящее.

– Да это было лет восемь-десять назад, – охотно ответил краснолицый. – Старика Джефа Боткинса нашли здорово избитым. Он так и умер, ничего не сказав. Полиция искала тут сезонника, но его и след простыл. Так его и не нашли.

– А что с той девушкой, которую нашли под дерево?

Краснолицый тут же внимание переключил с дороги на Брансома.

– Какой же это девушки?

– Может это, конечно, только слухи, – сказал Брансом. – Просто несколько дней назад я слышал, как два парня говорили, что где-то под Бельстоном нашли под деревом скелет девушки.

– Это когда же?

– Да, я не знаю, когда это случилось. Может, неделю назад, а может и несколько месяцев. Похоже было, что парень говорил о чем-то совсем недавнем.

– Выдумал он все это, – определенно заявил краснолицый.

– Может, и так.

– Если бы такое произошло, это разнеслось бы на сотню миль, как степной пожар, – заверил он. – В этих местах любят поговорить и делают это предостаточно. Я-то уж точно слышал бы.

– А не слышал?

– Нет, мистер. Вы, наверное, не так поняли этого парня.

В это время машина въехала в городок поменьше, чем Хенбери, но побольше, чем Бельстон. Краснолицый взглянул на пассажира:

– Ну, как местечко?

– Вполне подойдет, если дальше не едешь.

– Могу провезти еще с сорок миль. Но тогда, вам останется еще двадцать, чтобы добраться до города.

– Попробую туда. А может мне повезет и меня кто-нибудь подвезет дальше.

– Хочешь отъехать подальше? Думаешь здесь ничего не заработаешь?

– Сказать по правде, я устал от маленьких городков. Я думаю, мне лучше съездить куда-нибудь в большой город.

– Не могу осуждать вас за это, – сказал краснолицый. – А что, ваша контора машинами

не снабжает?

– Снабжает, но я оставил свою дома, жене.

– У нее есть на тебя страховка?

– Конечно, есть.

– Женщины! – воскликнул он, наклонившись вперед. – Им лишь бы что-нибудь хапнуть! Все забирают, что мужчина имеет.

Он замолчал, покусывая нижнюю губу, пока машина тряслась через весь город. Увеличивающееся расстояние вполне успокаивало Брансома, который считал, чем дальше, тем лучше. Шофер продолжал молчать, очевидно, раздосадованный жадностью слабого пола.

Они отъехали около тридцати миль от последнего города и оставалось всего десять миль до цели путешествия краснолицего. Здесь дорога вывела их на открытое шоссе, довольно широкое, на котором стояли две машины. От машины отделилась фигура в форме и стала посередине дороги. Это был патрульный полицейский, который поднял руку, приказывая «Седану» остановиться. Одна из стоящих машин зафыркала и отъехала, как раз в тот момент, когда краснолицый спросил:

– Ну и что теперь?

Рядом с первым патрульным показался второй. Они подходили к «Седану» осторожно, с двух сторон. Всем видом они говорили, что их больше интересует не машина, а пассажиры.

Заглянув внутрь машины, тот, что повыше, спросил:

– А, привет, Вильмер. Как делишки?

– Так себе, – ответил краснолицый, не выражая особой радости. – И какого рожна вам надо на этот раз?

– Не суетись, Вильмер, – посоветовал другой. – Мы кое-кого ищем, – он сделал жест в сторону Брансома. – Знаешь этого парня?

– А должен?

– Он едет с тобой, не так ли?

– Как видишь, ну и что с того?

– Слушай, Вильмер, давай-ка быть разумным, а? Я на тебе не женат, так что попридержи язычок, давай-ка ответь мне прямо на два вопроса. Где ты откопал этого парня?

– Подобрал на окраине Хенбери, – признался краснолицый.

Подобрал, да? – патрульный начал с интересом разглядывать Брансома, тем же занялся и его партнер. – Вы подходите под описание человека, которого мы ищем. Как вас зовут?

– Картер.

– И чем вы занимаетесь?

– Я – страховой агент.

– Это так, – сообщил краснолицый, радуясь тому, что он что-то тоже может сказать. – Мы с ним об этом говорили. Я рассказал ему, как тут у нас идут дела.

– А как имя? – перебил его патрульный.

– Люсиус, – сообщил Брансом, даже не понимая в каком уголке своего мозга он сумел откопать такое.

Эти данные поколебали уверенность допрашивающих. Они переглянулись и вновь принялись рассматривать Брансома, очевидно, сравнивая его с описанием, полученным по радио.

– И что вы делали в Хенбери?

– Продавал страховки, – криво улыбнулся Брансом.

– Ваш бумажник и ключи, пожалуйста.

Брансом протянул.

Патрульный тщательно просмотрел содержание бумажника.

– Люсиус Картер, жди больше! Это и есть тот парень, Ричард Брансом! – он махнул рукой краснолицему. – Поехали!

Краснолицый со злостью захлопнул дверцу и заорал в открытое окно.

– Раскомандовались тут! Это моя машина! Я купил ее на свои денежки! И как налогоплательщик, я могу...

– Поехал, Вильмер. Ты уже большой мальчик. Ну!

Краснолицый одарил полицейских и Брансома убийственным взглядом и умчался, обдав их клубом пыли и бензина.

– Садитесь в машину, мистер, – сказал короткий полицейский, указывая Брансому на патрульную машину.

– Почему? В чем вы меня обвиняете? Если у вас есть что-нибудь против меня, скажите!

– Вам все расскажут в участке, – отрезал патрульный, – мы можем задержать вас на двадцать четыре часа под любым предлогом. Так что утихни, мистер, и садись в машину.

Бросив дальнейший спор, Брансом залез в машину. Короткий полицейский сел на заднее сиденье рядом с Брансомом, а высокий занял место водителя, щелкнув выключателем, проговорил в микрофон:

– Машина девять, Хилт и Грег, мы только что подобрали Брансома, сейчас привезем.

6

В участке их отношение к нему было по крайней мере странным. Они обращались с ним бесцеремонно, но в тоже время без той грубости, с которой обращаются с явно виновными. Складывалось впечатление, что они не представляли кто он такой, то ли его искали потому, что он взорвал Соединенные Штаты, то ли он кандидатом на медаль Конгресса, которого не могли найти. После тщательного досмотра и проверки его личности, они покормили его и отвели в камеру, не задавая никаких вопросов.

Все, что получил в ответ на свои вопросы, было:

– Молчите и ждите.

Рирдон прибыл в три часа. Пара наклепок медицинского пластыря были прикреплены у него на губе, больше никаких повреждений не было видно. Они предоставили ему кабинет, где он терпеливо ждал, пока туда приведут Брансома.

Оставшись, одни, они без всяких эмоций оглядели друг друга и наконец Рирдон сказал:

– Я полагаю, что вы понимаете, что мы можем обвинить вас в обычном нападении на человека.

– Пусть будет так, – пожал плечами Брансом.

– Почему вы это сделали? Почему так обошлись со мной?

– Чтобы научить вас заниматься своими делами не лезть в чужие.

– Понятно. Вам не нравилось, что я все время попадался вам на глаза.

– Конечно. А кому это понравится.

– Большинство людей не имеет ничего против, – сказал Рирдон. – А с чего бы им иметь? Им нечего скрывать. А ВЫ скрываете?

– Выясните.

– Вот я сейчас и стараюсь это сделать. А ВЫ не хотите мне это сказать?

Брансом тупо уставился в стену. Пока убийство не вспоминалось. Это странно, если еще и учесть, что они его преследовали и наконец задержали. Может быть Рирдон бережет это напоследок и причмокивает губами от удовольствия? Садист играет в кошки-мышки.

– Может быть, я смогу помочь вам? – продолжал Рирдон спокойно и собранно. – Я ХОЧУ ПОМОЧЬ ВАМ!

– Очень мило, – ответил Брансом.

– Но очень трудно помочь, когда не знаешь в какой помощи нуждается человек.

– Держи карман шире, – посоветовал Брансом.

Рирдон резко возразил:

– Это не водевиль Брансом. Это – серьезное дело. Если вы вляпались в какую-то историю и вам нужно помочь, вы должны рассказать об этом.

– Я сам могу уладить свои дела.

– Убежав от дома, семьи, с работы – это не очень-то эффективный способ.
– Это уж мне судить.
– И мне тоже, – зарычал Рирдон. – Я докопаюсь до этого дела любым способом.
– До какого дела? – спросил Брансом с сарказмом. – Я взял небольшой отпуск, официально, как положено его оформил. Это было вполне законно и с тех пор, как я знаю, закон не менялся.

Рирдон глубоко вздохнул:

– Как я вижу, вы не хотите мне доверять; пока нет. Это оставляет мне единственное решение – отвезти вас домой. Мы все обсудим по дороге.

– Вы не можете отвезти меня обратно, – возразил Брансом, – нападение на человека – не такое уж крупное преступление.

– Это обвинение вам еще не предъявлено, – возразил Рирдон, – и не будет предъявлено. Это будет последний день, когда я прибегну к помощи закона из-за удара по зубам. Вы поедите со мной домой по собственному желанию...

– Или что?

– Я подниму вопрос о вашей измене и разглашении государственной тайны. И вот тогда мы посмотрим, как вам это понравится.

Брансом побагровел и закричал, наклонившись вперед:

– Я не предатель!

– А никто и не говорит, что вы предатель.

– Вы только что сами сказали.

– Я еще ничего подобного не говорил, – возразил Рирдон. – По крайней мере, пока я не обнаружил никаких причин не верить в вашу лояльность. Но если будет необходимо, я могу покривить душой. Я просто показал вам на какие грязные трюки я способен, чтобы выяснить, что вы скрываете.

– Вы хотите сказать, что не остановитесь и перед ложным обвинением?

– Да. Мне нельзя оставлять ни одной возможности.

– И в то же время вы хотите помочь мне?

– Конечно!

– Ну, из того, что я слышал, я могу сделать два вывода: либо вы сумасшедший, либо вы считаете, что я сумасшедший, – ответил Брансом.

– Насколько я знаю, вы возможно, не в своем уме, – согласился Рирдон. – Если это так, то я хочу сказать, что хочу знать как это так внезапно с вами произошло.

– Почему?

– Потому что вы не первый и, насколько мне известно, не последний.

Брансом прищурил глаза.

– О чем это вы?

– О помешанных. Я говорю об умных и талантливых людях которые вдруг, неожиданно становятся странными. Их уже достаточно много. И пора с этим кончать.

– Я не понимаю этого и более того, не хочу этого понимать. Все что я могу сказать по этому поводу, это то, что если вы считаете человека, который взял отпуск из-за того, что ему очень нужен отдых, сумасшедшим, то вы сами тронулись.

– Вы не просто взяли отпуск.

– Да?

– Если бы это было так, то вы взяли бы и детей и жену с собой.

– У меня складывается впечатление, что вы лучше меня знаете, что мне надо делать, – сухо заметил Брансом. – И что же я делаю в таком случае, по вашему мнению?

– Бежите от чего-то. Или, может быть, бежите за чем-то. Более вероятно первое.

– Убегаю от чего?

– Это вы должны были бы мне сказать, – предположил Рирдон, не отрывая взгляда от Брансома.

– Это ваша теория, а не моя. Вы сами откапываете подтверждение этой теории. Таким

образом или вы мне все это рассказываете, или уж молчите.

Нахмурившись Рирдон смотрел на часы.

– Я не могу оставаться здесь весь день из-за пустых споров. Через двадцать минут отходит поезд. Мы вполне успеем на него, если сейчас же отправимся в путь.

– Для этого вам придется тащить меня волоком, и тогда, может быть, и я смогу возбудить против вас дело о телесных повреждениях.

– Пустая надежда. Любой компетентный адвокат скажет вам, что судиться с правительством бесполезно. Кроме того, я знаю, что делаю. Я сам могу прибегнуть к закону.

– Ну хорошо, поедem.

Брансом встал, голова у него слегка кружилась. Ни одного слова не было сказано об Элайн Лафарк. Манера, с которой они обращались с ним, создавала угрозу его жизни или, по крайней мере, свободе. Но по каким-то не понятным причинам, они выбрали для этого совсем другой путь.

Если человек преднамеренно и обдуманно убил женщину, то это – убийство. Этого достаточно для любого суда и суды имеют с этим дело каждый месяц. Но здесь в дело гражданского суда вмешались военные, и, объявляя его невинным в результате безумия.

Почему?

Это озадачило его.

Когда поезд уже мчался по пригородным местам, Рирдон опять уставился на него.

– Послушайте меня, Брансом. Я буду с Вами откровенным. Ради Христа, постарайтесь сойти до моего уровня. Я скажу, почему так заинтересован в вас. А вы в ответ расскажете, что вы скрываете, что заставляет вас пуститься в бег.

– Я не в бегах.

– Сейчас, возможно, нет. Нет, с тех пор как вы попались мне. Но до этого вы были в бегах.

– Нет, просто это ваши догадки.

– Давайте раскинем мозгами вместе. Если будем продолжать сталкиваться лбами, мы ничего, кроме синяков не получим. Я хочу вам напомнить то, что вы, как специалист, как мне кажется, забыли, что сейчас идет война. Еще не стреляют, но все равно это война. Иначе зачем бы вам и вашим коллегам так усиленно работать над еще более новым и более мощным оружием?

– Ну?

– Потому что холодная война превращается в горячую. И война без стрельбы ведется своими способами. Каждая сторона старается украсть лучшие головы другой стороны, купить их, или же просто уничтожить. Мы теряем людей, лаборатории, головы. И они покупают наши. Вы понимаете, о чем я говорю? Мы покупаем кое-какие их головы. Они тоже.

– Конечно. Старая песня.

– Ну, хоть и старая песня, а действует все также, – согласился Рирдон, – он наклонился к Брансому и прищурил глаза. – Оружие в этой войне – подкуп, шантаж, воровство, соблазнение, убийство, все, что помогает достичь цели, это происходит с обеими сторонами. Главная цель в этой борьбе – как можно больше отнять у противника и как можно меньше потерять самим. Первая часть также важна, как и вторая. Я специализируюсь на второй. Это моя работа. Это задача нашего отдела – отбить вражеские атаки на наши умы.

– Вы сказали мне ничего нового или удивительного, – посетовал Брансом. – И это чертовски обидно, что человек не может взять отпуск, не будучи заподозрен в попытке продать свои рабочие секреты.

– Вы слишком упрощенно понимаете ситуацию, – возразил Рирдон. – В основном есть два способа ослабить противника: первое – это попытаться использовать умы противника для своих целей. Второе – не дать противнику использовать его собственные, если невозможно первое. Это политика собаки на сене: ни себе, ни людям. Понятно? А теперь представим, что вы слишком лояльны, чтобы продать секреты, что тогда?

– Ну и что тогда?

– Враг выводит из строя вашу голову, раз он не может ею воспользоваться, то пусть и не пользуются другие.

– Чушь?! Я не стою такой заботы.

– Это все равно, что сказать, что солдата не стоит посылать на поле битвы. Если конечно, рассматривать его как одного человека, то это верно. Но если они сотни, тысячи, десятки тысяч, то это уже причина поражения или победы – Рирдон сделал паузу, чтобы эти слова уложились в голове Брансома, потом продолжил. – Лично я не стал бы беспокоиться о каком-то там Брансоне, но о сотне, сотнях «Брансонов» заботиться – мое дело.

– Ну, у вас есть хотя бы одно утешение, – улыбнулся Брансом, – моя голова еще крепко держится у меня на плечах.

– Как вы прекрасно понимаете, я говорю образно. Ум, который резко перестал работать для своей страны – потерянная для нее голова. Это уже жертва в необъявленной войне. И в наш технический век очень опасны удары, которые наносит враг по лучшим умам.

– Все это очевидно. И это понятно и дураку, и, не считите за хвастовство, но я это знал уже много лет назад. Но как это все можно приложить ко мне в данный момент?

– Я к этому и подхожу, – сказал Рирдон, – определенное число хороших ученых было потеряно за последние два года, не только из вашего института, но и некоторых других. Это число гораздо выше числа потерь в естественных условиях от смерти, болезни. Если мы не найдем способ остановить эти болезни, потери превратятся в полк, полк в армию, – он махнул рукой. – И после этого – БУХ!

– Вы уверены, что потери превосходят естественные? – спросил Брансом, вспоминая возражения, которые он высказывал Бергу.

– Мы вполне уверены. Но что плохо, это то, что мы потеряли очень много времени, прежде чем понять, что происходит что-то необычное. Все, с кем это произошло, были ценные люди и все они заслужили доверие. Все они вдруг потеряли интерес к работе, начали действовать совершенно не в духе своего характера и в конце концов пропали для своей страны. С одним это произошло быстрее, чем с другими. Некоторые исчезли, едва успев крикнуть короткое «Прощай!», другие брали отставку уезжали в отпуск и никогда не возвращались. Некоторые из них переходили границу. Мы знаем, что они сейчас делают. Это ни в коей мере не угрожает интересам страны, но мы не можем вернуть их никакими уговорами. Пока они живут так, как хотят, они ничего не предпринимают. Недавно мы выследили троих, которые все еще остались в стране.

– И что произошло?

– Все трое твердо стояли на позиции, что имеют право жить где хотят и выполнять работу, которую хотят. Та работа, которой они занимаются сейчас, немного хуже той, которую они оставили, но они уверяют, что это их больше устраивает и не хотят объяснять причины. По мнению агентов, которые с ними разговаривали, они все чем-то напуганы и совершенно не хотят отвечать ни на какие вопросы.

– Я не осуждаю их, – сказал Брансом. – Мне тоже не нравится, когда за мной идет хвост, куда бы я ни пошел. Я ударил вас по зубам не просто так. Я считал, что пришло время научить вас жить самому, и дать жить другим.

Не обратив внимания на это замечание, Рирдон продолжал:

– После этого они пропали снова и находились уже в другом месте, занятые другой работой. Мы решили не спускать с них глаз, но не беспокоить их больше. Мы встали перед фактом, что мозги перестали работать на эту страну и нам надо найти путь исправить эту ситуацию. Их ложь – это слабость нашей добродетели. Другие режимы заставили бы их говорить.

– Итак, вы наклеили на меня ярлык еще одного мятежника из этого списка? – спросил Брансом, вздохнув от того, что истинная причина его бегства осталась им неизвестной.

– Вас, и еще одного, – сообщил Рирдон, – в тот день, когда мы решили взять вас под наблюдение появился еще один парень, который показывал те же симптомы, что и вы.

– Выяснили, что с ним?

– Нет, но думаю, выясним, – продолжал Рирдон. – Вам, конечно, не известно, но мы разослали своих людей по всем научным центрам, которые занимаются оружием. Эти люди собирают информацию о всех, кто вдруг резко бросил работу, кто начал показывать признаки надлома или просто начал странно вести себя. Таким образом мы вышли и на вас.

– Кто навел вас на меня?

– Не будем об этом, – безразлично заметил Рирдон, – это был некто, кто считал, что на данный момент несколько не в себе.

– Могу поспорить, что Каин, – прошипел Брансом, – он всегда считал себя психологом-любителем.

– Я не играю в отгадки, так что не надо меня провоцировать.

– Хорошо. Я понимаю это правило.

– Итак, я продолжаю. Я рассмотрел Все свидетельства о вашем поведении, следовал за вами повсюду, и пришел к выводу, что вы очень нервничаете и готовы бросить все и пуститься в бег. А ведь на такой шаг должно толкнуть что-то серьезное. Бросить хорошую работу, обжитой дом, все, и мы должны знать, что заставило вас сделать это. Если мы поймем причины, мы сможем остановить это.

– Ну, в моем случае вам придется долго искать, того, чего нет, – заявил Брансом.

– Я не верю вам. Знаете о чем я подумал? Я думаю, что вы узнали о какой-то угрозе для вас или вашей жены или детей.

Брансом ничего не ответил.

– Нет такой угрозы, которую мы не смогли бы отвести, – сообщил Рирдон. – Мы можем встретить эту угрозу и отвести ее, но для этого нам надо знать, что это за угроза, иначе мы будем тыкаться в слепую, – Рирдон вперся глазами в Брансома. – Если кто-то угрожает вам, скажите, как и кто. Я могу поклясться своей жизнью, что мы сумеем с ним справиться.

Ха, это смешно! Правительство собирается защитить преступника, которого само же и собирается казнить, если узнает правду.

Рирдон говорит о врагах на другом конце планеты, когда истинная угроза лежит в законе этой страны, вооруженном электрическим стулом и газовой камерой.

Вмешательство военной разведки теперь было понятно. Она работала с полицией рука об руку, не зная об этом. Первые подозревают, что его принуждают отказаться от своего долга, вторые не могут найти ниточку, которая приведет к убийце. Это несколько опечалило Брансома. Разведка смотрит на него, как на перспективного дезертира. Зато радуется, что полиция остается на месте.

– Я прав? – настаивал Рирдон. – Чья-то жизнь под угрозой?

– Нет!

– Лжете!

– Рассматривайте это как хотите, – устало сказал Брансом.

Рирдон отвернулся к окну и начал вглядываться в пейзаж, мелькающий за окном. Несколько минут он сидел молча, погруженный в свои думы. Вдруг он резко повернулся и спросил:

– Каким образом здесь замешан Бельстон?

Брансом вздрогнул и побледнел. Это было как удар в солнечное сплетение.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы все еще продолжаете врать, но вас выдает ваше лицо. Бельстон имеет большое значение для вас, это что-то черное отталкивающее, и в то же время он тянет вас, потому что вы хотите что-то выяснить.

– Если вы знаете так много, то должны знать и что это такое.

– Не знаю. И думаю, что и вы не найдете то, что ищете, – Рирдон сжал кулаки и внимательно начал рассматривать костяшки пальцев. – Я догадываюсь, почему ваши поиски безуспешны.

– Ну давайте, если это вас развлекает.

– Вы хотите наладить контакт с кем-то, кто вам неизвестен и все это по его инициативе. Но испортил вам всю игру. Они видели, что за вами следят и мое лицо им не понравилось. Вот поэтому они и не вышли на контакт с вами, как было оговорено. А может, они и не дали вам того, что обещали.

– Они?

– Противники. Не притворяйтесь. Вы прекрасно понимаете о ком я говорю.

– Да вы просто здоровенная пчела в улье. Вы не хотите никого слушать, кроме своего жужжания.

– Слушайте Брансом, я информирован лучше, чем вы думаете. Вы бродили по Бельстону, как потерянная душа по аду, ища что-то, что вы не смогли найти, или ожидая чего-то, что не случилось. Прекрасное занятие для проведения отпуска, не так ли?

Брансом продолжал молчать.

– Вы разговаривали со многими людьми в Бельстоне и Хенбери. Мы проверили их всех, никаких намеков на зарубежную связь. Это тоже не привело нас никуда. Все они были чисты как новорожденные щенки. Вы или кто-то еще поняли, что за вами следят и стали слишком осторожны, чтобы дать нам в руки хотя бы намек.

– Мне нужна рыжая педикюрша, а таких в мире не много.

– Понятно, понятно, – сказал Рирдон обиженно.

– А теперь я скажу вам кое-что, – сказал Брансом, наклонившись вперед. – Самое трудное найти то, что никогда не существовало.

– То, что вы искали, существовало или существует. Человек вашего склада ума не будет просто так искать вчерашний день.

– Я уже говорил вам, что все это чушь!

– Да вы такой же как все эти трое, о которых я уже упоминал. Говорить не хотите. А на вопросы даете бессмысленные ответы. Теперь вам остается сообщить мне, что нет закона, который запрещал бы людям делать то, что они находят для себя подходящим.

– То, что они делают, может быть вполне невинным, – заметил Брансом.

– Про вас это трудно сказать, – отрезал Рирдон. – Хендерсон, по крайней мере, заимел промтоварный магазин. И как мог объяснить свои причины на это. Мне это нравится. Я хочу работать сам на себя. Я очень доволен этим, я устал от режима, я хочу делать то, что мне хочется и быть независимым.

– Вполне обоснованные причины, сказал бы я.

– Я вас не спрашиваю, – отрезал Рирдон, – эти причины ложны и мы это знаем. Мы нашли Хендерсона в Колумете. Мы задали ему несколько вопросов. Через месяц он продал свое дело и смылся. Двумя неделями позже мы нашли его торгующим в Лейксаде. Таким образом, мы стали следить за ним с безопасного расстояния. У него, видимо, есть основательные причины избегать официального внимания. То же самое с вами.

Брансом изобразил полную скуку и уставился в окно.

– Вас приперло и вы поехали в Бельстон искать выход. Я не знаю в каком виде должен быть этот выход, но вы его не нашли. И вы поняли, куда это вас отбросило. Вы все также приперты к стене. Вы это поняли и носились по Бельстону как крыса в клетке, но ничего хорошего этим не добились.

– Замолчите, – попытался остановить его Брансом.

– Черт за вашей спиной не слез с нее и в Бельстоне, как вы на это надеялись. Он крепко вцепился в вас и все еще скачет вместе с вами. И он так и будет скакать на вашей спине, пока вы не услышите голос разума и не позволите кому-нибудь, кто это может, стянуть его с вашей спины. Все, что вам надо сделать – это открыть рот и сообщить, кто этот черт.

– Извините, – сказал Брансом, – я ненадолго отлучусь.

Он вышел из купе прежде, чем Рирдон растерявшись от неожиданности, сообразил, что ему делать в данной ситуации. Предлог, под которым он мог бы сопровождать его или остановить, было не просто придумать за долю секунды – Брансом еще не был под арестом и не был ни в чем обвинен. На данный момент он был свободен и имел статус обычного

пассажира.

Торопливо проходя по коридору, Брансом краем глаза заметил, что Рирдон встал, но сделал это медленно, очевидно, причиной медлительности было то, что он еще не как не сообразил, что делать. Брансом ускорил шаг, подошел к туалету, захлопнул за собой дверь и открыл окно. Он посмотрел в открытое окно, затем залез на раму и начал вылезать в него. Несколько секунд он стоял на раме окна, уцепившись пальцами за крышу вагона, его тело трепали порывы ветра, несущегося навстречу. Потом он оттолкнулся.

7

Он тяжело ударился о покрытый травой откос и покатился вниз. И хотя он приземлился на ноги, скорость поезда и наклон откоса заставили его лететь по диагонали, постоянно перевертываясь и изо всех сил стараясь сгруппироваться и принять форму мяча. Ему показалось, что откос тянется больше мили и он уже думал, что ему никогда не достигнуть дна. Но вот, наконец, он ударился о дно канавы, запыхавшийся и грязный, с забитым пылью носом.

Какое-то время он лежал тяжело дыша и прислушиваясь к замирающему грохоту удаляющегося поезда. Поезд не показывал никаких признаков близкой остановки, он с той скоростью продолжал удаляться и с каждой секундой уносил от него проклятого Рирдона.

Рирдон покроет уже миль десять или двадцать, прежде чем поймет, что Брансома там уже нет и начнет действовать.

А может этот проникательный агент предвидел прыжок Брансома и сам тоже прыгнул с поезда. Брансом так резко и настороженно вскочил на дне канавы, даже не подумав, что его может остановить резкая боль от какой-нибудь сломанной кости. Он осмотрел себя. Пострадала только одежда. Да, такой побег редко бывает даже в кино.

Эта последняя мысль вдруг вернулась к нему, как бы стараясь себя подчеркнуть, такой побег редко бывает даже в кино. От этой мысли он чуть было не выскочил из канавы. Кино? КИНО?

Странно, что случайное упоминание о такой вещи, как кино, так на него подействовало. Когда-то он думал о кино также, как многие думают о собаках, французских булочках и прочих обычных предметах обихода, рассматривая их как неотъемлемую часть цивилизации. Но теперь это было совсем по-другому и без всяких видимых причин. Теперь он думал о кино с каким-то чувством, которое нельзя было назвать ужасом или страхом, а каким-то новым чувством, которое он затрудняется определить. Ближайшее, что он мог придумать для этого чувства, это то, что в понятие кино им вкладывается какое-то несоответствие или же нарушение какого-то закона и это трогало его персонально.

Может быть, Рирдон и был прав, когда говорил, что Брансом не в своем уме или на пути к этому. Возможно, когда его состояние ухудшится, он будет реагировать на праздные мысли вытаращив глаза не раз в две недели, а каждый час. И тогда он будет жить в аду иллюзий, из-за решетки которых он будет изредка в моменты прозрения видеть плачущую Дороти.

Выбравшись из канавы, он поднялся на железнодорожное полотно и посмотрел вдаль него. Поезд скрылся из глаз, а запыленного, поцарапанного Рирдона нигде не было видно, что доказывало отсутствие нежелательной компании. Удовлетворенный этим, он осмотрел себя и пришел к выводу, что как бы не выглядел, он страдает от чего угодно, но только не от безумия. Он попробовал совладать со своими чувствами и вполне убедился, что он еще не свихнулся, он просто был человеком, перегруженным тревогами, от которых ему надо было избавиться любым способом, который он сможет придумать.

Бредя в обратном направлении по полотну, он дошел до железнодорожного моста через грязную дорогу. Он сошел с насыпи и вышел на нее. В какую сторону направиться для скорейшего достижения цели, об этом можно было лишь догадываться, а времени ждать какого-нибудь редкого прохожего у него не было. Можно было спорить уже на что угодно,

что Рирдон уже водит пальцем по карте ища возможное местопребывание его, Брансома.

Итак он повернул налево и полупобежал-полупошел по узкой проселочной дороге с глубокими колеями. Здесь, через две мили, он вышел на более широкую комфортабельную дорогу, где через десять минут его подобрал грузовик, груженный овощами. Не расспрашивая его, кто он и откуда, шофер подвез его двадцать миль до ближайшего города и там высадил, попрощавшись коротким кивком.

Это место скоро для него будет очень опасным и болтаться здесь для него просто непозволительно. Он сел на ближайший автобус, благодаря бога за то, что хоть он и оставил чемодан в поезде, но бумажник и деньги были все еще при нем.

Он проехал около шестидесяти миль и приехал в довольно большой город. Представляя, в каком он виде, Брансом задержался в городе как раз на то время, чтобы помыться, побриться и причесаться. После этого он поел и несколько восстановил силы. Из ресторана он пошел на автобусную станцию, по дороге пройдя мимо двух полицейских. Оба скучали на углах и ни один из не обратил внимания на Брансома. Очевидно, тревога еще не дошла сюда, но это может случиться в любое время.

От станции вскоре отходил автобус, который ехал в город, расположенный примерно в семидесяти милях на восток. Он сел на этот автобус и без всяких приключений добрался до него. Там он слился с толпой и стал незаметным. Теперь он сделал прыжок ближе к дому. Дом! Он обнаружил, что до боли хочет услышать какой-нибудь голос, который напомнил бы ему о доме. Он знал, что его домашний телефон, возможно, прослушивают, и все разговоры записываются на магнитофон, а подозрительные звонки тут же отслеживают. Звонок Дороти может подсказать официальным агентам, где его можно найти. Это был риск, на который он согласен был пойти, учитывая ту моральную поддержку, которую он даст своему духу. Кроме того, обыскать этот город будет много труднее, чем такие местечки, как Бельстон и Хенбери. Если он наберется смелости, то сможет быть здесь около месяца, несмотря на то, что каждый полицейский будет искать его.

Ряд телефонных будок стоял в помещении центральной почты. Он выбрал одну из средних и набрал свой домашний номер. Ответила Дороти.

Изо всех сил он постарался, чтобы его голос звучал бодро и весело, когда он приветствовал ее:

– Привет, крошка. Это твой сбежавший любовник.

– Рич, – воскликнула она, – я ждала твоего звонка вчера вечером.

– Я собирался это сделать, но у меня никак не получалось. Тут один зануда полностью монополизировал меня. Я решил отложить это дело на сегодня. Лучше поздно, чем никогда, правда?

– Конечно! Как у тебя дела? Ты чувствуешь себя лучше?

– На пять, – соврал он. – А как дела у вас?

– Все хорошо, правда, были два странных события.

– Что случилось?

– На следующий день, как ты уехал, кто-то звонил, якобы из института и спрашивал куда ты уехал.

– И что ты сказала ему?

– Такой вопрос показался мне очень странным, зная что ты уехал в командировку. А ты сам говорил быть очень аккуратной в разговорах о твоей работе. Ну, я и сказала этому типу, чтобы он поинтересовался в твоём отделе.

– И что он ответил?

– Не думаю, что это понравилось ему, – ответила Дороти, в ее голосе послышались нотки беспокойства. – Он повесил трубку, по-моему очень раздраженный. И надеюсь, что я не отшила кого-нибудь из начальства.

– Ты поступила совершенно верно, – успокоил ее Брансом.

– Но это не все, – продолжала она. – Через пару часов после этого звонка к нам пришли двое мужчин и сказали, что они из охраны института, они даже показали документы,

удостоверяющие это. Один был высокий худой парень с глазами бусинками, другой коренастый, с сильно развитой мускулатурой. Они сказали, что мне нечего беспокоиться, что они делают обычную проверку. Затем они спросили меня, сказал ли ты куда едешь и если да, то что ты еще говорил об этом. Ну, я им сказала, что ты поехал в Бельстон, но ничего не сказала, зачем ты туда поехал, да и знать не хочу. Они сказали, что этого им вполне достаточно, поболтали немного и уехали. Они были вполне приятными парнями.

– Что-нибудь еще?

– Да. На следующее утро здоровенный мужчина пришел к нам и спросил тебя. Но у меня было такое чувство, что он прекрасно знает, что тебя нет. Я сказала, что ненадолго уехал. Он спросил куда и насколько. Он не назвал своего имени, ни зачем ты нужен ему и мне не понравилась его настырность. Я направила его в институт. Мне показалось, что он не собирается обращаться туда. Правда, я не могу сказать почему я так решила. Во всяком случае, я от него отделалась.

– Возможно, это был тот же человек, который звонил перед этим? – предположил Брансом, пытаясь переварить все это.

– Не думаю. Его голос звучал совсем по-другому.

– А как он выглядел?

Будучи очень наблюдательной от природы, она сумела обрисовать посетителя до мельчайших подробностей. Полученный портрет очень напоминал человека, который следил за ним, несколько раз провожая его до дома. По крайней мере, он не мог припомнить больше никого, кто подошел бы под описание, которое дала Дороти.

– А он не сказал, зачем я ему нужен?

– Нет, Рич, он больше ничего не сказал, – ответила Дороти, потом задумалась и добавила. – Может, это просто мои глупости, но мне показалось, что он вообще не хочет тебя видеть. Он, по-моему, просто хотел убедиться, что тебя здесь нет и что ты действительно уехал. У меня сложилось твердое мнение, что он ожидал, что откажусь сказать ему что либо большее и поэтому не удивился, когда я так и сделала.

– Возможно.

– Но, надо отдать ему должное, он был чрезвычайно вежлив. Он был так вежлив, как бываю вежливы только иностранцы.

– Да? – Брансом наострил уши. – Ты думаешь, он иностранец?

– Я уверена в этом. В его манерах было что-то излишнее. Он говорил довольно свободно, но в его речи слышались какие-то гортанные звуки.

– Ты позвонила в институт тем двоим и сказала им об этом?

– Нет, не звонила. А что, надо было? Мне не показалось, что в этом было что-то такое, о чем стоило сообщить.

– Ладно, оставим это. Не так уж это и важно.

Он поболтал с ней еще немного, спросил как ведут себя дети, немного пошутил, предупредил, что его возвращение задерживается еще на несколько дней. Окончив разговор, он поспешил покинуть будку, чувствуя, что разговор продолжался опасно долго. Он быстро перешел улицу, все еще переваривая те слова, которые почерпнул из разговора с Дороти и пытаясь понять, что все это значит.

Если последний посетитель был тем, кого он подозревал, и если Дороти не ошиблась в своем предположении об иностранце, тогда его начальное предположение должно быть в корне неверным. Тогда этот парень не был ни переодетым полицейским, ни каким-нибудь официальным агентом. Он следил за ним, это факт, но делал это не по поручению официальных властей.

Итак, сначала кто-то позвонил, уверяя что звонит из института, но его интерес не удовлетворили. Затем к ним зашел Рирдон со своим коллегой, причем Рирдон не последовал за ним сразу на станции, а по каким-то причинам задержался. Возможно, он хотел доложить об этом, возможно, они хотели все это обсудить или просто проверить все это у Дороти, прежде чем пуститься в преследование.

А потом пришел этот иностранец. Единственным объяснением было то, что две совершенно разные группы заинтересованы в его передвижении.

Но ни одна из этих групп не принадлежала полиции.

И в тоже время только полиция имела основания интересоваться его действиями и следить за ним. Чем больше он об этом думал, тем более бессмысленным все это казалось. Во всей этой бессмыслице должен быть какой-то смысл. Должно быть где-то решение для всех этих проблем, но вот может ли он найти его?

Брансом провел ночь в маленьком меблированном домике на окраине. Местечко было грязное, немногим лучше, чем крысиная нора, но хозяйка, некрасивая женщина с мрачным лицом, не задавала никаких вопросов и производила впечатление, что без надобности лишнего не сболтнет, а будет заниматься своими делами. Это ее добродетель привлекала к ней, как подозревал Брансом, людей, которым надо было получить более, чем спокойное убежище. Он нашел это место, поговорив на углу с мальчиком-разносчиком газет.

К десяти часам Брансом был опять в центре города. Он нашел библиотеку, спросил там национальный справочник и уселся с ним читальном зале. В справочнике оказалось множество различных «лейков»: Лейктизесов, Лейкехестов и Лейксадов. Только последние заинтересовали его и он начал читать подробности. В первом население составляло около четырехсот человек, а во втором вообще тридцать два. И хотя он ничего не знал о торговле промышленными товарами, он сообразил, что ни в одном из этих мест не смысла торговать. А вот последние два Лейксада были многообещающими. Оба были населением около двух тысяч.

Немного подумав, он пришел к выводу, что сидя здесь, он не сможет определить, какой из двух ему нужен, даже если он сейчас начнет звонить туда. Ему надо попробовать поехать в один из них наугад, а если потребуется, то оттуда уже поехать второй. Из экономических соображений стоило выбрать ближайший. Путешествовать дальше, чем надо, было бы пустой тратой времени и денег.

Он отправился на главный вокзал и пока брал в кассе билет и шел к вокзалу, постоянно следил, не идет ли кто-нибудь за ним. Вокзалы и автобусные станции были узловыми местами для передвижения по стране и, что они же являются и центром наблюдения для агентов и прочих официальных лиц, занимающихся слежкой. Это были как оазисы в пустыне. Эти места были местами встречи как охотников, так и дичи. Поэтому он был начеку, пока не сел в поезд. В поезде он понял, что повышенного интереса к его личности никто не проявляет.

Путешествие заняло у него добрую часть времени всего дня, к тому же ему пришлось два раза пересаживаться. Ранним вечером он сошел с поезда и оказался в маленьком городке, затерянном в лесистой местности. С южной стороны города блестело озеро, которое разделяло город. Брансом зашел в кафе, съел несколько сэндвичей и выпил кофе, а потом спросил у хозяина:

– Вы не подскажите, где здесь ближайший магазин?

– Пройдите квартал вверх и окажитесь рядом с ним, – ответил владелец.

– У этого магазина недавно сменился хозяин, не так ли?

– Вот уж не знаю.

– Спасибо, – ответил Брансом и подумал, что в таком маленьком городе каждый должен знать все о каждом.

Выйдя из кафе на улицу, он понял, что не может определить в какую сторону будет вверх, а в какую вниз. Ни в одну сторону не было уклона. «Ну хорошо» – безразлично подумал Брансом и повернул направо и прошел один квартал, повернул за угол и понял, что выбрал правильное направление. Он оказался перед маленьким промтоварным магазином. Брансом толкнул в дверь и вошел в него.

В магазине было всего два покупателя, один покупал моток проволоки для забора, другой изучал сорта масла. Первого обслуживал молодой человек, довольно долговязый с прической, напоминающей гнездо. Рядом со вторым стоял мужчина в очках с толстыми

стеклами. Когда Брансом вошел, этот мужчина взглянул на него, по его лицу проскользнула тень удивления, но он тут же отвернулся, вернувшись к обслуживанию покупателя. Брансом вошел, сел на ящик с гвоздями и стал ждать пока покупатель закончит свои покупки и удалится. Когда покупатель вышел, Брансом сказал:

– Привет, Хенни.

Без всякого восторга Хендерсон ответил:

– Что вы желаете?

– Вот это я и называю сердечным приемом, – ответил Брансом. – Разве ты не рад видеть своего старого коллегу?

– Я думал, что я тебя знаю только в лицо и по имени. То, что ты мой приятель – для меня новость.

– Знать в лицо и по имени достаточно, чтобы начать долгую и крепкую дружбу, не так ли?

– Ты ведь проделал весь этот путь не для того, чтобы поцеловать меня, – возразил Хендерсон очень недовольным голосом. – Так что давай отбросим всю чушь. Что ты хочешь от меня?

– Поговорить с глазу на глаз.

– Кто тебя послал?

– Никто! Ни одна живая душа не посылала меня сюда. Я приехал полностью по своему желанию.

– Я не могу поверить в это, – возразил Хендерсон, не скрывая раздражения. – Ты хочешь сказать, что увидел мой адрес в кофейной гуще?

– Нет.

– Тогда откуда ты взял его?

– Я смогу тебе все объяснить и ты будешь полностью удовлетворен, но я хотел бы сделать это в более спокойной и приятной обстановке, – он поднял руку и остановил Хендерсона, который хотел перебить его, и добавил. – Это не подходящее место для того, чтобы препираться. Как ты насчет того, чтобы я зашел к тебе, когда ты закроешь магазин?

Хендерсон нахмурился и очень недовольно, но согласился.

– Хорошо! Приходи в восемь часов. Позвони в боковую дверь.

– Договорились.

Брансом вышел как раз, когда в магазин входил новый покупатель. Уже снаружи он вспомнил, что Рирдон упомянул, что за домом Хендерсона ведется тайное наблюдение, такое наблюдение отмечает каждого, кто приходит сюда и наверняка быстро может определить человека, которого ищут. Он внимательно оглядел улицу в надежде определить соглядата, но тот был или очень профессионален, или у него был выходной. Насколько он мог определить, никто не вел пристального наблюдения за этим местом.

Как провести время до встречи с Хендерсоном было тоже проблемой. Было тоже проблемой. Болтаться взад и вперед по главной улице два часа – это несомненно привлечет к нему внимание, а этого он хотел меньше всего. Он решил эту проблему, спустившись к озеру и начав прогуливаться по берегу, изображая праздного туриста. Когда ему это наскучило, он вернулся в город, но ему еще надо было деть куда-то полчаса. Он решил подкрепиться в кафе, где уже был.

– Кофе с молоком и сэндвич с ветчиной.

Хозяин подошел и бесцеремонно поставил заказ на стол:

– Шестьдесят центов.

Потом он бросил счет на прилавок и принялся наводить порядок на задних полках.

Ровно в восемь Брансом звонил в боковую дверь магазина. Хендерсон открыл сразу, провел его в гостиную и указал на мягкий стул. С непроницаемым лицом он устало сел напротив, закурил сигарету и заговорил первым:

– Я хочу предупредить тебя, Брансом, что эту музыку я слышал уже раньше. Ее исполняли раза два или три и все для моей пользы. – Он выпустил в воздух струйку дыма и

задумчиво посмотрел как она растворяется в воздухе. – Твоя работа на оборону приносит тебе очень круглую сумму. Разве этот затхлый магазинчик приносит тебе столько? Как можно сравнивать такую торговлю с научными исследованиями? На переднем крае науки? В чем действительные причины того, что вы поменяли свою научную карьеру на заштатный магазинчик? – Он немного помолчал, потом спросил. – Правильно?

– Нет, – ответил Брансом. – Мне все равно, содержи хоть бордель.

– Приятная перемена, – цинично усмехнулся Хендерсон. – Итак, они решили взять меня под другим углом атаки, а?

– Я приехал сюда не для того, чтобы взять тебя.

– Тогда зачем?

– У меня достаточно своих неприятностей! И я думаю, что ты можешь мне здорово помочь.

– Это почему я...

– И, – оборвал его Брансом, – у меня такое чувство, что я тоже могу оказать тебе большую помощь.

– Не нужна мне никакая помощь, – заверил его Хендерсон, – все что я хочу – это спокойной жизни в полном покое.

– Того же хочу и я, но у меня не получается, – он сделал жест пальцем, подчеркивая свои слова, – не получается она и у тебя.

– Это мне решать.

– Я не собираюсь обсуждать твои права на такой случай. Все, что я хочу сказать – это то, что я не могу получить душевного покоя, как хотел и как это должно бы быть. И я не верю, что ты тоже обрел его. Но я думаю, что подумав над этим вместе, мы можем найти решение этой проблемы. Хочешь услышать, что произошло со мной?

– Можешь рассказывать все, что хочешь, раз уж ты здесь, но не начинай этой старой песни: «Вернись, я все прощу». Я уже научился сопротивляться этим разговорам и продолжать делать все, что мне заблагорассудится.

– Ты все еще подозреваешь меня, – сказал Брансом, – Ноя тебя за это ни капельки не осуждаю. Когда ты услышишь мою историю, ты, возможно, изменишь свое мнение. А теперь, слушай, что я тебе расскажу.

Он начал так:

– Хенни, мы оба с тобой ученые, ты в одной области, я – в другой. И мы оба знаем, что главной чертой любого ученого или просто хорошего инженера является память. Без нее мы оба не смогли бы получить нужного образования с самого начала. Без нее мы не смогли бы делать выводы из данных, полученных опытным путем и решать научные проблемы. Для нас слишком необходимое условие – хорошая память. Ты согласен с этим?

– Это слишком очевидно, чтобы упоминать об этом, – заметил Хендерсон невозмутимо. – Надеюсь, что ты перейдешь к чему-нибудь более интересному, чем обычная лекция.

– Не сомневайся. Потерпи немного. Продолжаю: моя память всегда была прекрасной, если бы это было не так, я бы не смог стать ведущим специалистом в моей области. Я привык использовать ее полностью и привык полагаться на нее. Не сомневаюсь, что все это можно отнести и к тебе.

– Несомненно, – согласился Хендерсон, изображая на лице явную скуку.

– А теперь я скажу тебе больше – я убийца. Я убил девушку двадцать лет назад и тщательно убрал это из моей памяти. Я полностью убрал это из моей головы, так как не хотел чтобы это тревожило меня. А недавно я услышал, что это стало известно. Это значит, что полиция начала расследование по этому делу. И если они не узнали пока обо мне, то скоро узнают. Я в бегах, Хенни, потому что не хочу быть пойманным. Я не хочу, чтобы меня казнили в худшем случае или приговорили к пожизненному заключению в лучшем.

Хендерсон с изумлением уставился на него:

– Ты хочешь мне сказать, что ты действительно настоящий убийца?

– Так меня уверяет моя роскошная память, – Брансом подождал пока его собеседник переварит эти слова, потом резко вскочил и закончил. – Но моя память врет бессовестным образом.

Наполовину выкуренная сигареты выпала из рук Хендерсона. Он наклонился и поднял ее с кровати. Он уже собирался сунуть ее в рот горящим концом, когда заметил это, перевернул и глубоко затянулся. Но дым попал не в то горло и Хендерсон закашлялся. Наконец он смог говорить:

– Давай поставим точки над "i", Брансом. Ты виновен или нет в этом убийстве?

– Моя память уверяет, что да. Она мне описывает это в мельчайших подробностях. Я как сейчас вижу рассерженное лицо этой девушки, когда мы орем друг на друга. Я прекрасно помню как она меняла цвет лица, пока лежала у моих ног и умирала. Я помню ее безразличное мертвое лицо, когда в моей голове все это прокручивалось. Я прекрасно все это помню. Это как фотография, как будто все произошло неделю или две назад. И у меня родилась теория, что это живо в моей памяти так потому, что это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** случилось неделю или две назад.

– Что ты мелешь? Ты только что сказал, что ты сделал это двадцать лет тому назад.

– Это говорит моя память. Моя память, повторяю, умелый и умный лжец.

– Откуда ты знаешь это?

– Факты противоречат ей. Или точнее отсутствие фактов. Они хором утверждают, что я никогда не совершал этого преступления.

– Какие факты, – спросил Хендерсон, безуспешно стараясь скрыть свой интерес.

– Я набрался смелости и сбежал. Я был перепуган, и, очевидно, был в полной уверенности, что движущуюся цель труднее поразить. Я мог бежать куда угодно, но я сделал то, что любят приписывать преступникам и что они делают в настоящей жизни исключительно редко. Я побежал на место преступления.

– А, – сказал Хендерсон, наклонился к собеседнику в полном внимании и затушил сигарету. – И что тогда?

– Я не нашел никаких доказательств.

– Никаких?!

– Абсолютно никаких. Я убил эту девушку в пригороде маленького городка под названием Бельстон. Знаешь такой?

– Нет.

Брансома, казалось, не совсем удовлетворил такой ответ, но он продолжал:

– Я приехал в Бельстон и разговаривал с жителями, которые провели там всю свою жизнь. Они ничего не слышали о недавно открытом убийстве. Я обошел все окрестности, стараясь найти то место, но и этого я тоже не нашел, не нашел даже ничего похожего. Я просмотрел подшивки всех старых газет, я просмотрел из за целый год и там я не нашел никакого намека на недавно открытое преступление.

– Может быть, ты поехал не в тот Бельстон? – спросил Хендерсон.

– Я тоже подумал об этом и проверил по национальному справочнику. Но там есть только один Бельстон.

– Ну хорошо, может быть, ты перепутал название. Может быть, это было место с другим, похожим названием.

– Моя память говорит, что это был Бельстон и ничто другое.

Хендерсон немного подумал, потом предположил:

– Послушав тебя, можно подумать, что твоя память играет с тобой страшные игры.

– Чертовски верно, – согласился Брансом со странной интонацией. – А твоя?

Резко вскочив на ноги, Хендерсон спросил:

– Что ты имеешь в виду, говоря «А твоя?»

– Ты помнишь девушку по имени Элайн Лафарк?

– Никогда не слышал о ней и это истинная правда, Брансом, – Хендерсон начал рассказывать взад и вперед по комнате, держа руки за спиной, лицо сосредоточенно. Он весь

был как-то напряжен. – Это та женщина, которую ты убил?

– Да.

– Тогда почему я должен знать ее?

– Я надеялся, что ты убил ее тоже, – сказал Брансом спокойно. – Это открыло бы нам обеим глаза на происходящее. Мы бы тогда смогли вместе разобраться как мы дошли до этого и как нам вместе лучше с этим справиться, – он внимательно наблюдал как Хендерсон мечется взад и вперед по комнате, как загнанный зверь.

Наступила долгая напряженная тишина и тут Брансом спросил:

– А кого убил ты, Хенни?

– Ты с ума сошел? – спросил Хендерсон, резко остановившись.

– Вполне возможно, но если я сошел с ума, то это произошло далеко не со мной одним. Многие покинули институт за последнее время при загадочных обстоятельствах. У меня данные из достоверного источника, что другие институты тоже теряют персонал. И никто не может сказать почему это происходит. Я сам не мог понять всего этого. Но теперь знаю, что заставило меня изображать напуганного кролика. Каждый человек знает свои собственные причины пуститься в бега, но мало кто знает причины, которые заставили пуститься в бега другого человека. Некоторые даже не догадываются, что есть и другие жертвы.

– Я знал, – тихо сказал Хендерсон, ковыряя носком ботинка ковер. – Я был еще там, когда некоторые из них бежали.

– Не обращая внимания на его слова, Брансом продолжал:

– Я многое проверил, Бог знает почему. Возможно у меня просто более подозрительная натура, чем у других. А может быть, эта идея взяла меня и не так крепко, как других. У меня не было той норы, в которой я мог бы свернуться калачиком и отсидеться, и я не знал, что мне еще делать, вообще какими бы ни были причины, но я поехал в Бельстон. Я проверил все, что мог и обнаружил, что я считаю себя виновным в преступлении, которое никогда не совершалось.

– Для чего ты все это мне рассказываешь?

Когда Брансом отвечал, он внимательно следил за выражением лица собеседника.

– Если все исчезнувшие бросились в бега по таким причинам, как и я, то неплохо было бы им вернуться на место преступления и поискать доказательства. Могу поклясться, что это было бы очень результативно. То, что они найдут там, точнее не найдут, подействует на них так, что у них волосы встанут дыбом. И это поможет им докопаться до самой сути, если, конечно, они сумеют объединить свои усилия и все сопоставить.

– Поэтому ты и приехал ко мне? – спросил Хендерсон.

– Да.

– Ты сумел найти еще кого-нибудь?

– Нет. Они исчезли в никуда. Я нашел только тебя по счастливой случайности. Я думаю, что это была такая счастливая случайность, что было бы обидно упускать ее. Но это мне ничего не даст, если мы не будем откровенны оба.

– Этот шаг сделал ты, не я.

– Я знаю. Я рассказал тебе о своих причинах. Я также могу дать тебе прекрасный совет, если на твоей совести что-нибудь висит, то лучше проверь-ка это со всей тщательностью. Я могу ставить десять к одному, что никак ты не сумеешь доказать этого. Хотя твоя память и сознание будут утверждать тебе обратное.

– Я не считаю твою проверку убедительной, – возразил Хендерсон. – На твой взгляд она была убедительной, но если бы я был в твоей шкуре, я бы сделал следующее. В конце концов, ты ищешь доказательства, что ты свихнулся, потому что свихнувшимся может быть приятнее, чем виновным. Для меня надо несколько больше, чем доказать такими пустяками, что голова у меня поехала в сторону.

– Не могу не согласиться с тобой, – заявил Брансом. – Завтра я собираюсь окончательно решить эту проблему.

– И как же?

– Я переложу решение на плечи полиции.

– Ты пойдешь сдаваться?

– Ни за что на свете! Я признаюсь виновным только когда мне докажут это, но не раньше. Нет, не сдаваться, – он улыбнулся Хендерсону и продолжил. – Я собираюсь позвонить в полицию по междугородному телефону и выслушать их. Если они не проявят интереса и будут безразличны ко мне так же как и остальные люди, то все полностью подтвердится и встанет на свои места. Я тогда буду полностью удовлетворен и как ты и предположил я просто свихнулся.

– А потом?

– Я постараюсь понять, что послужило причиной для того, чтобы я сошел с ума. Если будет возможно, то я постараюсь что-нибудь сделать с этим. У меня совершенно нет желания получить новый кошмар в будущем.

– Логично, – согласился Хендерсон, он перестал теребить ногой ковер, сел в кресло и закурил новую сигарету. Но его курение было скорее просто нервной реакцией, чем удовольствием. Он задумчиво рассматривал своего собеседника и наконец сказал. – Ну, давай предположим ради эксперимента, что ты знаешь, где начать искать корни этого.

– Конечно! Там, дома.

– Прямо у себя в доме?

– Нет, я такого не сказал. Дома или в институте, или где-нибудь посередине. В общем, в том районе. Единственный другой источник информации – это Бельстон. Но если полиция ничего не знает...

– Отлично! У тебя есть приблизительная идея, где искать. А что искать?

– Я понятия не имею – на данный момент, – признался Брансом, – но если полиция в Бельстоне оправдывает меня, то я поеду обратно с твердым намерением найти это, если смогу, конечно. Я не профессиональный детектив и мне придется все это делать по наитию и при помощи Бога.

Хендерсон переварил это и задумчиво сказал:

– Хотел бы я, чтобы здесь был Маерсоу.

– Кто это такой?

– Знакомый парень. Он работал в отделе бактериологического оружия. Я слышал кое-какие слухи, которые ходили там. Говорят, что они изобрели какой-то вирус, который делает людей совершенно безумными. Может, этот вирус упустили. Он бы мог нам рассказать об этом.

– Нам? – переспросил Брансом, ухватившись за эти слова.

– Это, конечно, твоя проблема, но мы ее обсуждаем вместе, не так ли? – вывернулся Хендерсон.

– Так. Но это никуда нас не привело. И знаешь почему?

– Почему?

– Я неоднократно поддевал тебя и тебе это не нравилось. Ты слишком уклончив в ответах. С самого начала ты практически не подпускаешь меня к себе ни под каким углом.

– Ну, Брансом, я имею право хранить.

– Ты что-то скрываешь и хочешь оставаться в безопасности до тех пор, пока это не раскроется. Без сомнения ты мне симпатизируешь, надеясь тоже, что вся эта история правда. Но это все, на что ты можешь идти, потому что ты не уверен, что это правда. Это вполне может быть приманкой, на которую тебя хотят поймать. А вот в этом ты не окажешь никакого участия.

– Постой, смотри...

– Слушай меня, – твердо приказал Брансом. – Давай предположим, что ты в таком же положении, как и я, Но в твоем случае галлюцинации прошли намного глубже, и ты не рискнул пойти на место преступления и проверить все это. Ясно, что ты не хочешь создавать себе неприятности, сознавшись в преступлении и назвав имя жертвы. С твоей стороны это будет достаточным доказательством вины.

– Но...

– Однако предположим, что ты мне скажешь, что когда-то раньше или позже, ты убил кого-то или сделал что-то в этом роде. Предположим, я сразу побегу с этой информацией в полицию. Знаешь, что сделают они? Они пригласят меня к себе и будут улыбаться до ушей. Они найдут мне кресло и предложат кофе. А вот потом они захотят узнать когда, где и кого и как. И я скажу, что не знаю. Они вырвут из-под меня кресло, отберут кофе и пинком вышвырнуть за дверь. А если они придут к тебе, что ты им скажешь? Ты будешь все отрицать и скажешь им, что я свихнулся. Полиция успокоится на этом и дальше копать не будет. У них и так по горло работы, чтобы еще терять время на сумасшедшие бредни.

Хендерсон потер подбородок и взъерошил волосы. Он выглядел совершенно озадаченным.

– И ты хочешь, чтобы я ответил на этот бред?

– Мне не надо имен, дат и прочих подробностей. Я хочу четкий ответ на прямой вопрос. Скорее даже на два вопроса. Первое – ты твердо уверен, что убил кого-то? Второе – нашел ты или пытался найти какое-то доказательство тому, что ты сделал?

После долгой паузы Хендерсон ответил:

– И да и нет.

8

Брансом встал и сказал:

– Это я и хотел узнать. Очень трудно плыть одному в лодке по океану иллюзий. Намного спокойнее знать, что ты в этой лодке не один. А что чувствуешь ты?

– То же самое.

– Жаль, что мы не можем добраться до других. Вдвоем мы могли бы заставить их говорить. И тогда мы бы все скопом смогли разобраться, что так подействовало на наши мозги.

Он начал оглядываться в поисках пальто и шляпы.

– Ты собираешься уходить? – взволнованно спросил Хендерсон.

– Да, вечеринка окончилась. Надо когда-то и уходить.

– Куда ты пойдешь в такой час?

С удивлением взглянув на часы, Брансом заметил:

– Надо найти место для ночлега. В крайнем случае я могу подремать и в зале ожидания на вокзале.

– Разве ты не на машине?

– Нет, я оставил ее жене.

– Теперь ты не в центре цивилизации, – напомнил Хендерсон, – ты глубоко в лесах. Ближайший поезд уйдет в десять тридцать утра. Почему бы тебе не остаться здесь. У меня есть свободная кровать.

– Очень мило с твоей стороны. А ты уверен, что я не буду тебе в тягость?

– Вовсе нет! Буду очень рад твоей компании. У нас есть что-то общее, пусть даже и умственное расстройство.

– Ты начал говорить правду, – сказал Брансом, снова садясь на стул. – Что ты собираешься с этим делать?

– В плане того, что ты мне сказал, я должен что-то делать. Сейчас я удивляюсь, почему мне первому не пришла идея проверить все сразу, как это сделал ты. Мне бы сразу же надо было бы об этом подумать, но этого, как видишь, не случилось. Единственное, что мне хотелось, это быстрее исчезнуть.

– Единственное подходящее объяснение этому то, что у тебя было куда спрятаться, а у меня такого места не было, – предположил Брансом. – Единственное место, которое пришло мне в голову – это Бельстон. Я поехал туда просто потому, что не мог придумать другого места, а может быть я был на много больше тебя напуган и в страхе не мог придумать ничего

лучшего.

– Сомневаюсь. Я думаю что у тебя в голове осталась маленькая частичка недоверия, она-то и заставила тебя поехать туда. И вообще, люди далеко не одинаковы. Они могут действовать подобно, но никогда одинаково.

– Наверняка.

– Вернемся к моей проблеме, – продолжал Хендерсон. – Мне надо будет все проверить. Я был дурак, что не сделал этого раньше. Значит, старик Элди должен помочь вырваться мне отсюда, если он, конечно, захочет.

– Кто это?

– Старик, который раньше владел этим магазином. Он растратил часть моих денег на отпуск, который не видел в течении нескольких лет. Он вернулся из него несколько дне назад, проводя время настолько хорошо, как только можно провести в семьдесят два года. С этих пор он болтается вокруг, как потерянный ребенок. Не может привыкнуть ничего не делать. Пару раз он намекал, что может помочь мне, если это будет нужно. Этим и можно будет воспользоваться, если мне понадобится время для изучения собственного прошлого. Я слишком зависим сейчас от денег, чтобы пренебрегать бизнесом даже на неделю. Если старик Элди согласится посмотреть за магазином некоторое время, я смогу съездить...

Голос Хендерсона споткнулся, но Брансом его подбодрил:

– Не говори мне. Я и знать не хочу этого.

– В данных обстоятельствах это не играет роли. В конце концов, ты же сказал мне о Бельстоне.

– Да, но я чувствовал себя на много спокойнее, сделав шаг вперед. Я кое-что уже проверил, а ты еще нет. В этом вся разница. Пока ты не убедишься сам, что ты в плену фантазии, ты будешь чувствовать себя спокойнее, зная, что я не могу тебя выдать. И ты не будешь волноваться после моего отъезда, не сказал ли ты слишком много. У тебя и так достаточно беспокойства. Я знаю, у меня у самого достаточно своих.

– Но ты с ними справляешься лучше.

– Есть еще одна вещь, которую я хотел бы узнать, если ты, конечно, не возражаешь.

– Какую?

– Допустим, ты проверишь все и убедишься, что это фантазия. И что тогда? Ты успокоишь свою совесть и будешь торговать и дальше? Или вернешься в институт?

– В институт мне уже не вернуться. Они уже списали меня. По крайней мере, им не нужны типы, которые уходят и возвращаются по своему усмотрению.

– Но ведь они пытались уговорить тебя вернуться обратно.

– Нет. Пара любопытных ищек заглянула ко мне, стараясь выудить у меня причины моего ухода. Это, кажется, все что их интересовало. – Хендерсон глубоко вздохнул. – Я просто выгнал их. Они от меня ничего не добились. Вскоре после этого я переехал сюда и с тех пор они меня не беспокоили. Я решил, что если они меня выследят и явятся сюда, то следующий мое переезд будет за границу.

– Большинство других туда и поехали.

– Я знаю.

– Хотелось бы найти их и поговорить с ними, – сказал Брансом, во второй раз он боролся с желанием сказать Хендерсону, что он уже выслежен и что за ним постоянно наблюдают, но, немного подумав, решил, что это только вызовет ненужное беспокойство и ни к чему не приведет. Он продолжил. – Что бы ты ни делал со своим делом в будущем, я думаю, что мы должны поддерживать контакт друг с другом.

– Я тоже так думаю.

– А как насчет того, что я буду время от времени звонить сюда? Если ты опять переедешь, то сможешь найти способ передать, где тебя искать. Я бы хотел узнать результаты твоей проверки, и думаю, что ты хотел бы узнать результаты моей. Один из нас может наткнуться на что-нибудь, что поможет пролить свет на это дело. Мы, свихнувшиеся, должны держаться вместе, чтобы нас не поймали в капкан.

– Полностью с тобой согласен. Звони мне в любое время. Точно так же я позвоню тебе домой, если у меня будет что тебе сказать, – Хендерсон взглянул на часы. – Не пора ли на покой?

– Я готов, – сказал Брансом, вставая и подавляя зевок. – Завтра у меня по плану полиция. Я свяжусь с ними в Бельстоне, но только смелости у меня не очень-то хватает на это. Хорошо бы ты мне подкинул своей.

– Ты сам прибавил мне смелости, – возразил Хендерсон.

Утром Хендерсон хотел пойти на станцию и проводить Брансома. Но тот наотрез отказался.

– Давай не будем привлекать к себе внимание. Ты оставайся в магазине, а я выйду, изображая случайного покупателя.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Выйдя из магазина, Брансом попытался обнаружить рирдоновского агента. Единственный, кого он мог подозревать – был неряшливо одетый тип, болтавшийся на углу. Когда Брансом проходил мимо него, тот проводил его скучающим взглядом. Пройдя дальше по дороге Брансом оглянулся. Тип так и остался на углу и не делал никаких попыток преследовать его. Или наблюдатель за домом Хендерсона был слишком искусен, либо наблюдение проводилось эпизодически.

В поезде никто подозрительный не присоединился тоже. Путешествие текло с двумя пересадками в тех же местах, что и в первый раз, с получасовым ожиданием поезда в одном месте. Он использовал это время на то, чтобы найти телефон и позвонить в полицейский участок в Хенбери. Когда ему ответили, он попросил к телефону начальника участка. Голос сразу стал заинтересованным и начал официально допытываться зачем ему нужен начальник, но Брансом вел себя твердо и пригрозил повесить трубку, если его желание не удовлетворят. Тогда его тут же соединили.

– Шеф Паскоу, ответил низкий хриплый голос. – С кем я разговариваю?

– Меня зовут Роберт Лафарк, – бойко ответил Брансом. – Около двадцати лет назад моя сестра Элайн поехала в Бельстон и не вернулась. Мы решили, что она сбежала с каким-нибудь мужчиной или что-нибудь подобное. Она, знаете ли, была так импульсивна.

– Ну и что вы хотите от меня?

«Не знает! Не знает!» – закричало у него в голове. Он почувствовал триумф.

– Не так давно мне рассказывал парень из вашего города, – продолжал Брансом, – что, я не знаю, когда точно, вы нашли скелет девушки, спрятанный под деревом. Это было похоже на то, что обнаружилось старое преступление. И начал беспокоиться, что это может быть моя сестра. Я решил поинтересоваться, не установили ли личность убитой.

– Кто это сказал вам? Ваш друг?

– Просто случайный знакомый.

– Вы уверены, что он говорил про Хенбери?

– Нет, он сказал в окрестностях Бельстона. Но ведь это ваш район, не так ли?

– Наш и если бы там случилось что-нибудь подобное, мы бы знали, конечно. Но мы ничего об этом не слышали.

– Вы хотите сказать...

– Мы не находили никаких следов, мистер Лафарк. У вас есть основания подозревать, что ваша сестра встретилась с каким-нибудь преступником?

– Боюсь, что нет. Просто мы много лет ничего не слышали о ней, а эта история навела нас на мысль о ее смерти.

– Тот, кто рассказал вам об этом знал о ней?

– Совершенно ничего.

– И вы ничего ему не говорили?

– Определенно нет.

– Не, тогда он просто демонстрировал свое воображение.

– Возможно и так, – согласился Брансом, чувствуя, что никто не собирался задерживать разговор для того, чтобы узнать откуда он звонит. – Но я не вижу в этом никакого смысла.

Он ничего не выигрывал от того, что рассказывал сказки.

– Он приобретал слушателя, – цинично возразил шеф полиции. – Трепачу всегда нужен слушатель, как наркоману шприц. Даже мы время от времени принимаем их здесь, и они нам признаются в преступлениях, которых никогда и никто не совершал. На мой взгляд, было бы не плохо принять какой-нибудь закон, наказывающий за такие вещи, мы теряем очень много времени на такие выдумки.

– Значит, вы считаете, что нет смысла мне приезжать к вам и посмотреть на все это своими глазами? – спросил Брансом, рассчитывая, что если они хотят поставить на него капкан, то они обязательно попадутся на эту уловку.

– Вам совершенно не на что здесь смотреть, мистер Лафарк.

– Спасибо, – ответил Брансом, чувствуя глубокое облегчение. – Извините, пожалуйста, за беспокойство.

– Не думайте об этом. Вы поступили совершенно верно в данной ситуации. Нам всегда очень помогает население. Но в вашем случае нет никакой почвы под ногами. Это все, что мы можем вам сказать.

Брансом еще раз поблагодарил его и повесил трубку. Он вышел из будки, сел на ближайшую скамейку и начал все обдумывать. Он был обманут. Насколько можно судить о собеседнике по голосу, шеф полиции был искренним и бесхитростным. Он даже не пытался затянуть телефонный разговор, пока его полицейские определяют откуда звонят. Это была стандартная тактика, если бы у них действительно было нераскрытое преступление и им позвонил бы кто-нибудь, кто мог помочь.

Он даже отклонил предложение Брансома сунуть голову в петлю. Все начало проясняться. В Бельстоне не было никакого трупа. Этот труп существовал только в памяти Брансома и в разговоре шоферов из буфета.

Самое простое решение этой проблемы было в том, что шофера говорили о каком-то другом подобном преступлении, а совесть Брансома приняла это на свой счет. Но в этом решении было несколько серьезных дыр. Если это и могло объяснить его паническое поведение, то это не как не объясняло поведение Хендерсона. И это не могло так активизировать Рирдона и того типа, которого Дороти определила как иностранца.

Даже объяснения самого Рирдона вписывались в эту картину. Согласно его утверждению, многие оборонные ученые в стране за последнее время исчезали. Рирдон сам следил за двумя и одним из них был Брансом. Как все это можно было связать с болтливыми шоферами?

Как это Рирдон сказал? Если так будет продолжаться, то наши потери будут составлять скоро целую армию. Это надо остановить. Но остановить ЧТО? ответ: то, что заставляет человека внезапно искать потаенное место. Надо еще и учесть, что все это были ученые, менее всего подходящие под тот тип людей, которые вдруг внезапно сходят с рельсов. Что может вывести из равновесия таких людей?

Он мог придумать только одну вещь.

Страх смерти. Любой смерти, особенно казни.

Когда подошел поезд он выбрал себе уединенное местечко где он спокойно решать свои проблемы. На данный момент он едва ли чувствовал присутствие других пассажиров и уж тем более не интересовался, интересуются ли они им.

Теперь он мог обдумать все более систематично и продуктивно. У него было такое чувство, что чья-то рука забралась к нему в голову и вынула оттуда шар, который слишком долго катался в голове и приводил в беспорядок все мысли. У него еще остались кое-какие неприятные воспоминания, но теперь они уже не внушали леденящий душу страх и не звонили в тревожные колокола. Шеф Паскоу вынул все эти устройства и выбросил на свалку. Впервые за много дней он мог спокойно сесть и подумать о своих делах.

Первое: Элайн, действительная или мнимая, все еще лежит где ее положили и при удачном стечении обстоятельств пролежит там до скончания веков. С его точки зрения это был первый по важности факт. Полиция не ищет его, не подозревает его и совершенно не

интересуется этим эпизодом из его прошлого. Его не ждет камера смертников. Если она и держится наготове, то для кого-то другого, а не для него, Брансома.

Второе: за ним наблюдают две группы, не имеющие отношения к полиции, и делают это по непонятным причинам. Но за этим не стоит высшая мера. Очевидно, они подозревают, что он может что-то сделать, и по их мнению, сделает это обязательно.

Ничего подобного он еще не сделал. В этом он был совершенно уверен. Несомненно, Элайн монополизировала темные участки его мозга, но другой вины у него не было и в этом он был уверен.

Значит речь шла о будущем преступлении, которое он с большой вероятностью мог сделать. Но, по его мнению, он мог сделать только две вещи, которые могли взволновать власти. Он мог перейти на сторону врага или просто дезертировать со своей стороны. Это-то и беспокоило Рирдона и он сказал об этом, не скрывая. Это была не лесть. Просто обе стороны, и своя, и вражеская, рассматривали его как слабину, как сосунку.

Его передернуло от этой мысли. Значит, мнение о нем у других людей было очень низким, если все видели в нем такое слабое звено. Они же не выбирали таких крутых мужиков, как Портер, Каин, Макхен и многие другие. Нет, они все видели, что Брансому нужен только легкий толчок.

Он подумал, что в нем опять начинают говорить эмоции. Так поступают люди, которыми управляют снаружи. Это очень опасный советник. Надо смотреть на вещи объективно.

Почему враги выбрали меня как подходящую цель и не обратили внимания на других? Ответ: потому как в данных обстоятельствах я был более доступным. Почему я подходил им? Ответ: потому что они были готовы к удару, а я был доступен для удара, когда другие были недоступны. Что было чистой случайностью. Почему Джо Соап был сбит машиной, когда никто из его друзей или соседей не пострадал от такого несчастья? Ответ: потому что Джо и машина по случайным совпадениям встретились во времени и пространстве.

Сбит?

СБИТ?

Внезапно его глаза уставились в одну точку, его руки повлажнели. Тот проклятый день начался с того, что он упал с лестницы. Он мысленно увидел все это с самого начала. Он прошел уже десять или двенадцать ступенек и ему оставалось около двадцати. И тут вспышка и он нырнул вниз и от серьезных повреждений его спасли только двое мужчин, которые оказались рядом. Он прекрасно мог видеть их вытянутые руки, их взволнованные глаза.

Их руки схватили его за мгновение до падения. Теперь, когда он подумал об этом, ему показалось, что они были очень проворны и умелы, как будто они знали, что должно произойти и заранее подготовились к своей роли. Они действительно, как будто предвидели все от начала до конца и этим спасли его от серьезных повреждений.

Однако, он все же ударился немного сильнее, чем признался в этом Дороти. Он потерял сознание и очнулся уже сидя посередине лестницы, с озабоченными спасателями по краям. Синяк и ссадина на локте произошли, когда он ударился о перила и это он помнил, а вот как получил шишку на голове, этого он не помнил и не мог понять.

Боже, а может его ударили сзади?

В то время этот инцидент потряс его до глубины души, так что все свободное от работы время было испорчено. Вспоминая, что он тогда делал до того, как пришел на работу, он вспомнил, что его очень беспокоило то состояние, из-за которого он упал и он даже думал сходить по этому поводу к врачу. Он подумал тогда, не случилось ли что-нибудь с его сердцем, но побоялся услышать худшее.

Да, его состояние тогда было такое, что временами он полностью терял ощущение времени. Каким-то образом он потерял очень много времени, не понятно где и как, а когда определил, что уже довольно поздно, ему пришлось взять такси, чтобы успеть на работу.

Вот так и началась та пятница, тринадцатое число.

Его несчастливый день. Падение. Двое мужчин, готовых поймать его. Удар по черепу не понятно откуда. Пропажа времени утром. Двое шоферов, болтающих в пределах слышимости и делающие намеки. Здоровенный детина, преследующий его. Рирдон, идущий по следу. Компания, полк, армия.

Он замер на месте, его губы стали тонкими, кулаки сжались. Для того, чтобы сделать атомную бомбу, потребуется тщательная и кропотливая работа. Но для того, чтобы она сработала, нужен детонатор.

«Она ничего не стоит, пока не дернешь за веревочку».

Предположим, просто предположим, что кто-то сумел перенести подобную технику на человеческий мозг. В банк данных мозга вносится довольно большая часть информации, способная создавать критическую массу. Мозг будет оставаться в покое и новшество будет ждать своего часа. Он может оставаться в покое недели, месяцы, до того момента, пока не дернут за веревочку, во время подходящей ситуации.

Несколько слов, сказанные шофером-болтуном. Детонатор!

Мозговой взрыв!

Он выскочил из поезда на станции, почти бегом пошел распахивая прохожих, наткнулся на двоих-троих, извинился. Несколько людей даже повернулись, уставившись на него. Он понимал, что привлекает внимание, что он забыл о конспирации, но он слишком был погружен в свои заботы, чтобы обращать на это внимание.

Решение его предположения могло лежать только в той компании, которая могла стать полком. Он знал это также точно, как и существование на небе солнца. Некоторые из них могут рассказать, с чего началось их желание бежать, некоторые могут быть менее осторожны и менее внимательны, чем Хендерсон, который не очень-то помог. И некоторые попробуют раскрыть свой мозг для нового кошмара.

Попробуй навести порядок в голове. Я не полицейский, не тайный агент, я не представитель власти. Я – Ричард Брансом, такой же как и ты ученый, и я в бегах от всех, потому что я живу в своем придуманном фантастическом мире. Меня не ловят за убийство, которое я думал, совершил. Я думал, что я убил девушку по имени Элайн Лафарк. А что ты думаешь, что сделал ты?

Если хоть один из них, только один скажет:

– Боже мой, Брансом, в этом есть что-то странное! Это я убил ее в местечке по имени Бельстон! Я знаю, что я это сделал. Какого черта, ты мог...

– Мне расскажи, почему ты сделал это?

– Она сама довела меня до этого. Я совсем не собирался ее убивать, но я был не в себе.

– Как?

– Ну... э... я не могу сейчас точно сказать. Это было так давно и я так старался забыть об этом.

– Тоже самое и со мной. А может, нам вместе объехать других и узнать, сколько еще прибило эту самую Элайн Лафарк? Это будет приятно узнать. Мы можем составить целую камеру в тюрьме вместе и в такой компании нам будет легче считать часы до конца.

Может это произойдет таким путем? Ничего, что может вообразить человеческий мозг, не может быть невозможным. С другой стороны эти вражеские силы могут быть намного умнее и искуснее. Они могут снабдить каждого своим собственным фактором. Хендерсон, например, думает о своем преступлении. Он даже глазом не моргнул, когда услышал и о Элайн, и о Бельстоне.

Он начал чувствовать полную уверенность в том, что злосчастная Элайн Лафарк была просто иллюзией. Это было трудно, очень трудно принять за идею, так как его память настаивала на обратном. А спорить со своей памятью было также трудно, как отвергать свое отражение в зеркале.

Несмотря на новые факторы, несмотря на отсутствие старых фактов, его память цепко держалась за самый страшный момент его жизни. И хотя видение прошлого может быть просто дурным сном, построенным вокруг призрачной женщины, он очень хорошо мог

представить черты Элайн, когда она умирала, ее темные волосы, перевязанные голубой лентой, ее черные глаза, наполненные болью, ее тонкие губы, кривящиеся от боли, ее тонкие ноздри, струйку крови, стекающую по лбу. На ней было ожерелье из жемчуга, черные туфли, золотой браслет на руке, это была картина, со всеми даже мельчайшими подробностями, со всеми оттенками. Это была такая полная картина, какая только может быть в жизни.

Но была ли она реальной?

Или это был кусок информации, который представлял критическую массу?

Другие должны будут знать о ней или ее фантоме также много. Но получить это от них без помощи Рирдона будет очень трудно. Но ему не хотелось обращаться туда за помощью, особенно после последних событий. Кроме того, это может полностью связать его как раз в тот момент, когда он уже превратился в охотника. Он обратится к Рирдону как к последней инстанции только в крайнем случае.

Хотя его коллеги-близнецы могут оказаться еще менее разговорчивыми, чем даже Хендерсон. Но на данный момент ему самому надо попробовать во всем разобраться. И он решил, что есть источники, которые ему надо будет выследить.

Пять человек могут разрешить загадку Элайн Лафарк.

Пять человек знают многое о ней и их можно заставить говорить.

Эти пять были – те двое, которые поймали его на лестнице, двое разговорчивых шоферов и его преследователь, здоровенный иностранец, который и заставил его пуститься в бег. Если он прав в своих догадках, то должен быть еще и шестой человек, невидимый руководитель, которого он не включил в список, потому что его идентифицировать он не мог.

Любой из этих пяти мог дать ниточку, которая приведет к другим четверем, а может и к еще большей толпе, которая прячется за ними.

Продолжая думать в этом же роде, он забавлялся тем, что более или менее беспристрастно изучал свою жажду мести. Будучи тем, кем он был раньше, аналитическим мыслителем, он всегда рассматривал желание заехать кому-нибудь по зубам примитивным чувством. Теперь такое желание совсем не казалось ему таким уж первобытным. И в самом деле, он бы начал презирать себя, если бы у него не было такого желания. Никто не может лишиться себя основных человеческих чувств. Он был счастливо женат, а этого состояния он не мог бы добиться без этих основных чувств.

Да, если выпадет возможность или ему подвернется шанс, то он соберет всю свою силу и злость в кулак и этим кулаком вышибет напрочь чьи-нибудь зубы.

Другими словами, он был в ярости и наслаждался этим.

9

Ночное темное небо легло над городом, уличные фонари замерцали своим теплым светом, витрины магазинов ярко осветились. Это был его город, но он не шел домой. Если кто-то хочет встретить его, то там-то он кого и ждет, он сидит и наблюдает, когда заблудшая овца вернется в свое стадо. По его понятию, они могут сидеть там пока не пустят корни. У него еще нет никакого желания, чтобы его подобрали. Что ему было больше всего надо – так это время, достаточное, чтобы побродить вокруг, выбрать себе цель и нанести сокрушающий удар.

Он продвигался по городу быстро, но осторожно. Сотни людей, некоторые из служащих института жили вокруг и хорошо знали его в лицо. Ему совершенно не хотелось, чтобы кто-то увидел его, еще меньше ему хотелось, чтобы кто-нибудь с ним заговорил. Чем меньше других будет знать о его возвращении, тем лучше. Избегая хорошо освещенных улиц с крупными магазинами, он зашел только в маленький магазинчик, чтобы купить себе расческу, зубную пасту и бритву. Его путешествие закончилось в мотеле на окраине города.

Там он почистился и поел. Какое-то время его съедал соблазн позвонить Дороти и договориться с ней о встрече где-нибудь в кафе на краю города или в каком-нибудь

подобном месте. Но детям скоро надо будет ложиться спать и ей тогда придется найти кого-нибудь из соседей, чтобы посидеть с ними. Утром, когда дети будут в школе, будет лучше. А пока ему лучше позвонить Хендерсону, если тот, конечно, еще в Лейксаде. Он набрал номер и Хендерсон ответил.

– Ты все еще там? – спросил Брансом. – Я думал, ты уже уехал.

– Поеду завтра, – сообщил Хендерсон. – Старик Элди приглядит пока за магазином и он в восторге от этого. Ну, а ты, связался сам знаешь с кем?

– Да. Они ничего не делают.

– Что ты имеешь в виду?

– Они ничего не знают об этом и это вполне определено.

Но Хендерсон был скептиком.

– Если они и знают что-нибудь, то это совсем не обязательно, что они признавались в этом первому встречному по телефону. Более вероятно, что они постарались бы тебя прихватить. Ты дал им достаточно времени на это?

– Нет.

– Тогда ничего нельзя гарантировать.

– Мне совершенно не надо было давать им время. Они совершенно не собирались меня прихватывать.

– Почему ты так уверен в этом?

– Потому что они даже не сделали попытки потянуть разговор, – объяснил Брансом. – Более того, я предложил им приехать туда, но они стали меня отговаривать от этого. Они сказали, что это будет просто пустой тратой времени. Они не были заинтересованы даже увидеть меня, не то что схватить. Я тебе говорю, Хенни, все это дело чистая иллюзия и я собираюсь действительно докопаться до всего.

– И действовать согласно этого предложения? Что ты имеешь в виду? Ты собираешься вернуться в институт?

– Нет. Пока нет.

– Тогда как?

– Поболтать вокруг и посовать нос в разные дыры. Так я могу найти что-нибудь серьезное. По крайней мере, я попробую. Без труда – не вытащишь рыбку из пруда.

– У тебя есть ниточка, за которую стоит потянуть?

– Может быть, я еще не уверен в этом, – Брансом нахмурился и продолжал. – Если твоя проверка покажет, как я и ожидал, что твои опасения были беспочвенны, я советую тебе подумать об обстоятельствах, при которых все это началось. Ты должен вспомнить людей, при которых все началось. Ты должен их подозревать. Понял, что я хочу сказать?

– Брансом, – сказал Хендерсон, ничуть не зажигаясь полученными сведениями. – Ты можешь попытаться свои шансы как частный детектив, но я свои испытывать в этой области не собираюсь. Я не подхожу для такой работы ни по образованию, ни по наклонности.

– Ровно как и я, но это меня не останавливает. Никогда не узнаешь, что ты можешь сделать, пока не попробуешь.

– Ну, делай по-своему.

– Так и делаю. Я уже устал делать что-то по чужому желанию, – он сжал кулак и уставился на него, как будто это был какой-то символ, – Хенни, если ты выяснишь, что ты чист, ради всего святого, не успокаивайся на этом. Не впадай в спячку ленивой счастливой собаки. Возвращайся и присоединяйся ко мне. Возможно, что нас приговорили к этому одни и те же люди. Ты можешь узнать одних, я – других. Мы можем помочь друг другу прихватить их.

– Я еще ни в чем не убедил себя, – возразил Хендерсон, инстинктивно сопротивляясь песне «вернись, я все прощу». – Ты все проверил и жаждешь крови. Я еще только собираюсь проверить и надеюсь на избавление. В данный момент у нас разные позиции. Возможно, что через несколько дней я тоже встану на твою позицию. Возможно, я тогда созрею и решу, что мне делать.

– Тебя нельзя будет назвать человеком, если ты после всего этого не захочешь посадить этих типов на электрический стул, – взорвался Брансом. – И тебе не надо искать помощника для этого дела, на это я согласен. И ты для меня должен быть согласен на то же самое.

– Я сообщу тебе, как у меня пойдут дела, – пообещал Хендерсон.

– Удачи тебе.

Закончив разговор, Брансом взял у клерка телефонный справочник и начал изучать страницу за страницей, строчку за строчкой. Время от времени он делал какие-то выписки на листке бумаги.

Он закончил свою работу и у него на руках оказался короткий список адресов и телефонов нескольких адвокатских кантор, нескольких психиатров, агентств, четыре компании по транспортным средствам и несколько дешевых забегаловок, в которые он раньше никогда не заходил. Большинство из этих данных могут никогда и не понадобиться, но иметь их под рукой было очень удобно. Запихав список в бумажник, он начал приготавливаться ко сну. Его сон в эту ночь был глубоким и спокойным.

Утром в девять часов, предположив, что Дороти уже вернулась домой, проводив детей в школу, он позвонил домой. Он был очень осторожен, организуя встречу, мало ли кто подслушивает телефонный разговор и рад был узнать о встрече; поэтому он должен ее назначить так, чтобы поняла только жена.

– Слушай, Дороти, дорогая, это срочно, и я не могу попусту тратить слова. Так что давай поговорим быстренько, ладно? Со сможешь позавтракать около половины первого?

– Конечно, Рич, я вполне...

– Помнишь то место, где ты потеряла свою серебряную пудреницу, а потом нашла ее? Я буду ждать тебя там.

– Хорошо, но почему?

Он повесил трубку, когда она еще говорила. Несомненно это ее очень обидело, но другого выхода не было. Рирдон и те, кто стоит за ним, имеют полную возможность подслушивать телефонные разговоры и несомненно делают это, если считают полезным. Краткость и неопределенность были единственной защитой от этого.

В десять он околачивался около ворот транспортной компании. Это был промышленный район, вдоль широкой дороги которого стояли фабрики, заводы и склады. Движение здесь было не таким интенсивным как в центре города, по дороге проезжали только грузовики. Прохожих тоже было очень мало. Раздраженный он прогуливался вдоль ворот взад и вперед около полутора часов, за это время только один грузовик въехал в ворота и ни одного не выехало. Он внимательно рассмотрел шофера и его напарника. Оба они были ему совершенно незнакомыми.

Сразу же за воротами были весы для автомашин и рядом стояла будка, в которой сидел мужчина. Мужчина что-то записывал, когда проезжала машина и потом продолжал со скукой смотреть в окно будки. Он заметил, что Брансом постоянно маячит перед воротами и стал с любопытством наблюдать за ним. В конце концов, он вылез из своей будки, подошел к воротам и сказал:

– Ждете кого-нибудь, мистер?

– Смотрю пару знакомых парней, – лаконично ответил Брансом.

– Они заставляют себя ждать, не так ли? Скажите, как их зовут и я передам, что вы их ждете.

– К сожалению, я знаю их только в лицо.

– Это хуже, – заметил мужчина.

В будке зазвенел телефон.

– Подождите немного, – сказал мужчина и пошел к будке.

Он снял трубку, посмотрел что-то в своей тетради, передал какую-то информацию и вернулся к воротам.

– Я могу описать их, – предложил Брансом без всякой надежды.

– Нет, это не поможет. Я так не умею. Я не узнаю свою тетю Марту, если вы даже

нарисуете ее маслом.

– А может я смогу так, что вы поймете?

– Нет, не получится, – он почесал свою лохматую голову, раздумывая над проблемой, затем показал рукой через двор. – Вот что я вам скажу, идите вон туда, в контору и спросите там Ричардса. Он знает всех служащих также хорошо, как свое лицо. Должен знать, он их нанимает и увольняет.

– Огромное спасибо.

Брансом поспешил через двор, вошел в контору и обратился к девушке, сидящей за барьерчиком.

– Могу ли я видеть мистера Ричардса?

– Вам нужна работа?

– Нет, – ответил Брансом, – мне нужна кое-какая информация.

Ричард вышел через несколько минут. Это был мужчина с тонкими чертами лица и лишенным иллюзий взглядом. В его голосе была вежливость, которая давалась ему с трудом.

– Чем могу помочь?

– Я пытаюсь найти пару водителей.

– Зачем?

– Э...

– Зачем они нужны вам? Что они натворили? И вообще, кто вы такой? Вы из полиции или расследуете страховки?

– Мне кажется, вы сразу ожидаете худшего? – попытался улыбнуться Брансом. – Видно с этой шоферней много возни?

– Это уж мое дело. А вот в чем ваше?

Так как последний видимо привык иметь дело с властью, любым видом власти, Брансом сказал ему полуправду.

– Я служащий министерства обороны, – и он протянул Ричардсу свой пропуск, который тот изучил с большим вниманием и уважением.

– У меня есть основания считать, что двое ваших шоферов располагают информацией, которая может заинтересовать наш отдел. Если я найду их, я бы хотел задать им несколько вопросов.

Удовлетворенный таким образом дела, Ричардс сказал уже более доброжелательно:

– Как их имена?

– Я не знаю. Могу дать словесный портрет. Ваш служащий у ворот сказал мне, что сможете их узнать по словесному портрету.

– Хорошо. Я попробую. И как же они выглядят?

Брансом дал словесное описание обоих шоферов, которые болтались в буфете. Он даже подумал, что ему очень удалось эти портреты с мельчайшими деталями.

Когда он закончил, Ричардс сказал:

– У нас сорок восемь водителей, разъезжающих по всей стране. Под ваше описание попадает более или менее человек двадцать. Некоторые из них вернуться через пару дней, другие через пару недель. Если вы захотите их всех увидеть, вам придется ждать довольно долго.

– Плохо, – заметил Брансом разочаровано.

– Вы уверены, что они работают в нашей компании?

– Я не знаю, где они работают.

– Святой боже! – недоверчиво уставился на него Ричардс. – Какие знаки они носили на фуражках или нагрудных карманах?

– Я не знаю.

– Хорошо. На каких машинах они были? Какого цвета были грузовики, какие на них были написаны буквы, какие знаки?

– Не знаю. Когда я их видел, они были без машин, они, очевидно, ждали поезда на железнодорожной станции.

– Господи, – Ричардс молитвенно взглянул на небеса, – позвольте мне вам кое-что сказать. Обычные шофера грузовиков не пользуются поездами, разве что только для крематория. Они отвозят груз и привозят груз обратно. Если могут себе таковой найти. Если не могут, то возвращаются домой порожняком. Так что те, о ком вы говорите были скорее всего перегонщиками.

– ?

– Перегонщиками грузовиков, – объяснил Ричардс с подчеркнутым терпением, – они берут груз и доставляют куда-нибудь вместе с грузовиком. А дальнейшие указания они получают там. Или им там дают новый грузовик с грузом, который они перегоняют на новое место, либо им говорят куда надо ехать и получить новый грузовик с грузом, тогда они пользуются автобусом или поездом. И так далее, и так далее. Их также используют как подменных шоферов: они заменяют шоферов, которые в отпуске или болеют. Это цыгане, настоящие кочевники. Сегодня здесь, а завтра бог знает где еще!

– Понятно, – сказал Брансом, понимая, что детектив из него получился более чем слабый.

– Дело в том, что перегонщиков нанимают очень крупные компании, разбросанные по всей стране. А не такие маленькие, как те четыре, которые находятся в нашем городке. Таких фирм по всей стране всего лишь дюжина и каждая имеет более сотни шоферов. Ваше описание может подойти к сотне шоферов, которые находятся в данный момент в любом месте от северного полюса до южного, – он беспомощно развел руками, – Искать их хуже, чем двух определенных блох в собачьей будке. Я бы на вашем месте это бросил: жизнь слишком коротка.

– Понятно, – сказал Брансом, – к этому стоит прислушаться. Большое спасибо за то, что вы мне рассказали. Учиться никогда не поздно.

– Не стоит благодарности, – сказал Ричардс, провожая Брансома глазами. – Да, вот что, я только подумал об этом. Пара перегонщиков не могла ждать поезда на нашей станции.

– Почему нет?

– Они никогда сюда не заезжают. Здесь нет для них никакой базы.

Брансом переварил это:

– Значит, они были не теми за кого себя выдавали, а? Но я сам их видел: они выглядели как обычные шоферы.

– В наши дни можно встретить человека, который выглядит как Наполеон, но он не является им.

Брансом вернулся к барьерчику, перегнулся через него, и, схватив Ричардса за руку, сказал:

– Вы победили.

Он вышел, поспешно пересек двор и подошел к воротам. Сторож у ворот вышел из своей будки и поинтересовался:

– Успешно, мистер?

– Нет, – ответил Брансом, – их вчера повесили. Справедливость восторжествовала!

Он продолжал идти не дав возможности для дальнейших вопросов. Сторож стоял как пораженный громом, потом бросился в будку и схватился за телефон.

– Кого там повесили? Или что, этот парень сумасшедший?

– Тебе платят за то, чтобы ты держал их снаружи, а не проводил внутрь. Проснись, свинья!

Точно зная из своего опыта, каким будет маршрут Дороти, Брансом встал в конце небольшой стоянки для автомашин и наблюдал за ее приездом. Примерно за пять минут до назначенного времени, она въехала на стоянку, ловко установила машину на свободное место, вышла из нее и закрыла двери. Задержавшись только для того, чтобы заплатить за стоянку, она вышла на улицу и поспешила вдоль нее. Сумка висела у нее на правой руке, хорошо знакомый для него чемоданчик она несла в левой. Она шла довольно быстро, демонстрируя в деле стройные ноги, на которые некоторые мужчины бросали восхищенные

взгляды.

К стоянке подъехала еще одна машина и встала недалеко от машины Дороти. Из нее вылезли двое мужчин, заплатили за стоянку и повернули направо. Они шли неторопливым шагом всего в ста ярдах от Дороти. Несколько дней назад Брансом бы с большим подозрением отнесся к этой паре, но сейчас, по его мнению, мужчины были слишком седые, и пожилые, чтобы играть в Шерлоков Холмсов. Но все равно, он осторожно направился за ними, следя в то же время, не появятся ли другие сопровождающие, которых могла привести за собой Дороти.

Вскоре пожилые мужчины свернули в какое-то учреждение и прошли внутрь через крутящиеся двери. Дороти продолжала идти вперед, иногда замедляя шаги перед интересующими ее витринами. Постоянно оглядывая улицу вокруг, Брансом пришел к выводу, что слежки за Дороти нет. Он обратил внимание только на двух случайных прохожих, идущих в том же направлении. Обращать внимание на проходящий мимо транспорт он не догадался. Дороти подошла к небольшому ресторанчику, где несколько лет назад она оставила серебряную пудреницу, а потом вернулась и нашла ее. Она вошла туда как раз вовремя. Идя по противоположной стороне, Брансом прошел далее более ста ярдов, затем перешел дорогу и вернулся. Но он не заметил никого, кого ввел бы в растерянность этот его маневр. Насколько он мог судить, все было спокойно. Он вошел в ресторанчик и нашел Дороти, сидящей за уединенным столиком для двоих.

– Привет, милашка, – сказал он, вешая шляпу на ближайшую вешалку и садясь на стул напротив.

– Привет, милочек, – ответила она. – Ты так в своем костюме и спишь?

Инстинктивно загладив рукава, он возразил:

– Не так уж он и мят.

– А в чем же ты спишь? – продолжала она с опасной любезностью.

– Я сплю в кроватях, – ответил он. – Послушай, я встретился с тобой не для того, чтобы...

Он замер на полуслове, когда увидел как она наклонилась и, достав из-под стола поставила на стол чемоданчик. Это был чемоданчик, который он оставил в поезде, во время бегства от Рирдона. Он мрачно уставился на чемодан.

– Где ты взяла его?

– Высокий темный незнакомец пришел к нам, постучал в дверь и отдал его мне.

– Он не сказал, как его зовут?

– Сказал – Рирдон. И я, естественно, хочу знать как он попал к нему и как ты обходишься без своих бритвенных принадлежностей и без одежды для сна.

– Если уж это так интересует тебя, я сплю в подштанниках. Что он сказал тебе?

– Он сказал, что отпускаешь бороду и предпочитаешь спать голым, а причины всего этого он просто не знает. Если я не буду задавать вопросов, то и не услышу лжи, а он не хочет быть участником возможного развода.

– Верь ему больше, – заметил Брансом. – Он хотел разозлить тебя. Без всякого сомнения он решил, что если разозлить тебя ты быстрее согласишься помочь ему. Он, конечно, задал тебе вагон вопросов на тему: когда ты обо мне что-либо слышала и где я нахожусь, и что я делаю и так далее.

– Он задал несколько вопросов. Но в конце концов, я ему ничего не сказала. Да я и не могла ему ничего сказать при всем желании. Слушай, Рич, что происходит?

– я бы очень хотел рассказать тебе все, но пока я не могу сделать этого. Пока нет. Когда все это кончится, власти могут захотеть оставить все это в тайне. Ты знаешь, что они могут сделать с людьми, которые разговаривают слишком много.

– Да, конечно.

– Пока я могу тебе сказать одно: все это очень секретно. Это напрямую касается меня и это-то так меня и беспокоило перед отъездом. С тех пор я узнал, что это касается не только меня, но и многих других. Я также выяснил, что это не так уж серьезно, как мне казалось в

начале.

– Это успокаивает, – сказала она с явным облегчением.

– Успокаивает, но только наполовину. По причинам, которые я не могу объяснить тебе, это надо довести до удовлетворительного конца, – он хотел объяснить ей хотя бы часть не раскрывая всей сущности. – Это как больной зуб. Ты можешь положить на него ватку с каплями и он перестанет так болеть. Но это полумеры. На самом деле надо просто вырвать его.

– Тебе самому?

– Я один из тех, кто страдает от этого. И я считаю, что я должен что-то по этому поводу сделать, если смогу.

– О каких страданиях ты говоришь? А что власти не могут что-нибудь сделать?

– Им пока до этого не дотянуться, к тому же они не понимают, что происходит. Я нашел... – он заметил ее предупреждающий взгляд, взглянул на зал и увидел, что рядом с ними молча стоит официант.

Взяв у него меню, он обсудил его с Дороти и сделал заказ. Официант ушел и Брансом продолжил:

– Я нашел одного парня, который может захотеть и быть в состоянии помочь. Это – Хендерсон, баллистик из красного отдела. Ты помнишь его?

– По-моему, нет, – призналась она, немного подумав.

– Такой крупный мужчина, слегка с брюшком, лысеющий на макушке, в таких очках без оправы. Ты встречалась с ним несколько месяцев назад.

– Все равно не могу вспомнить. Наверное, он не очень производит впечатление.

– Это так, да он никогда и не стремился к этому. Он не такой, на которых женщины обращают внимание.

– Хочешь сказать, что он очень замкнут?

– Пусть будет так, – он сделал ей физиономию, которая вызвала у нее улыбку. – Хендерсон может позвонить в любую минуту. Меня не будет дома еще несколько дней, но пусть это тебя не тревожит. У меня есть веские причины для этого.

– Об этом говорил и этот тип, Рирдон.

– Чертов Рирдон! Теперь слушай, если этот парень Хендерсон позвонит, скажи ему: что я на работе и со мной нет связи, спроси у него, что мне передать. Если ему надо, чтобы я позвонил, спроси куда, по какому номеру. Все понятно?

– Я справлюсь. Искусство брака и состоит в том, чтобы уметь управляться.

– И еще, если кто-нибудь, Рирдон, или тот здоровенный детина, или еще кто-нибудь придет к тебе с вопросами, ты все еще не знаешь, понятно? Ты не слышала о Хендерсоне, даже если ты только что говорила с ним по телефону. И не обращай внимания кто спрашивает: репортер, агент ФБР, сам маршал в полной форме, ты все равно ничего не знаешь. Ладно?

– Хорошо, – согласилась она. – Но могу я знать кто такой Рирдон?

– Офицер разведки.

На ее лице выразилось удивление и озадаченность:

– Тогда это явно его работа, а не твоя...

Он оборвал ее:

– Первое: страдания обучают, а он не страдает и вряд ли сможет понять психологию тех, кто страдает. Второе: есть разные идеи из чего состоит разведка, и третье: он обучен иметь дело с обычными вещами и пользоваться обычными методами. Я не хочу чтобы он путался у меня под ногами и предлагал свои методы: достаточно правил, которые я выполняю в институте, чтобы подчиняться еще каким-то и вне его.

– Хорошо, если он покажется у нас я буду разговаривать с ним с широко раскрытыми, ничего не понимающими глазами.

– Так и сделай. Его конечно, не проведешь, но и узнать от тебя он ничего не должен.

Им подали заказ. Во время еды они вели пустую беседу, но за кофе Брансом опять

вернулся к беспокоящему его предмету.

– Еще одна вещь – этот верзила, которого ты определила как иностранца. Я видел его несколько раз, и хотел бы чтобы ты мне его описала еще раз. Разные люди видят по-разному и ты можешь дать мне дополнительные детали, которые могут мне пригодиться.

Дороти сделала то, что он просил и еще раз доказала, что очень наблюдательна. В дополнение к тому описанию, которое помнил Брансом, она добавила маленький белый шрам, длиной с дюйм, расположенный по диагонали с правой стороны его верхней губы. У него есть привычка морщить губы, после того, как он задает вопрос и тогда шрам особенно выделяется, сказала она. Кроме того, она ничего существенного не добавила к тому, что помнил Брансом. Единственно, что она еще сказала, это то, что ей показалось, что этого человека очень трудно вывести из себя, но если уж выведешь, то успокоить его будет еще труднее.

– Мне кажется, – сказала она, – что этот человек очень хладнокровно может вынести очень многое, но если уж он выйдет из себя, то сам не будет знать как остановиться!

– Он вел себя с тобой грубо?

– Нет, нет, он был сама вежливость.

– Хм, – сказал он и начал в задумчивости стучать пальцами по крышке стола. Официант не правильно понял этот жест и принес счет. Брансом заплатил по счету и когда официант отошел, спросил Дороти. – Ты не замечала, что последнее время за тобой кто-то следит?

– Нет, Рич, такого я не замечала. Ты думаешь, такое возможно?

– Возможно. Любой, кто хочет выяснить где я, будет держать тебя в поле зрения.

– Да, наверное.

– Отныне старайся заметить, не околачивается ли кто-нибудь около дома. Если ты заметишь, что кто-то все время топчется там, то не беспокойся. Но постарайся хорошо рассмотреть его так, чтобы ты мне при встрече смогла подробно описать его. Возможно, я смогу уцепиться за эту ниточку.

– Но он может быть просто другим офицером?

– Да, вполне возможно, что он будет из конторы Рирдона. Но вполне возможно, что он будет из совершенно другой компании и тогда он тот, кого я давно жду, – он встал и взял свою шляпу. – Скажи детям, что я скоро вернусь. Я позвоню завтра вечером, когда дети лягут спать.

– Хорошо, – сказала она, собрала вещи и вышла вместе с ним. На улице она спросила. – Тебе нужна машина? Может быть тебя куда-нибудь подвезти?

– Я лучше обойдусь без нее. Слишком много народу знает ее номер. Я не хочу объявлять о своем возвращении в город.

Она положила руку ему на плечо:

– Рич, ты уверен, что знаешь, что делаешь?

– Нет. Я как слепой, идущий на ощупь и старающийся положить руку на что-нибудь, что стоит схватить, – он посмотрел на нее, стараясь успокоить ее взглядом, я могу ничего не добиться, но если так, то я не буду считать, что это произошло от того, что это я ничего не делал.

– Я представляю, как ты себя чувствуешь.

С деланной улыбкой она направилась к автомобильной стоянке.

Брансом проводил ее взглядом, пока она не скрылась из глаз, потом остановил такси и отправился к конторе другой транспортной компании. Он не возлагал надежд на этот визит, но ему нужно было получить подтверждение словам Ричардса.

Там ему сказали:

– Слушайте, мистер, без имен и фотографий у вас шансы найти этих парней те же, что выпить с Тутанхамом. Они могут быть кем угодно и находиться где угодно. Что вы хотите, чтобы мы сделали?

Он вышел оттуда с полной уверенностью, что этот путь бесполезен. Итак, ему надо

было попробовать другой путь. Он признает себя побежденным только тогда, когда испробует каждую возможность и не раньше.

Бродя по боковым улочкам, он пришел к другой идее. Нет ли других путей, которые могут привести его к шоферам? Он мог придумать только одно место, где можно попробовать найти их, это станция и особенно станционный буфет. Когда-нибудь кто-нибудь, кто часто бывает на станции, может вспомнить их описание: служащий станции, буфетчик или какой-нибудь другой шофер.

А если исключить эту пару, то что тогда останется? Во-первых, этот детина, который следил за ним. Он тогда исчез около его дома и, возможно, живет где-нибудь по соседству. И еще остаются те двое, которые поймали его на лестнице. Он видел их какие-то доли секунды, когда падал и буквально минуту после того, как пришел в себя. Но их лица запечатлелись в его памяти с фотографической точностью, и он был уверен, что встретить он их где-нибудь, он их тут же узнает. Но где же искать их? Как и исчезнувшие шоферы, они могут быть кем угодно. И где угодно.

В конце концов, у него остается три пути: используя Дороти как приманку, он сможет найти этого здоровяка и через него выйти на остальных. Или он может связаться с Хендерсоном и может быть вдвоем у них дела пойдут успешнее, чем у него одного. Или же он может найти Рирдона, все ему рассказать и пользоваться его силами и решать проблему методами Рирдона.

Последняя идея так ему не понравилась, что он автоматически ускорил шаги и направился к станции. Он не знал, да и не мог знать, что это было его первое движение в правильном направлении. Этим путем он мог чего-то добиться.

10

Придя в буфет задолго до обеденного времени, Брансом уселся на высокий стул, заказал кофе и подождал, пока официант обслужит других посетителей. Когда парень освободился, он кивком подозвал его к себе, наклонился через прилавок и заговорил тихим голосом:

– Волт, я кое-кого ищу, и ты, возможно, можешь помочь мне. Ты не помнишь двух довольно здоровых парней в комбинезонах и фуражках, пивших здесь кофе около недели назад? Они выглядели как шофера грузовиков. А говорили они о каком-то убийстве.

– Убийстве? – Волт изогнул брови и сделал выражение человека, надеющегося на лучшее, но ожидающего худшего. – Нет, мистер Брансом, не помню ничего подобного. И ничего подобного не слышал. Нет, я не помню этих парней.

– Постарайся вспомнить. Два шофера. Сидели как раз вот здесь.

Волт послушно задумался.

– Нет, мистер Брансом, извините, ничего подобного не помню. Я бы их должен был заметить, если они были шоферами. Шофера редко заходят к нам! Но я не помню давно никаких шоферов, – и тут его осенила другая мысль. – А вы уверены, что я тогда работал?

– Да ведь ты всегда работаешь по вечерам в пятницу, не так ли?

– Да, правильно, но может быть я был просто занят тогда. Я не больно смотрю по сторонам, когда у меня много работы. Люди вокруг меня постоянно разговаривают, но я стараюсь их не слышать, пока они не начинают выкрикивать заказ.

– Ты думаешь, что запомнил бы их, если бы они появились здесь несколько раз?

– Конечно, – ответил Волт. – Я же сказал, шофера к нам заходят редко.

– Значит, может быть один выход, что они были здесь всего один раз и ты с тех пор их не видел.

– Конечно.

– Хорошо. А вот такого парня ты не помнишь, он был здесь несколькими днями позже. Такой – шести футов ростом, двести футов весом, плоский нос, тяжелые скулы, грубоватое лицо, белый шрам над верхней губой, напоминает переодетого полицейского. Он сидел вон

там, напротив зеркала, ничего не говорил, а только уставился в зеркало, как будто оно гипнотизировало его.

– Носит такое кольцо в виде змеи на левой руке, – продолжил Вольт, расправив брови.

– У него по-моему было кольцо, но я его не рассматривал.

– Разговаривает как иностранец?

– Я сам не слышал, как он сказал, хотя бы одно слово, но очень может быть, что он приезжий.

– Был здесь несколько раз, – Вольт взглянул на часы. – Примерно вот в это время. Не видел его уже около недели. Я его хорошо знаю, запомнил, потому что он всегда сидел, общаривал все глазами и не говорил не слова. Он иногда уставится на меня, как будто хочет на что-то пожаловаться, но ничего не говорит.

– Что-нибудь знаешь о нем?

– Только то, что я считал его иностранцем.

– Когда-нибудь видел его в компании кого-нибудь, кого ты знаешь?

– Нет, мистер Брансом, – ответил Вольт и со скучающим видом вытер несколько невидимых пятен с прилавка.

– Плохо, сказал Брансом.

Вольта окликнул клиент, тот пошел и обслужил его, потом навел порядок на дальних полках. Брансом все сидел над своей чашкой кофе. Наконец Вольт подошел к нему и сказал:

– По-моему его зову Коззи или Косси, что-то вроде этого. А зачем он вам?

– Да тут о нем полицейский расспрашивал. А откуда ты знаешь его имя?

– Как-то вечером он сидел здесь, как всегда уставившись в зеркало, а тут пришли несколько парней, один из них поздоровался с ним, и назвал его то ли Коззи то ли Косси, ему это не понравилось. Он посмотрел на парня таким тяжелым взглядом, надел кепку и вышел. Парень на это только пожал плечами.

– Знаешь этого парня?

– Нет. Я видел его несколько раз, но не часто. Просто случайный посетитель, который заходит сюда под настроение.

– А тех других знаешь?

– Одного, Джима Фолькнера.

– Ну, ладно, – сказал Брансом, отодвинул чашку и встал со стула. – А где его можно найти?

– Я не знаю где он живет, мистер Брансом, могу только сказать, где работает.

Вольт опять взглянул на часы. – В парикмахерской Воуса на Бликер стрит. Он должен быть сейчас там.

Брансом направился в парикмахерскую, которая была неподалеку. Это было небольшое грязное помещение с двумя служащими и четырьмя стульями. На неприбранном полу валялись остриженные волосы. Один парикмахер, седой мужчина лет пятидесяти, обслуживал клиента, сидящего на дальнем стуле. Второй парикмахер, щуплый юноша, развалился на скамейке и читал комикс. Когда Брансом вошел, юноша встал и указал ему на стул. Брансом сел и сказал:

– Покороче сзади и по бокам.

Когда юноша кончил, Брансом расплатился и, сунув ему чаевые, тихо сказал:

– Я бы хотел переговорить с тобой у дверей.

Пройдя с ним до двери, юноша спросил таким же тихим голосом:

– Что вы хотите?

– Ты Джим Фолькнер?

– Да, откуда вы знаете мое имя?

– Мне сказал его мой друг, Вольт, из станционного буфета.

– А, этот зомби.

– Я пытаюсь найти парня, которого последний раз видели в этом буфете. Такой большой, здоровенный тип, который был там несколько раз. Вольт сказал, что однажды

вечером ты был там с тремя друзьями и один из них поздоровался с этим типом. Ты помнишь это?

– Конечно помню. Такой большой тип, всегда очень мрачный. Жиль еще засмеялся и сказал, что они такие закадычные друзья, как кошка с собакой.

– Жиль?

– Жильберт, – на лице юноши появилось беспокойство. – А вам зачем это? Вы что, из полиции?

– Разве я похож на полицейского? Я просто потеря след этого парня и хочу его найти. Это личное дело. Жильберту нечего беспокоится, могу тебе поклясться в этом. Так кто такой Жильберт и как его найти?

Фолькнер ответил с явной неохотой:

– Его полное имя Жильберт Мичел. Он работает в Старгараж, в конце дороги.

– Это все, что я и хотел узнать. Спасибо за помощь.

– Хорошо, – ответил Фолькнер, все еще сомневаясь, мудро ли выдавать своих друзей.

Мичел оказался хорошо сложенным парнем с постоянно приклеенной улыбкой. Его руки были перепачканы автомобильной грязью и несколько пятен этой грязи были даже на его щеках. Вытерев лицо и руки еще более грязной тряпкой, он переключил свое внимание на Брансома.

– Я ищу такого здорового парня, – начал Брансом, я не знаю ни его имени, ни адреса. Его последний раз видели в буфете на станции. Вольт сказал, что ты там тоже был с Джимом Фолькнером и парой других парней. Ты поздоровался с этим верзилой, а он не очень-то обрадовался этому. Что ты о нем знаешь?

– Ничего.

– Но ведь ты разговаривал с ним, не так ли?

– Просто терял время.

– Но все же ты должен что-то знать о нем.

– Нет. Я видел его много раз в бильярдной в нижнем городе. Я ходил туда два-три раза в неделю и большинстве случаев он был там. Обычно он играл за соседним столом. Он играл с таким мрачным типом, который звал его Косси. Вот и все, что я знаю.

– А где эта бильярдная?

Мичел рассказал, как найти бильярдную.

– Когда Косси обычно показывается там?

– По-разному. Иногда он приходит туда рано, иногда довольно поздно. Самое лучшее около девяти часов, – Мичел расплылся в улыбке. – Не вздумайте играть с ним на деньги, мистер. Он разделает вас.

– Спасибо за информацию и совет.

У него совершенно не было желания играть в бильярд с Косси или с кем-нибудь с другим. Единственным желанием его было увидеть цель, а уж дальше он будет действовать согласно обстановке.

В бильярдной было около тридцати столов, примерно за двадцатью играли. Брансом бродил среди табачного дыма и разглядывал игроков и зрителей, которые так были поглощены игрой, что не обращали на него внимания. Никого из знакомых он там не нашел.

Он подошел к маленькой конторке в углу и заглянул в дверь. Там за столом сидел лысый мужчина, игран внутренностями самописца времени и курил тонкую сигарету. У стенки стояло несколько киев с обломанными концами и рядом раскрытая коробка с зеленым мелом.

– Случайно не знаете такого здорового парня, Косси?

Мужчина поднял голову, показав морщинистое живое лицо. Вынул сигарету изо рта и спросил:

– А почему я должен отвечать?

Не обратив внимания на вопрос, Брансом достал бумажник вынул оттуда банкноту, мужчина взял ее и она тут же исчезла как при хорошо отработанном фокусе. Деньги исчезли,

но выражение лица от этого не стало более доброжелательным.

– Его зовут Коставик или что-то в этом роде, – сообщил лысый, почти не двигая губами, – живет где-то поблизости. Приходит сюда только последние пять или шесть недель, но довольно часто. По-моему, часто переезжает с места на место. Чем зарабатывает на жизнь, не знаю, да и знать не хочу. Вот и все, что я могу сказать о нем.

– А что можно сказать о его приятелях?

– Одного из них зовут Шас, другого Эдди. Есть и третий, но я никогда не слышал его имени. Все они говорят по-английски как-то странно. Если они и горожане, то в их паспортах еще не высохли чернила.

– Очень вам благодарен, – посмотрел Брансом многозначительно на собеседника, – никто вас ни о чем не спрашивал. Ни вопроса.

– Да, ничего такого и не было, – ответил лысый, засунув сигарету обратно в рот и возобновив игру самописцем.

Выйдя из бильярдной, Брансом перешел дорогу, устроился в парадной и стал наблюдать за входом в бильярдную. Пока он получил максимум возможного и должен был пока удовольствоваться этим. Если никто не покажется сегодня, он попробует тоже самое завтра, а если надо то и послезавтра. Это было очень приятно, быть охотником, а не дичью.

Небо уже начало темнеть и на город упали сумерки, магазины начали закрываться, не составил исключение и тот, у входа которого прятался Брансом. Отсутствие солнца не принесло неудобства: свет от фонарей и от витрин магазинов хорошо освещал лица прохожих на обеих сторонах улицы. Единственным неудобством было уличное движение: за силуэтом машины или автобуса можно было вполне незаметно проскочить в бильярдную. Кроме того, он боялся, что какой-нибудь ревностный полицейский выгонит его на улицу. Это должно будет рано или поздно случиться. Полицейские не любят бездельников в парадных, особенно у входа в магазин.

Не успела эта мысль прийти уму в голову, как появился полицейский и как раз на его стороне улицы. Полицейский был всего в ста ярдах от него и начал приближаться к нему неторопливым свободным шагом. Брансом подумал, что у шпионов не такая уж простая работа, как это кажется на первый взгляд. Он простоял-то здесь не более десяти минут и вот уже должен куда-то перейти. И насколько он мог оценить ситуацию, избежать этого было невозможно: выйти и пойти по улице было еще более подозрительно, чем оставаться в парадной.

Важно и медленно полицейский подошел к парадной, проплыл мимо и совершенно отказался меня видеть. Это было очень странно. Все манеры в поведении полицейского кричали, что он видит меня, но делает полное впечатление, что не хочет меня замечать. Происшествие было из рук вон выходящим и совершенно не в духе полиции. Брансом уставился вслед полицейскому и был полностью озадачен происходящим.

Ровно через час полицейский вернулся, изучил все парадные за исключением той, в которой прятался Брансом. У этой парадной он улыбнулся и даже поприветствовал Брансома кивком. Затем он прошел дальше, заглядывая в парадные и время от времени пробуя замки. Брансом чувствовал себя как человек, которому вручили медаль, а он не знает за что.

После этого его внимание снова переключилось на вход в бильярдную. Шесть человек вышло оттуда и четверо вошло. Он мог видеть лица тех, кто выходил, но никак не мог разглядеть входящих. Однако все из входящих были среднего роста и веса, и, очевидно, желанного Коставика среди них не было.

Его терпение было вознаграждено в одиннадцать тридцать. Появились три человека и с трепетным волнением Брансом узнал в одном из них парня, который поймал его на ступеньках лестницы. Остальные были для него совершенно незнакомы. Брансом не видел, как этот парень вошел в бильярдную и не видел его там, очевидно, это был один из тех, кто при входе показал Брансому только спину, а мысли Брансома в этот момент были заняты только Коставиком. Временно он прогнал все мысли о Коставике и переключился на эту троицу. Насколько он мог судить, одна ниточка другой стояла.

Беспечно разговаривая, троица пошла вдоль улицы, преследуемая Брансом, который шел за ними по другой стороне. А за ними из темноты вышли еще два человека и последовали за Брансом, каждый по своей стороне улицы. А еще дальше на углу полицейский сделал знак и машина с четырьмя мужчинами медленно развернулась и поехала в том же направлении.

Эта процессия растянулась на полмили вдоль по улице и наконец переднее трио дошло до места, где от главной улицы отходило несколько боковых. Здесь переднее трио остановилось, несколько минут поговорило и разошлось в трех направлениях. Без колебаний Брансом последовал за тем парнем, которого узнал.

Идущие за Брансом двое преследователей разделились и последовали за теми двумя, которых Брансом проигнорировал. Машина остановилась и из нее вылез мужчина, который последовал за Брансом, а машина продолжала свой путь за ним на почтительном расстоянии.

Перейдя пустынную площадь, очевидно, ничего не подозревающий лидер цепочки подошел к телефонной будке на углу, вошел в нее и начал набирать номер. Брансом остановился в тени стены и прислонился к холодному кирпичу. Его преследователь сделал вид, что кого-то поджидает, а замыкающая шестивие машина остановилась у тротуара.

Человек в будке дождался, когда телефон соединится и сказал:

– Косси, я на десятой улице. За мной следят. А? Да разрази меня гром! Этот парень настолько зеленый, что над ним как будто мигает сигнальный огонь как над полицейской машиной и во всю завывает сирена. Что? Хорошо. Я приведу его к Семми.

Выйдя из будки, он даже не взглянул в ту сторону, где в тени прятался Брансом. Парень по деловому пошел по улице. Брансом дал ему немного удалиться и последовал за ним. Тоже самое сделала машина.

Через полминуты преследующая машина подъехала к телефонной будке и остановилась. Из нее вышел человек, быстро набрал специальный номер, о чем-то быстро переговорил. Затем он позвонил еще раз и вернулся к машине.

– Этот парень хорош, если он, конечно, не даст выпустить себе мозги прежде, чем все это кончится.

– Что хорошего на связи?

– Они уже знают кому он звонил.

Машина тронулась дальше. Ведущий цепочки был уже невидим, но это ничего не значило: человек, который шел за Брансом указывал им путь.

Когда машина проехала еще несколько боковых улочек, около аллеи, человек преследующий Брансома, вышел из тени и остановил машину. Он что-то прошептал сидящим в ней и указал на большое здание из серого камня, которое стояло впереди на правой стороне улицы. Когда он отошел от машины, шофер наклонился, сунул руку под приборную доску, достал оттуда микрофон и включил радиостанцию и что-то передал в эфир. Где-то в городе и совсем не далеко от них еще две машины, полные пассажиров, направились в направлении к аллее.

Так и не оборачиваясь назад человек, который вел за собой многочисленную цепочку, резко свернул, взбежал на крыльцо и вошел в здание из серого камня. Его фигура растворилась в темной парадной, хотя дверь ее осталась открытой.

Все еще прижимаясь к противоположной стороне, Брансом осторожно шел вперед, прошел серое здание, остановился на ближайшем углу, оценил ситуацию. Решить следующее движение было довольно просто. У него было два варианта: либо зайти в дом, либо оставаться на улице. Во втором случае он должен был быть готов проторчать там всю ночь и торчать до того времени, пока этот парень не выведет его на других участников. Ему обязательно нужна была связь между ними, так как без нее, все его догадки и предположения при официальном рассмотрении оставались догадками и предположениями и все дело выглядело очень фантастично.

Установить наблюдение за каким-то адресом было работой больше подходящей для

полиции или частного детектива. У него в кармане было два адреса детективных агентств. Но при данных обстоятельствах от них было мало пользы: также как и полиция, они не будут знать, за кем наблюдать. Он мог дать словесные описания подозреваемых, но после его неудачи с транспортными компаниями, он не очень-то доверял словесному портрету. Он стоял перед фактом, что только он, Брансом, мог узнать в лицо этих людей. Таким образом, только он мог довести это дело до конца.

Для того, чтобы окопачиваться здесь всю ночь, надо было иметь большой запас терпения, у него было достаточно терпения для решения научных задач, но терпения для осуществления возмездия ему не хватало. Кроме того, сегодня вечером он обнаружил определенную связь между подозреваемыми, он следил за бильярдной в надежде выследить одного человека, а выследил другого, значит, по крайней мере, двое из подозреваемых часто бывают в одном и том же месте.

Но здесь, в этом каменном убежище, может быть и третий член банды. А может, их вообще здесь пять или шесть, собрались вместе, замышляют новые преступления и смеются, сидя за пивом. Да, хихикают, потому что где-то лучшие умы прячутся от воображаемых трупов.

В нем поднялся гнев и он понял, что сейчас войдет туда и испытает судьбу. В первый раз за всю жизнь он пожалел, что у него нет оружия. Но вообще-то оружие не было таким необходимым. Если уж гостиничные воришки могут проникать в комнаты и обшаривать у спящих людей карманы, то уж он наверняка может проскочить в это логово, узнать что-нибудь полезное и ускользнуть невредимым.

Он тихонько проберется в здание и узнает имена хозяев квартир, которые наверняка написаны на табличках, висящих перед дверьми. Если хотя бы одно из имен будет Коставик, то этого будет достаточно, чтобы выскочить и позвонить в полицию и позвать из на то, чтобы ворваться в квартиру и арестовать всех находящихся там. Вот тогда можно будет вернуться и начать драку.

Он вернулся к серому зданию и поднялся на крыльцо, вошел в дверь и оказался в длинном коридоре, слабо освещенном одной единственной лампочкой. Коридор заканчивался узкой лестницей с маленьким лифтом сбоку. В коридор выходили двери четырех квартир. На этом этаже было тихо, как будто здесь и не было обитателей, а вот наверху он слышал приглушенные звуки радио, играющего марш Радетского. Все место было грязным, с облупившейся краской и выщербленными перилами.

Как можно тише он переходил от двери к двери и читал имена хозяев квартир. В слабом свете лампочки ему приходилось почти водить носом по табличке. Он внимательно присматривался к карточке, которая была прикреплена к одной из задних дверей и успел только прочитать «Самуэль...», как дверь резко открылась и сильный удар в затылок послал его вперед.

Эта двойная неожиданность была для него настолько внезапной, что он потерял равновесие и вбежал в квартиру. Уже упав и зарывшись носом в ковер, он услышал как захлопнулась дверь. Несколько стремительных мыслей пронеслись в его голове, когда он еще падал. Такой поступок со стороны его противников был обдуман и рассчитан. В таком положении неуместны никакие извинения, объяснения ошибки или что-нибудь в этом роде. Надо что-то быстро и уверенно делать.

Таким образом, как только он ударился о ковер, он как сумасшедший начал крутиться и покатился по ковру, докатился до пары здоровенных ног, схватил их в районе коленей и изо всех сил дернул. Вся квартира содрогнулась, когда его противник рухнул на пол. Им оказал Косси.

Кто-то еще склонился над Брансомом, но падение Косси помешало ему что-либо сделать. Он начал метаться вокруг с дикими ругательствами, но в это время здоровенный сапог Косси, который отчаянно дрыгая ногами, попал ему по коленной чашечке. Нападающий еще раз выругался и выронил из рук что-то металлическое.

У Косси были основательные причины дрыгать ногами. Когда голова его коснулась

ковра, Брансом сразу же узнал его и мертвой схваткой вцепился в его горло.

Еще неделю бы назад Брансом ни за что не поверил, что он может получить садистское наслаждение от того, что будет кого-то душить. Но вот сейчас он с большим удовольствием сжимал толстое горло Косси, стараясь не давать ему никаких шансов, отчасти из-за душившей его ярости, отчасти от того, что он знал, что Косси намного сильнее его и если дать ему малейшую возможность, он тут же разорвет Брансома на мелкие части. Эта смесь гнева и страха придала ему такой силы, о существовании которой он и не подозревал.

Итак Брансом все сильнее сжимал горло Косси, а в его мозгу звучала только одна мысль: «Я тебе покажу Элайн! Я тебе покажу Элайн!»

Косси схватил своими волосатыми руками запястья Брансома и пытался оторвать руки Брансома от своей шеи, но тот вцепился так крепко, что все, чего достиг Косси, было то, что он просто поднял свою голову над полом. Они отчаянно катались по полу и Косси постепенно все больше багровел. Третий человек прекратил ругаться и схватил Брансома за волосы, попытавшись оторвать его от Косси. Но короткая прическа Брансома не дала его противнику крепко уцепиться и его руки соскочили с волос Брансома. Тогда этот третий схватил Брансома за плечи. Но Брансом отчаянно лягался, как сумасшедший осел. Вскоре один из ударов Брансома достиг цели: он услышал как его противник взвыл и отпустил плечи.

На крик и шум борьбы открылась дверь в другую комнату и оттуда слышались шаги, но Брансом не стал смотреть кто идет на помощь его противнику, все его внимание было сосредоточено на жертве. К этому времени дыхание Косси стало тяжелым и хриплым, он попытался подпихнуть свое колено под живот Брансома.

Но вот несколько рук схватили Брансома и оторвали его от его жертвы.

Сильные и костлявые руки поставили его на него, потом нанесли ему несколько ударов в лицо, таких резких и сильных, что у него закружилась голова и он начал падать на спину.

Как сквозь вату он слышал вокруг себя разные звуки: тяжелое дыхание, проклятия, восклицания и шарканья многих ног. Сильный удар по уху опять вызвал у него головокружение, он замигал, стараясь рассмотреть, что происходит и вместо лица Косси, как сквозь туман увидел несколько лиц, в одном из которых узнал псевдошофера, который так много рассказывал о скелете, найденном в Бельстоне. Брансом умудрился вывернуться из державших его рук и со всей силой ударил по этому лицу, почувствовав как костяшки его пальцев хрустнули при соприкосновении с челюстью.

В его левом глазу вспыхнуло множество искр, которые вызвал сильный ответный удар и он упал во второй раз.

Когда он падал, в голове его пронеслась мысль, что он сделал большую ошибку, войдя в это здание, не предупредив никого, что больше уж делать ошибки, он, пожалуй, не сможет. В комнате было по крайней мере шесть человек, и все они были враги и пощады ждать было глупо. Силы были слишком не равны. У него не было никаких шансов. В отчаянные моменты люди делают странные вещи, а у него в голове, когда он снова ударился об пол, проскочило сожаление о том, что он затеял.

Кто-то подскочил к нему и пнул ногой, так что у него перехватило дыхание. Воздух покинул его легкие и живот одним сильным порывом. Инстинктивно он понимал, что следующий пинок сломает ему одно или несколько ребер, но он почти потерял сознание от этого. Он лежал на спине, ловил воздух раскрытым ртом и ожидал следующего пинка.

Послышалось несколько сильных ударов, потом за ними последовал треск, в комнату ворвалась струя ночного воздуха и хриплый голос прокричал:

– Стоять!

Упала полная тишина. Пинок, который должен был сломать его ребра, так и не последовал. С большим усилием Брансом перевернулся на живот и постарался, чтобы его вырвало. Потерпев поражение в этом деле, Он повернулся на спину и присел, держась за живот, левый глаз у него кровоточил. Он был не прав. Его противников было восемь, а не шесть. Они стояли все вместе, лицом к нему, но их глаза уставились на входную дверь. Вся

эта группа напоминала восковые фигуры в музее.

Брансом почувствовал руки у себя под мышками. С помощью их он медленно встал на ноги. Постепенно в его ноги возвращались силы. Он повернулся и увидел четырех мужчин в гражданском и одного в форме полицейского, все они держали пистолеты. Один из них был Рирдон.

Не придумав ничего более подходящего для данной ситуации, Брансом сказал:

– Привет.

И только после того, как он сказал это, ему в голову пришла мысль, что это совершенно не подходило в данный момент. Он улыбнулся одной половиной лица, другая отказалась ему подчиняться.

Но Рирдон отказался увидеть в этом что либо веселое. С полной серьезностью в голосе он спросил:

– С вами все в порядке?

– Нет. Я чувствую себя как подогретый покойник.

– Хотите в больницу?

– Нет, спасибо. Я сейчас отойду. И все будет в порядке.

– Ну и задали вы нам работенку, – сказал Рирдон без обиняков. – Сначала вы отказались с нами сотрудничать и даже просто помочь в чем-либо, а потом решили все сделать самостоятельно.

– Но похоже, что я это сделал, правда с вашей помощью.

– Ваше счастье, что мы подоспели вовремя, – он сделал полицейскому жест в направлении молча стоящей восьмерки. – Выводите по одному. В фургон этих.

По одному, с мрачными лицами восьмерка вышла из комнаты. Даже Косси не выразил никаких эмоций, когда выходил. Косси все еще массировал свое горло.

Рирдон своим цепким взглядом осмотрел всю комнату и сказал:

– Ну-ка, ребятки, уделите квартирке должное внимание и не забудьте осмотреть все остальные в доме. Если какой-нибудь адвокат-любитель вздумает говорить об ордере на обыск, запишите его в подозреваемые и отвезите в участок. Осмотрите все, если надо, то и стены разберите. Если что-нибудь найдете, звоните прямо в управление. Ну, Шерлок Холмс, пойдем.

Брансом последовал за ним, чувствуя все еще боль в своем теле и легкое головокружение. Он сел на заднее сидение машины, провел рукой по лицу и чуть не вскрикнул от боли, когда задел синяк. Его лицо горело, один глаз заплыл, ухо распухло и была разбита губа. Его живот болел и его продолжало подташнивать.

Сев на переднее сидение, Рирдон сказал несколько слов шоферу, переговорил о чем-то по рации и они тронулись. К этому времени вокруг серого здания стояло три машины уже и не большая толпа любопытных, некоторые из них прямо в одежде для сна. Машина, в которой находились Рирдон и Брансом помчалась по пустынным улицам. Рирдон, положив руку на спинку сидения повернулся к своему пассажиру.

– Если мне надо будет узнать точку разрыва материала при высокой температуре, я приду к вам, но если вам надо узнать, кто подсматривает в вашу замочную скважину, то вам надо обратиться ко мне.

Брансом ничего не ответил на это.

– У меня нет сомнений, что вы очень компетентны, как ученый, – продолжал Рирдон, – а как жулик вы – салага. А уж если говорить о вас как о детективе, то вы полная негодность.

– СПАСИБО, – мрачно ответил Брансом.

– Когда вы выскочили тогда из поезда, вы могли разбиться на смерть. Это было очень глупо. И я вообще не вижу в этом рационального зерна. Это совершенно не стоило вашей шеи.

– Нет?

– Нет. С этого момента мы искали вас: расширяя круг наших поисков. Мы знали, что некоторые направления были наиболее вероятны из-за лучших транспортных

возможностей, – он немного помолчал и, ухватившись за ручку, которая висела у него над головой, продолжал пока машина не сделала резкий поворот. – Шефу Паскоу было сказано, чтобы он докладывал о любом странном звонке, который он может получить относительно Бельстона, и чтобы он сделал это без промедления. Таким образом, когда он позвонил и сказал, что ему звонили по междугородному и спрашивали насчет какого-то убийства в Бельстоне и когда он сказал, откуда звонили, мы сразу поняли, что звонили вы и что место, откуда вы звонили находится в том направлении, где мы ищем...

– Вы сумели связать это, да?

– Конечно! Никто, кроме вас не мог позвонить из этого определенного места и задать совершенно идиотский вопрос о каких-то мифических костях, найденных под деревом. С этого момента мы начали видеть проблески света. На самом деле, вы сами начали рассказывать нам намеками, то что отказались сказать с глазу на глаз, а именно, что на вашей совести, точнее, на вашем сознании, висит убийство.

Брансом сделал вид, что очень занят своим синяком и ничего не ответил.

– Все стало проясняться, – продолжал Рирдон. – Но такого преступления никогда не было. Шеф Паскоу клялся в этом всеми святыми. Это же он сказал и вам. Теперь можно было предвидеть ваши дальнейшие шаги: или это привело вас в ярость, или же вы пришли в неописуемый восторг от ваших открытий, вы бы вернулись на грудь своей семьи и все забыли. Но если вы в бешенстве, то вы приехали сюда для того, чтобы вытряхнуть кого-нибудь из его штанов. Мы не могли ничего сделать потому, что не могли определить виновных. А вы могли и, более того, вы могли привести нас к ним. Таким образом, мы следили за приезжающими машинами, автобусами и поездами. Найти вас на станции было очень просто и также просто было продолжить слежку за вами.

– Я не видел никого, кто бы меня преследовал, – заметил Брансом и облизнул губы, которые на ощупь напоминали резину и с каждым разом казались все толще.

– Мы и рассчитывали, что вы этого не заметите. Мы не собирались делать это спустя рукава, – оскалился Рирдон. – А вы не пошли домой. Вы начали носиться вокруг, жаждая крови. Это нас устраивало больше всего. Вы получили ниточку от официанта в буфете, потом от парикмахера и наконец от механика в гараже. А когда вы спрятались у входа в бильярдную, мы решили, что настало время, когда вы укажете нам кого-нибудь стоящего. Так и оказалось.

– Но пара из них исчезла, – заметил Брансом. – Я не мог следить за тремя сразу.

– Зато мы могли и как только они пришли туда, куда шли, мы их тут же взяли.

Машина подъехала к большому официального вида зданию, у которого был освещен только второй этаж. Рирдон вышел из машины, Брансом последовал его примеру. Они вошли в здание проигнорировали лифт и поднявшись по лестнице, пошли по ярко освещенному коридору. Они подошли к двери, на которой была только табличка с номером. Весь этаж имел вид, как будто он работает двадцать четыре часа в сутки.

Войдя в кабинет, Брансом сел на стул и стал оглядываться, хорошо видя одним глазом и наполовину вторым.

– Не больно-то мне это напоминает полицейский участок, – заметил он.

– А это и не полицейский участок. Полиция является сюда только тогда, когда она вызывается. Наше дело шпионаж, саботаж и прочие преступления против конституции, – ответил Рирдон, – усаживайтесь за письменный стол, потом он включил переговорное устройство и сказал в микрофон. – Пригласите ко мне Касалолу.

В течении минуты в кабинет пришел мужчина. Он был довольно высокий, молодой, смуглый и имел вид доктора, которому некогда терять время.

Рирдон кивнул в сторону Брансома и сказал:

– Этот друг позволил изрядно помять себя. Подправьте его и придайте ему сходство с человеческим существом.

Касалолу кивнул Брансому и повел его в комнату первой помощи. Там он сразу принялся за работу: помазал чем-то радужный синяк под глазом Брансома, заклеил разбитую

губу, смазал распухшие щеки и ухо Брансома прохладной жидкостью. Он работал быстро и молча, очевидно, привыкнув к такой работе в любое время дня и ночи. К тому времени, как он закончил и вернул Брансома в кабинет Рирдона, они застали Рирдона все еще ерзающим на стуле.

– Вы все равно выглядите как после драки с кошками, – улыбнулся он. Он показал на настенные часы. – Еще не так рано, всего без десяти два, но похоже, нам придется прободрствовать всю ночь.

– Почему? Еще что-нибудь случилось?

– Да. Те двое привели нас еще в два адреса. В одном из них не обошлось без перепалки. Был ранен полицейский и взяли еще четверых. Но я еще надеюсь услышать и о других адресах.

Он бросил испепеляющий взгляд на телефон и тот, как будто поняв значение взгляда, тут же зазвонил. Рирдон схватил трубку.

– Кто? Мак-Крикен? Да? Еще троих? Что? Уйма аппаратуры? Не старайтесь разбирать ее. Я сейчас же выезжаю с компетентными специалистами. А этих троих пошлите сюда и поставьте охрану у дома, – он взял адрес, повесив трубку, он сунул листок бумаги в карман и встал. – Я думаю, это конец охоты. Вам, наверное, лучше съездить со мной.

– Согласен, – ответил Брансом. – Может попадется еще кто-нибудь, кому я с удовольствием заеду по физиономии.

– Ничего подобного вам делать не придется, – заверил его Рирдон. – Я беру вас с собой в надежде, что вы сможете что-нибудь сказать об этой аппаратуре. Мы хотим разобраться, что это такое, как работает и что она делает.

– Да, я, конечно, буду большой помощью. Я же ничего не знаю.

– Да вы должны знать. Может быть, когда увидите ее, то проснетесь и вспомните.

По дороге они зашли еще в один кабинет и захватили двоих мужчин по имени Сандерс и Вайт. Первый был средних лет, полноватый и очень важный, второй пожилой, задумчивый и близорукий, у обоих был вид людей, уверенных в себе, у которых никогда не было крупных неприятностей.

Они все сели в машину и машина отвезла их через весь город к какому-то складу и канторе, находящимся на одной из темных боковых улочек. Когда они подошли к двери, им открыл человек с большой челюстью и мощной мускулатурой.

– Мак забрал тех людей, которых мы здесь нашли, – доложил он Рирдону, когда они вошли внутрь, он показал пальцем на дверь в конце коридора. – Двое спали вон там, храпели как стадо тигров. Третий был тот, который нас сюда и привел. Они очень возмутились нашими действиями и пришлось попортить им здоровье.

– Кто-нибудь показывался здесь с тех пор?

– Ни души.

– Кое-кто может показаться здесь еще до утра. Я бы выставил еще пару людей на улице, – Рирдон внимательно осмотрелся. – А где те машины, о которых докладывал Мак?

Рирдон открыл дверь и пошел внутрь. Остальные последовали за ним. Грязные и оборванные рекламы говорили, что в старые добрые времена на складах хранились игрушки. Теперь комната была разделена ширмами на четыре части: одна часть представляла собой спальню на троих, другая кухню, третья туалет и четвертая была занята аппаратурой, о которой говорил Рирдон.

Стоя в ряд, они рассматривали хитроумное изобретение. Устройство было закрыто панелями, которые можно было легко снять и добраться до внутренностей. Устройство было шести футов в длину, шести в высоту и три фута шириной. Весило оно около двух тонн. Сзади к устройству был прикреплен электромотор, а впереди виднелась линза. Линза была направлена на черный вельветовый занавес, висящий на стене.

Рирдон сказал Вайту и Сандерсу:

– Ну, начинайте работать и посмотрите, что вы здесь сумеете обнаружить. Я не ограничиваю вас во времени, но чем вы быстрее разберетесь, тем лучше. Если я

понадоблюсь, я буду в коридоре.

Сделав знак Брансому, он вышел из комнаты. Они вошли в коридор, где в полутьме сидели охранники, наблюдавшие за входной дверью.

Один из них сказал:

– Больше сюда не зайдет ни одна крыса: нас выдаст машина у дверей.

– Знаю, – сказал Рирдон, садясь за обшарпанный стол и водрузив на него ноги. – Возьми машину и съезди за двумя, которых вы отправили сопровождать. Оставь машину где-нибудь за две улицы отсюда, оставь там одного человека. А ты с остальными возвращайся. Нас будет шесть. Этого, я думаю, вполне достаточно.

– Хорошо, – сказал охранник, открыл дверь выглянул наружу и вышел.

Они слышали как от дома отъехала машина.

– Шесть будет достаточно для чего? – спросил Брансом.

– Пока мы полностью не кончим с этой бандой, мы не будем знать сколько их всего, – двадцать или двести. Может быть, мы уже взяли всех но мы в этом не уверены. Некоторые могли остаться на свободе и поднять тревогу, обнаружить, что некоторые из них уже пропали и прийти сюда, чтобы уничтожить устройство. А может, они разбегутся по лодкам и самолетам. Я не знаю, что они будут делать, но я не хочу пренебрегать вероятностью, что они могут прийти сюда.

– Думаю, это правильно.

Рирдон наклонился и пристально посмотрел на него:

– Ты помнишь эту нору?

– Нет.

– Ну, а аппаратуру вы узнаете?

– Нет.

– Вы вполне уверены, что никогда не видели ее?

– Нет, я не могу припомнить такого, – разочарование Рирдона было настолько очевидно, что Брансом опять начал копаться в глубинах своей памяти. – У меня такое чувство, что она должна быть мне знакома, но вспомнить я не могу.

– Ух!

Они замолчали. Весь дом был без света, чтобы не спугнуть возможных посетителей, но свет от уличных фонарей проникал внутрь и позволял видеть происходящее. Так они просидели три часа, за это время еще двое охранников пришли и сели вместе с ними. В пять часов кто-то дернул дверь и попробовал замок. Один охранник широко распахнул дверь, держа пистолет в руке, остальные тоже вскочили на ноги. Но это был всего лишь дежурный полицейский.

Еще через двадцать минут из задней комнаты появился Вайт. В руке у него была блестящая длинная скрученная лента. Его лицо было усталым, а очки съехали на кончик носа.

– Эту штуку использовали не для собак, – объявил он. – Это стробоскопический ужас. Парень, который это придумал, сделал бы миру одолжение, если бы разрешил себе ампутировать голову.

– Что это? – спросил Рирдон.

– Минуточку, – сказал Вайт и посмотрел на дверь в заднюю комнату.

Появился Сандерс, сел на край стола, вытер свое пухлое лицо платком и посмотрел на Рирдона. Он был пунцовым, по лбу его струился пот.

– Будучи предупрежденным и не напичканным наркотиками, я выжил. Другие вряд ли, – сказал он и опять вытер лицо. – В этой комнате пыток я только что убил парня. Я его разделал быстро и по все правилам и сделал это с большим вкусом. Я прижал его к кровати и вскрыл ему горло от уха до уха.

– Правильно, – подтвердил Вайт. – Это было обдуманное и хладнокровное убийство и такое сочное, что увидеть можно раз в тысячу лет. Одно только подкачал.

– Что? – бросил Рирдон, уставившись.

– Потому что это только совершил я. Вот так прямо от уха до уха.
Впечатленный такой конкуренцией на убийство, Рирдон спросил:
– То же место? Та же техника? Те же мотивы? Та же жертва?
– Конечно! – ответил Вайт. – Та же лента, – он помахал блестящей лентой. – Это сцена убийства, – он бросил ее на стол. – Посмотри сам. Вся эта штука специальный кинопроектор. Он показывает стробоскопические кадры в естественных красках. Картина показывается на экране, сделанном из тысячи мелких пирамид из специальной пластмассы и пространственный эффект получается без поляроидных очков.
– Ничего нового, – заметит Рирдон. – Это делали и раньше.
– Кое-что новое есть, – заметил Вайт, – фильм снят так, что камера все время смотрит на происходящее с точки зрения того, кто все это совершает.
– Это делалось и раньше, – опять заметил Рирдон.
– А что не делалось раньше, так это вырезки на ленте. Пленка не стандартная и идет со скоростью триста тридцать кадров в минуту. Каждый пятый кадр дает резкую вспышку. Это создает стробоскопический эффект с частотой одиннадцать вспышек в секунду, что совпадает с пульсацией зрительного нерва. Понимаете, что это значит?
– Нет, продолжайте.
– Это эффект вращающегося зеркала. Это вводит зрителя в состояние гипноза.
– Черт, – сказал Рирдон, он взял ленту и попробовал рассмотреть ее в свете уличного фонаря.
– Даже если предположить, что зрителя не пичкали наркотиками, а мы предполагаем обратное, – продолжал Вайт, – зритель смотрит фильм, хорошо зная, что это фильм. Но вскоре он входит в состояние гипноза и отождествляет себя с камерой. И тогда все это становится фальшивой памятью. Мозг не может совместить это с местом и временем в памяти. Но в памяти есть пустые места, когда происходили события не стоящие запоминания. Эта аппаратура создает преступления, преступление, место, обстоятельства, мотивы и примерный период прошлого. И мозг заносит это в память туда, где ничего не было.
– Это может показаться невероятным для тех, кто это не испытывал на своей шкуре, – мрачно заметил Брансом. – Я-то уж хорошо знаю, насколько это убедительное чувство.
– Какой-то гений придумал очень эффективное промывание мозгов, – сказал Вайт. – И это вполне достаточно, чтобы убедить человека, что белое это черное, учитывая, конечно, что все это делается без предупреждения и человек не подозревает, что с ним делают, – порывшись в кармане он достал еще одну киоленту и дал ее Брансому. – Там в контейнере небольшая фильмотека убийства. Убийства расположены где угодно, отсюда до Тимбукту. А эта пленка содержит Бельстонское убийство, хотя у меня такое подозрение, что его снимали за тысячу миль от Бельстона. Как вам это нравится?
Брансом посмотрел пленку на свет.
– Бог мой, – сказал он. – Это Элайн?
– Возможно, второсортная актриса на другом конце планеты, – предположил Рирдон.
– Сомневаюсь, – вмешался в разговор Сандерс впервые за время обсуждения техники. Он все еще был в поту. – Эти убийства слишком реальные. У меня такое чувство, что главный артист действительно погибает.
– У меня тоже, – заметил Вайт.
– Что вы хотите этим сказать? – спросил Рирдон.
– Там смерть слишком естественна, чтобы ее так подделывать. Я думаю, что кого-то по каким-то причинам приговаривают к смерти, но им не объявляют этого, а надувают их и предлагают принять участие в съемках. Все они играют роль и только в последний момент узнают, что последняя сцена для них смертельна.
Рирдон все это обдумал с бледным лицом, не выражая никаких эмоций, потом заметил:
– Я бы не рисковал поставить такое на людей.
– Во всяком случае, это действует, – возразил Вайт, – потому что те, кого обработали,

не говорили. Как можно заставить говорить человека, который нашел себе убежище и отказывается признаться, что что-то не в порядке?

– Знаю, знаю, – заметил Рирдон и многозначительно посмотрел на Брансома. – Я отправлю куда-нибудь эту машину для дальнейшего изучения, – он посмотрел на часы. – Нет смысла сидеть здесь больше, – потом он повернулся к Брансому. – Вы тоже поедете со мной в управление. Мы дадим вам часов восемь поспать, потом накормим вас. А вот затем вы расскажите вашу историю во всех деталях и определите роли тех задержанных, которых вы узнаете. А потом сможете пойти домой. В шесть часов вечера Рирдон вез Брансома домой, разговаривая по пути:

– Нет сомнения, что они вас тогда выбрали потому, что при сложившихся обстоятельствах вы были для них самым доступным. Они вас сбили, напичкали наркотиками и увезли, показали вам этот фильм, потом отвезли обратно на лестницу и привели вас в чувство с подлым к вам сочувствием. Затем другой парень изобразил детонатор, а третий отправил вас в бега.

– Так и было, – согласился Брансом. – Жаль, что я не заметил тех двух пропавших часов.

– Вы были под действием наркотика, – возразил Рирдон. – Надо еще собрать остальные жертвы. Они еще не знают, что бегают от призраков, которых мы уничтожили, что такое не повторится. Та банда, которую мы выловили, могла быть только первой ласточкой, за ней могут последовать другие и обосноваться где угодно.

– Здесь ответ простой, – сказал Брансом, – можете держать меня как живой пример. Расскажите всем, что произошло со мной и как это случилось. Я не против, я буду хорошим противоядием. Ученые сумеют сами сделать выводы из этого.

– Думаете, это может привести остальных обратно?

– Конечно! Они тут же появятся как овечки. И это их так разозлит, что они будут согласны работать день и ночь, чтобы придумать контрудар. И скоро или рано они это придумают, – он взглянул на своего собеседника. – Есть еще одна вещь, которую вы мне не сказали и которую я хотел бы узнать.

– И что же это?

– Кто стоит за всем этим?

– Извините, но я не должен говорить вам этого, но я скажу вам два других сообщения, которые несколько удовлетворят вас. Первое: по нашему настоятельному требованию трое представителей одного из посольств сегодня ночью срочно покинули нашу страну. Второе: медаль вы, конечно, не заслужили, но вот ваш семейный бюджет несколько увеличится.

– И то кое-что. Я думаю, что честно заслужил это.

– Да? А я думаю, что в этом мире нет справедливости.

Машина остановилась против дома Брансома. Рирдон вышел из машины вместе с Брансомом и проводил его до крыльца. Когда на крыльце появилась Дороти, он сказал:

– Я привез вам беглеца обратно. Несколько поцарапанным, но целым. Он обещал мне рисовый пудинг и большой стакан виски.

Застигнутая врасплох Дороти, поспешила в дом.

Держа перед собой стакан виски, Рирдон объявил:

– За убийство! – и выпил все до дна.

Зазвонил телефон. Дороти снял трубку, потом протянула ее Брансому.

– Это тебя.

Брансом улыбнулся ей и взял трубку.

В трубке закричало:

– Брансом, ты прав! Я совершенно чист! Ты слышишь, что я говорю? Я совершенно чист!

Мы должны разобраться в этом вместе, Брансом! Я уже на пути к тебе, я приеду в десять тридцать. Ты встретишь меня?

– Конечно встречу, – он зажал трубку и сказал Рирдону. – Это Хендерсон, он приедет в

десять тридцать, чтобы принять участие в охоте.

– Мы подберем его, как только он покажется. Он может кое-что узнать тоже, – он уставился на бутылку виски, – Я думаю, что это можно тоже отметить, а?

Дороти, все еще не понимая что происходит, наполнила его стакан.

Подняв стакан, Рирдон объявил:

– Ну, еще за одно убийство!

ПОИСКИ В ГОРАХ ПРОПАВШЕГО УЧЕНОГО

Баден-Баден, 4 октября

Поисковая группа обыскала сегодня самую высокую вершину в Германии, Пугшпитце, 9 630 футов. Группа ищет профессора Эдуарда фон Винтерфельда, эксперта в области электроники. Пятидесятилетнего профессора, ведущего специалиста в области радарных установок, последний раз его видели в его загородном домике 14 сентября. Он сказал, что собирается предпринять прогулку в горы в район Зеефельдер Доломит, недалеко от Австрийской границы.

Сегодня его брат, доктор Авхим фон Винтерфельд сказал, что профессор находится в процессе работы над новым радарным устройством, которое могло найти применение в космической технике и особенно в противоспутниковых системах.

Вполне возможно, что это похищение. Однако, его брат и его близкие друзья сказали, что последнее время профессор был чем-то очень серьезно встревожен.

«Рейтер». «Гардиан», среда, 5 октября 1963 г.

Заметка напечатана с любезного разрешения редакции «Гардиан» и агентства «Рейтер».